

45345V

1961г.

Ик 1/180.

АПОСТОЛЬСКОЕ

1993

ПРЕДАНИЕ.

ПРОСЕРЕНО В 1953 г.

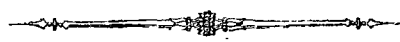
ПРОСЕРЕНО

Сочиненіе Л. ШУАЗИ.

Переводъ съ французскаго

П. МАКСИМОВИЧА.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., собств. домъ.

1880.

1879

Изъ журнала „Труды Кіевской духовной академіи“
за 1879 и 1880 г.г.

АПОСТОЛЬСКОЕ ПРЕДАНИЕ ¹⁾.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Привести въ ясность историческое происхождение христіанства, показать, что христіанское преданіе восходитъ къ самимъ Апостоламъ Іисуса Христа, свидѣтелямъ его жизни и писателямъ Евангелій, и доказать прочность основаній, на которыхъ зиждется почитаемый составъ преданій—такова цѣль этого сочиненія. Хотѣлось бы сдѣлать изслѣдованія эти доступными самымъ простымъ умамъ; къ этому я стремился, хотя и не могу льстить себя надеждою на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, о подобномъ предметѣ можно говорить только подѣ условіемъ—удовлетворять вмѣстѣ и требованіямъ науки. Сколько то возможно было, я входилъ въ подробности и дѣлалъ необходимыя указанія на источники, отнеся впрочемъ то и другое въ примѣчанія. Мнѣ кажется, что я не уклонился ни отъ какой трудности, и не подчинилъ объясненія фактовъ заранѣе предвзятымъ мнѣніямъ. Допускаю, что многое еще не совсѣмъ ясно, но я убѣжденъ, что вѣра христіанская, такъ какъ въ символѣ исповѣдуютъ ее всѣ въ мірѣ вѣрующія христіанскія церкви, есть вѣра первой церкви и первыхъ учениковъ Христовыхъ. Объ единственномъ, но важномъ пробѣлѣ я сожалѣю. Говоря о составленіи четырехъ Евангелій, я долженъ былъ ограничиться указаніемъ на ихъ время и ихъ мѣсто въ исторіи первыхъ двухъ вѣковъ. Подтверженіе этого положенія кажется мнѣ

¹⁾ Переводъ популярнаго изслѣдованія пастора *Шуази*: „La tradition apostolique par Louis Choisy pasteur de l'église de Geneve. Paris. 1874.

вытекаетъ изъ послѣдующихъ судебъ церкви, которыя я излагаю въ этомъ сочиненіи. Нельзя понять церкви 2-го вѣка, не принимая данныхъ преданія относительно времени написанія Евангелій; но истинная защита этихъ священныхъ памятниковъ будетъ состоять въ изученіи ихъ содержанія. Раціонализмъ нападаетъ на нихъ не столько во имя исторіи и науки, сколько во имя своихъ догматовъ, извѣстныхъ артикуловъ вѣры, ставшихъ для него аксіомами. Чтобы отвѣчать ему, надобно противопоставить его критикѣ—часто безразсудной—доказательства здравой и обдуманной критики. Это послѣднее будетъ предметомъ другаго труда, и мы не отчаиваемся, если Господь дастъ намъ силы и время, представить вѣрующимъ результаты добытые въ этомъ отношеніи лучшими трудами современныхъ ученыхъ. Между тѣмъ почтемъ себя счастливыми, если содержаніе слѣдующихъ страницъ будетъ способствовать къ укрѣпленію вѣры въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ малыхъ, которые вѣруютъ въ Иисуса Христа.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Значеніе критики въ исторіи.—Ея крайности.

II. Какъ сохраняется память о событіяхъ?—Устное преданіе, сила его.—Преданіе письменное; уваженіе древнихъ къ официальнымъ источникамъ.—Сочетаніе устнаго преданія и преданія письменнаго.

III. Два первые вѣка церкви.—Литературное движеніе въ Римской имперіи.—Книги, бібліотеки.—Надписи, публичные акты, архивы.—Путешествія.

IV. Истребленіе документовъ войнами, несчастными случаями и временемъ.

I.

Существуетъ наука, по началу сравнительно новая, которая, подъ именемъ критики возстаетъ и часто вооружается противъ традиціонныхъ данныхъ исторіи съ тѣмъ, чтобы, изслѣдуя ихъ, обсудить, признать или отвергнуть. По природѣ своей она скорѣе ворчлива и недоувѣрчива; она болѣе разрушаетъ, нежели созидаетъ. Въ наше время она примѣнила свои приемы и свои строгости къ евангельскимъ сказаніямъ о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ. Во французскихъ странахъ она находится въ періодѣ разрушенія; скоро ли мы увидимъ, что она, подобно какъ въ Германіи, вступить въ новый фазисъ, въ фазисъ возрожденія?—Позволяемъ себѣ надѣяться на это.—Что касается до насъ, то мы не предаемъ анаемъ науку, безъ которой нельзя обойтись. Критика есть необходимость нашего времени: мы хотимъ показать, что сколько она жестока, дѣйствуя однимъ молотомъ, столько же можетъ быть и благодѣтельною, когда

дѣйствуетъ и киркою.—Зданіе евангельскаго преданія, отъ котораго она оторвала столько камней, обязано ей также славными трудами для его сохраненія и возстановленія.

Первымъ примѣненіемъ критики должно быть приложеніе ея къ ней самой, указаніе на то легкомысліе и ошибки, въ которыхъ дѣлаются виновными сами представители ея. Мы начинаемъ дѣло краткимъ изложеніемъ тѣхъ трудностей и опасностей, которыми эта наука затрудняетъ путь къ истинѣ. Когда мы начертимъ карту мѣстностей, узнаемъ подводные камни и мѣста непроходимыя, то намъ будетъ безопаснѣе плавать въ этихъ бурныхъ водахъ, и легче предохранить себя отъ крушенія. Критика на критику,—такъ мы озаглавливаемъ предварительныя наши разсужденія.

Первая опасность въ приѣмахъ историческаго изысканія есть та, чтобы не злоупотреблять доказательствами основанными на молчаніи документовъ или писателей, лѣтописцевъ, поэтовъ, философовъ и путешественниковъ. Есть умалчиванія, которыя сами по себѣ ничего не говорятъ потому, что дѣйствительно ими ничего не сказано, и это самыя безопасныя умалчиванія. Но есть другія умалчиванія, которыя однакоже нѣчто говорятъ. Такъ, когда противъ массы свидѣтельствъ, или противъ всѣми принятаго преданія, въ продолженіе долгаго времени не возникаетъ никакого опроверженія, то молчаливое согласіе послѣдующихъ одна за другою генерацій, говоритъ въ пользу свидѣтельства или преданія ¹⁾. Ясно, какъ много простора даетъ себѣ въ этомъ отношеніи отважная критика. Коль скоро нѣтъ многочисленныхъ и древнихъ документовъ, она готова заключить, что совсѣмъ ничего и не происходило, вопреки преданіямъ, утверждающимъ противное. Или же это молчаніе она готова

¹⁾ Авторъ поясняетъ это (въ примѣчаніи) примѣрами изъ преданій родной ему швейцарской исторіи. Эти и подобныя ссылки автора мы сочли возможнымъ опустить. *Прим. пер.*

употребить въ пользу своихъ идей или своей системы. Или, если есть свидѣтельства, то она строго перебираетъ, что они говорятъ и чего не говорятъ, и станетъ опровергать то, что они говорятъ, тѣмъ, чего они не говорятъ, придумаетъ корыстныя причины этихъ умалчиваній, напишетъ подозрительныя намѣренія свидѣтелямъ и въ концѣ всего окажется, что молчаніе свидѣтелей скажетъ для критики болѣе того, что сказали бы ихъ слова. Если же найдется много свидѣтелей, изъ которыхъ одни умалчивали бы о томъ, что другіе говорятъ, то захотятъ, можетъ быть, чтобы умалчиваніе первыхъ подавило голоса послѣднихъ. Или же молчаніе какихъ либо частныхъ записокъ объ извѣстныхъ современныхъ имъ событіяхъ наводитъ въ глазахъ критики сомнѣніе на дѣйствительность этихъ событій. Такимъ образомъ изъ журнала Людовика XVI, упоминавшего въ немъ только объ своихъ выѣздахъ на охоту, да объ обѣдахъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, должно бы заключить, что *10-е августа* есть басня и что плѣнь короля есть легенда новѣйшаго происхожденія ¹⁾. Критика имѣетъ самыя странныя причуды: одинъ разъ она отвергаетъ документъ за то, что онъ говоритъ, а въ другой разъ за то, чего онъ не говоритъ.

Если молчаніе исторіи поощряетъ критику къ разнымъ прихотливымъ выводамъ, то слова или свидѣтельства исторіи даютъ критикѣ поводъ къ самымъ страннымъ толкованіямъ. „Дайте мнѣ двѣ строчки письма какого нибудь человѣка, и я берусь осудить его на смерть“.—Критика не разъ могла бы

¹⁾ Въ рукописномъ журналѣ Людовика XVI подъ іюлемъ 1791 года написано: „совсѣмъ ничего не происходило“.—Прошу извинить; журналъ заключаетъ три слѣдующія замѣтки: „четвертокъ, 14. Я долженъ былъ принять лекарство.—Воскресенье 17 числа.—Дѣло о марсовомъ полѣ.—Четвертокъ, 21 числа, лекарство въ шесть часовъ, и окончаніе сыворотки“.—Объ августѣ мѣсяцъ одна только общая замѣтка: „этотъ мѣсяцъ былъ такой же какъ и іюль“
A. Geoffroy, Gustav III la cour de France, Paris, 1867, tom. II, pag. 354.

примѣнить къ себѣ это знаменитое изреченіе одного начальника полиціи.—Трудно вообразить то, что она умѣетъ извлекать изъ словъ, изъ строкъ,—то, что, напримѣръ, извлечено ею изъ нѣсколькихъ строчекъ христіанскихъ писателей II-го вѣка Егезиппа и Папія. Цѣлые томы написаны по поводу нѣсколькихъ словъ этихъ писателей церкви.—Или, лучше, оторвутъ одну цитату изъ того, что ей предшествуетъ или что за нею слѣдуетъ, или вырвутъ нѣсколько словъ, или выраженій владѣющихъ силою тонкихъ намековъ, такъ какъ критика претендуетъ на умѣніе чудеснымъ образомъ читать между строкъ, и дѣйствительныхъ авторовъ заставляють говорить то, отъ чего послѣдніе со стыдомъ отказались бы. Довольно припомнить, какъ римская церковь, съумѣла извлечь изъ выраженія: *и ты никогда обращаешься утверди братію твою* (Лук. 22, 32), подвергнувъ его высшему давленію, такой смыслъ: оно ни больше ни меньше какъ заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ ученіе о папской непогрѣшимости! Критика увлеченія! Она встрѣчается въ самыхъ противоположныхъ лагеряхъ—у тѣхъ, которые слишкомъ много отвергаютъ, и у тѣхъ, которые слишкомъ много утверждаютъ.

Поверхностные приемы не меньше этого во вкусѣ критики, если встрѣчается разнорѣчіе въ свидѣтельствѣ. Она злоупотребляетъ показаніемъ разногласія, изъ котораго спѣшитъ вывести доказательство противорѣчія. Прежде всего, гдѣ оканчивается простая вариация? Гдѣ начинается явное противорѣчіе? Проблема не такъ легкая для рѣшенія. Известенъ этотъ удобный способъ разрѣшать историческіе гордіевы узлы, который состоитъ въ разрѣченіи мечемъ, т. е. однимъ почеркомъ пера. Такъ какъ свидѣтели въ показаніяхъ несогласны, необходимо, говорите вы, сомнѣваться. Но до какого пункта по вашему требованію должно простираться ихъ согласіе? Необходимо ли, чтобы они слово въ слово копировали? Или чтобы рабски подражали одинъ другому? Или чтобы одни слыхали свои замѣтки, или чтобы

они писали, что предполагаютъ, послѣ предварительнаго согласія между собою?—Но, въ такомъ случаѣ критика завопить и заподозрить въ подлогѣ. Впрочемъ посмотрите къ чему могутъ привести такіе принципы. Изъ того, что преданіе даетъ Киру два разныя дѣтства и двѣ различныя кончины ¹⁾, въ другомъ случаѣ изъ того, что преданіе говоритъ, что Аннибалъ перешелъ Альпы въ двухъ различныхъ мѣстахъ,—изъ того, что въ наше время есть два разные разсказа о потерпѣвшихъ кораблебрушеніе у Аукландскихъ острововъ,—Рейналя и капитана Мусграва ²⁾,—изъ того, что въ 1871 году англійскіе журналисты никакъ не могли привести въ ясность того, что лордъ Честерфилдъ, умершій отъ тифа, до болѣзни принца уэльскаго, проживалъ ли въ теченіе октября въ замкѣ лорда Ландесборуга ³⁾, гдѣ принцъ почувствовалъ первые припадки болѣзни—должно ли послѣпить заключеніемъ, что Киръ есть миеъ, что Аннибалъ съ войскомъ своимъ никогда не переходилъ Альповъ, что Рейналь разсказывалъ намъ чепуху, и что непроницаемая тайна носится надъ причинами болѣзни англійскаго принца и надъ предшествовавшими ей обстоятельствами?

¹⁾ Есть три Кира: Киръ Ксенофоновъ, Киръ Иродотовъ и Киръ Ктэзіевъ.—Киръ Ксенофоновъ есть научно образованный Киръ; Киръ другихъ двухъ историковъ есть варваръ.—Иродотовъ Киръ, внукъ, возстаетъ противъ своего дѣда, и не представляетъ никакого родства между Астіагомъ и Киромъ. Ктэзій представляетъ своего Кира честолюбивымъ и кровожаднымъ, предпринимающимъ противъ Астіага походъ для завоеваній и грабежа.—Оба повѣствуютъ, что оны умеръ насильственною смертію, Иродотъ—въ сраженіи въ Массагетскою царницею Томприсою, Ктэзій—вслѣдствіе раны полученной имъ во время войны съ Дербисами; но слѣдуетъ ли изъ этого выводить, что Киръ есть миеъ, а исторія его есть сплетеніе басень?

²⁾ Сочиненіе Рейналя (Raunal) появилось въ 1869 году. Болѣе простой разсказъ капитана Мусграва, въ видѣ журнала напечатанъ въ 1866 г. Saturday Review, 16 декабря 1870, стр. 125—126.

³⁾ Статья „Historic Doubts“ въ Saturday Review, 16 декабря 1871. стр. 779.

Критика изворотлива: извлеки доказательства изъ разнорѣчія свидѣтельствъ или преданій, она налегаетъ на то, которое она извлекаетъ изъ ихъ сходства или аналогіи; она ведетъ это дѣло съ величайшими предосторожностями. Аналогію считаетъ она средствомъ, способнымъ повсюду компрометировать историческую дѣйствительность. Кто знаетъ, не одни ли и тѣ же это данныя, которыя разукрашивали различные писатели?—Не прикрываетъ ли различіе формъ изложенія общаго ихъ происхожденія? Не производится ли въ пользу какого нибудь лица, какого нибудь народа, какого нибудь исповѣданія какое нибудь подозрительное писаніе или неловкая поддѣлка? А можетъ быть, продолжаетъ критика, двумъ лицамъ приписали одни и тѣ же факты и приемы, или въ одномъ лицѣ соединили заслуги или подвиги двухъ ¹⁾). Какъ многія вѣроисповѣданія приписываютъ своимъ героямъ сверхъестественное рожденіе, то очевидно, что позже появившіяся копировали только съ предшествовавшихъ имъ; каждое вѣроисповѣданіе хотѣло имѣть также своего младенца родившагося отъ дѣвы, и въ глазахъ критики подражаніе доказывало отсутствіе настоящаго подлинника, или невозможность какого бы то ни было

¹⁾ Въ числѣ другихъ обстоятельствъ, сбивающихъ съ пути критику, приведемъ въ примѣръ съ одной стороны перемѣну одного имени или многихъ именъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, а съ другой стороны тождество именъ двухъ разныхъ лицъ. Шварцердъ (Schwarzerd) или какой нибудь Гаусшейнъ (Hausschein) дѣлаются одинъ Меланктономъ, а другой Эколампадомъ (Ecolampade), Деспресъ и Аруэ называются также Буало и Вольтеромъ; аббатъ Лонзонъ, въ священствѣ именуется отцемъ Якиноомъ (père Hyacinthe), а именитый швейцарскій ученый Мерле, въ Америкѣ извѣстенъ подъ именемъ доктора д'Обинье. На оборотъ, какъ будто нарочно смѣшивали двухъ Цельсовъ (Celse) II-го вѣка, двухъ Сенековъ, двухъ Руссо, и въ одномъ семействѣ разныхъ его членовъ: Расина—отца и сына, обонхъ поэтовъ, или восьмерыхъ Бернуллиевъ изъ Базеля, всѣхъ великихъ математиковъ въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ ср. Alph. de Candolle, Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles, Geneve, 1873, стр. 108, 109, 131.

подлинника. Ложное, поддѣльное доказывало бы, что нѣтъ истиннаго, нѣтъ чистаго металла. Лжечудеса, лжепророки, лжехристы, лжерелигіи показывали бы, что нѣтъ ни чудесъ, ни пророковъ, ни Христа, ни истинной религіи. А сверхъ того во всѣ времена были на свѣтѣ поддѣлыватели. Недавно еще довѣрчивый Шаль (Chasles), любитель книгъ, былъ страннымъ образомъ обманутъ однимъ дѣльцемъ ¹⁾. По сему благочестивый подлогъ, корыстный подлогъ могъ существовать во всякое время, и исторія должна вѣрить въ обманъ, и въ легковѣріе свидѣтелей и документовъ до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрится въ ихъ невинности! Вотъ до чего доходятъ съ подобными требованіями. Было три Іерихона, построенныхъ въ разное время, и на мѣстахъ довольно близкихъ одно къ другому, но различныхъ; это сходство названій при различіи мѣстностей не отзывается ли смѣшеніемъ или обманомъ историческимъ? Надлежало, чтобы каждая эпоха имѣла свой Іерихонъ какъ каждый древній народъ имѣлъ своего Геркулеса ²⁾. Во французской исторіи

¹⁾ Г. Шалю представлены были письма: царицы Клеопатры къ Юлію Цезарю, письма воскреснаго Лазаря къ апостолу Петру, Маріи Магдалины къ Лазарю, и елже къ королю Бургундскому, письма Галилея, Ньютона и проч. и пр. (Bordier, въ *Revue contemporaine*. Fevrier, 1870).—Еще съ большимъ правомъ можно указать на огромный и прискорбный успѣхъ, который имѣли въ римской церкви подложныя декретали Исихора (*Faussees décrets d'Isidore*), или статья называемая постановленія древнихъ папъ, обнародованныя въ 845 году, и считавшіяся за достовѣрныя въ теченіе семи сотъ лѣтъ, второе собраніе подложныхъ документовъ, появившихся при Григоріи VII въ XI вѣѣ, и послужившихъ къ основанію новаго церковнаго права, декретъ Граціана (*décret de Gratien*) 1150 года, сборникъ каноническаго права, въ который внесены всѣ предшествовавшіе подложные акты, ссылки на соборы и на оцевъ греческой церкви, сочиненныя однимъ доминиканомъ въ 1261 году въ пользу папства и проч.—См. Fanus, *der Papst und das Concil*. Leipzig, 1869, стр. 100, 107, 142, 154, 282.

²⁾ Gaspari, *Chronologisch—geographische Einleitung in das Leben Jesu—Christi*, Hamburg, 1869, pag. 160.

упоминается объ Иоаннѣ Дѣвственницѣ, которая воинствовала въ тоже самое время какъ Иоанна д'Аркъ, и которая кончила тѣмъ, что вышла за мужъ въ Мецъ ¹⁾. Не ясно ли, скажетъ критика, что эти двѣ женщины были одна и таже Иоанна, и, вмѣсто легенды, по которой Иоанна освободила Орлеанъ, взята была въ плѣнъ англичанами и сожжена ими какъ колдунья, не благоразумнѣе ли предпочитать, что она честно вышла замужъ и обзавелась хозяйствомъ въ Мецѣ, какъ всякая простая гражданка?

Но критика чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ особенно тогда, когда она оцѣниваетъ правдоподобіе повѣствованій и документовъ, въ то самое время когда она подвергается наиболѣе опасности сбиться съ пути. Конечно никакъ не слѣдуетъ, чтобы она сдалась первому встрѣчному; необходимо, чтобы она съ достоинствомъ исправляла свое учительное званіе. Но злоупотребленіе такъ искусительно!— Такъ приятно рубить мечемъ! Увѣряютъ, что жизнь еще удивительнѣе нежели романъ. Неправдоподобное часто близко къ истинѣ, если даже не самая истина. Немѣшало бы современной наукѣ имѣть нѣсколько болѣе скромности. Графъ Бовуаръ, въ одномъ изъ прекрасныхъ своихъ сочиненій, говоритъ объ одной странѣ, въ которой на деревьяхъ есть листья, но они не даютъ тѣни, въ которой самка казоара (жаръ птица) кладетъ яйца, а самецъ высиживаетъ ихъ, крылья же у нихъ безъ перьевъ,—въ которой растутъ вишни съ косточками снаружи,—въ которой у людей нѣтъ другаго кармана кромѣ впадины подъ мышкою и толстой гучки волосъ на головѣ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя животныя надѣлены природными карманами,—говорить о странѣ, въ которой камни встрѣчаются только по берегамъ ручьевъ,—въ которой можно проѣхать верстъ сто не встрѣчая ни од-

¹ Legendre, Traité historique et critique de l'opinion. Paris, 1741. IV pag. 694.

ного булыжнаго камня ¹⁾). Предположимъ, что критикъ будущаго времени, двѣ тысячи лѣтъ спустя, напелъ бы нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся до знаменитаго филантропа Пибоди; онъ увидѣлъ бы, что въ одинъ и тотъ же день, въ Лондонѣ, англиканскій епископъ этого города, и диссидентскій пасторъ Ньюманъ Голлъ произнесли надгробное слово Пибоди и причисляли его къ лику святыхъ. Онъ станетъ утверждать, что покойный былъ похороненъ въ Лондонѣ въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ, и также въ Денверѣ, въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ. Онъ станетъ удивляться скудости извѣстій объ его жизни, собранныхъ его соотечественниками.—Кто же такой былъ этотъ Пибоди? Было-ли составлено его жизнеописаніе? Кто встрѣчалъ его въ обществахъ? Кто показывалъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, а въ дѣловой части города кто показывалъ контору, въ которой онъ приобрѣлъ такое царское состояніе? Ничего неизвѣстно о семействѣ его, ни объ его образѣ жизни; нѣкоторые говорили, что онъ занималъ скромный домикъ и избѣгалъ общества своихъ сосѣдей. Утверждали такъ, что бранные его остатки перевезены изъ Англіи въ Америку на кораблѣ, на которомъ построена была башня,—все это поэтическія прикрасы, придуманныя народнымъ воображеніемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ, вѣроятно, похороненъ былъ у подножія башни, названной башенькой, служившей колокольнею какой нибудь приходской церкви,—былъ ли онъ даже англичанинъ или американецъ и этого нельзя привести въ ясность ²⁾).—Между тѣмъ я вижу, я слышу этого будущаго критика, какъ онъ съ презрительнымъ тономъ ставитъ въ число бабьихъ сказокъ всѣ эти данныя преданія.—Факты, анекдоты, названія мѣстностей, имена людей, время, все, по видимому, неправдоподобно,

¹⁾ Comte de Beauvoir, Australie, 1870. 200, 201.

²⁾ Saturday Review, 20 Novembre, 1869.

но можно ли изъ этого заключить, что все это дѣйствительно неправдоподобно? Критика заблуждается также легко, обличая факты или преданія въ открытой ея ошибкѣ или подлогѣ. Конечно ея обязанность безпощадно выставлять подлогъ, или даже вѣроятность подлога, но она должна помнить, что вѣроятность или наружность бываетъ обманчива, и что мы сами себя обманываемъ, принимая факты за наружность, а наружность за факты. Легко заключать по ошибкѣ въ подробности ошибку въ цѣломъ, отъ частнаго перейти къ общему духу, отдѣльныя личности выставлять представителями массъ, и мнѣніе одного какого нибудь лица смѣшивать съ общественнымъ мнѣніемъ.—Настоящее время не бѣдно фокусниками, которые играютъ фактами и располагаютъ зеркала свои такъ, чтобы увеличить или уменьшить историческія черты, или дать имъ видъ по своему усмотрѣнію. Истинный историкъ есть настоящій судія; онъ человѣкъ правды, но не всѣ суть историки; и не всѣ заботятся быть истинными историками. Духъ партіи скрашиваетъ факты, или извращаетъ сужденіе и критическій смыслъ. Опрометчивыя или крайнія заключенія и выводы, общіе приговоры—вотъ въ чемъ опасность.—Въ Женевѣ, на примѣръ, полагали, что такъ называемый женевскій постъ установленъ въ память Вареломеевской ночи; это несправедливо, но слѣдуетъ ли торопиться заключать изъ этого, что въ 1572 году, при вѣсти о гнустномъ замыслѣ, въ Женевѣ не было никакого поста? А касательно самой Вареломеевской ночи возможно, что найдутся ошибки въ разсказахъ о ней; но историкъ, который сознаетъ свое достоинство, будетъ ли въ правѣ изъ за этого побужденія смягчать черноту этого преступленія, а римская церковь будетъ ли въ правѣ утверждать, что избіеніе протестантовъ было только предупредительною мѣрою, вызванною заговорами этихъ жалкихъ людей? А это въ свою очередь докажетъ ли, что въ Римѣ не была выбита медаль въ память рѣзни еретиковъ? Скажемъ ли мы, что Людовикъ XVII и Наполеонъ II были

не что иное какъ мнѣны потому, что мы не находимъ ни одной бумаги подписанной ими, и что въ лѣтописяхъ Франціи нѣтъ мѣста для ихъ царствованія? Или, на оборотъ, если какой нибудь ярый сторонникъ права „Божіею милостію“ притворился бы, что не знаетъ междуцарствія отъ 1791 по 1814 годъ, и сталъ бы рассказывать намъ чисто-сердечно происшествія изъ царствованія Людовика XVII и Людовика XVIII, заключающіяся въ этомъ промежуткѣ времени, то назовемъ ли мы эти рассказы вымышленными потому, что рассказъ этотъ составленъ въ нашемъ вкусѣ? Ошибки графа Паликао, фантастическія депеши этого же министра и Гамбетты докажутъ ли намъ, что въ 1870 и въ 1871 годахъ не было никакихъ кровопролитныхъ сраженій во Франціи?—Нѣтъ, мы слишкомъ близки къ этимъ событіямъ, чтобы насъ можно было обмануть, или чтобы мы сами могли обманываться. Примемъ же туже осторожность, обсуживая прошедшее, чтобы ошибки не предубѣждали насъ противъ истинны, чтобы апокрифическія подробности не закрывали предъ нами дѣйствительности цѣлаго.

Изъ этого слѣдуетъ, что, при разборѣ историческаго матеріала, есть средство держаться средины между рѣшимостію отвергать все, и рѣшимостію принимать все. Можно достигать только извѣстной мѣры вѣроятности, но вѣроятность можетъ возвыситься до такой стѣпени, что становится достовѣрностію. Въ настоящемъ сочиненіи мы имѣемъ въ виду доказывать не столько божественность христіанской религіи, сколько истинность, историческую истинность тѣхъ событій, на которыхъ она зиждется, именно то, что правдоподобіе этихъ событій здѣсь достигаетъ такихъ размѣровъ, что умъ, любящій историческую истину, принужденъ сдаться предъ ними. Дѣло касается исторіи, а не догматики. При всемъ томъ мы повторимъ съ однимъ тонкимъ критикомъ, что „это не такой только вопросъ, который можно порѣшить запасомъ эрудиціи болѣе или менѣе богатой; это—вопросъ, въ которомъ и совѣсть получаетъ свое значеніе и въ

которомъ ей принадлежитъ право отвергнуть всякое нововведение, которое не основано на доводахъ столь же твердыхъ какъ скала, и столь же ясныхъ какъ день“¹⁾).

II.

Не бесполезно изучить предварительно, какимъ образомъ обыкновенно сохраняется память о событіяхъ, и какъ пишется исторія. Прежде всего образуется на мѣстѣ, и тотчасъ же послѣ событія, устное преданіе, передающееся другимъ; очевидные свидѣтели, дѣйствующія лица, рассказываютъ о нихъ между собою и рассказываютъ другимъ, которые въ свою очередь повторяютъ ихъ, отмѣчая въ нихъ въ то же время главныя явленія, выдающіяся черты. По мѣрѣ того какъ преданіе удаляется отъ источника своего, къ нему могутъ примѣшиваться нечистыя черты, но оно можетъ прійти въ первобытную свою чистоту, возвратясь къ своему источнику; впрочемъ рассказы и пересказыванія, разниціеся между собою контролируютъ другъ надъ другомъ и повѣрка, которой они время отъ времени подвергаются, завершается наконецъ точнымъ сохраненіемъ воспоминаній и свидѣтельствъ. Конечно, значеніе этого преданія будетъ различно, смотря по предмету, по времени, по мѣсту, по воспитанію, по складу ума, по числу и качеству свидѣтелей, смотря по промежутку времени, такъ что преданіе, родившееся въ уголку земнаго шара, среди мыслителей мечтательныхъ, покрытое пылью многихъ тысячелѣтій, и не поражающаго свойства, не будетъ тяготѣть на вѣсахъ исторіи такъ, какъ другое преданіе, родившееся въ полномъ свѣтѣ, во время высокой степени цивилизаціи и затрогивающее человѣческое существо до мозга костей.

¹⁾ Bordier, La querelle, XI. pag. 25.

Опытъ свидѣтельствуешь теперь, что въ пору великихъ жизненныхъ переломовъ своей исторіи челоуѣчество съ страстною силою привязывается къ своимъ преданіямъ, и закрѣпляетъ свои воспоминанія въ формы, въ которыхъ они отвердѣваютъ съ теченіемъ времени. Тогда уже имѣютъ дѣло съ преданіями твердыми, сложившимися, но которыя не меньше того все остаются только устными. Съ этой точки зрѣнія исторія заслуживаетъ положительнаго вниманія. Трудно представить, къ какой невѣроятной твердости бываетъ способна память челоуѣческая, когда бываютъ задѣты драгоцѣннѣйшіе ея интересы, когда дѣло идетъ объ ея національной или религіозной славѣ. Память, такъ сказать, застываетъ, преданія становятся подобными токамъ лавы, сохранившимъ формы текущихъ рѣкъ, и такимъ образомъ надъ ними проходятъ столѣтія не измѣняя ихъ вида. Народное уваженіе, иногда даже суевѣріе замѣшиваются въ дѣло, и подъ видомъ свитотатства и національной измѣны, не допускаютъ письменнаго изложенія этихъ историческихъ памятниковъ. Не слѣдуетъ представлять ихъ себѣ только въ формѣ лѣтописей, временниковъ, исторій, въ которыя событія записаны въ извѣстномъ, научно установленномъ порядкѣ. Большею частію это суть свѣтскія или духовныя пѣсни, пословицы, статьи законовъ, множество поговорокъ, сложившихся въ памяти народа, или высшихъ образованныхъ классовъ, какъ въ самомъ надежнѣйшемъ архивѣ¹⁾. Такимъ

¹⁾ „Устное преданіе, особливо если оно вѣряется храненію сословія ученыхъ жрецовъ, можетъ сохранять въ теченіе многихъ столѣтій священныя слова мертваго языка, между тѣмъ какъ живой языкъ, на которомъ говорятъ эти самыя жрецы и ихъ соотечественники, развивается и измѣняется“. Max Muller, *Essais sur l'histoire des religions*, Paris, 1872. pag. 128.—Аюста въ своемъ сочиненіи *Historia natural y moral* рассказываетъ, что индусы имѣли привычку съ памяти, наизусть, читать рѣчи и слова древнихъ своихъ ораторовъ и многочисленныя пѣснопѣнія, сочиненныя ихъ народными поэтами..... Для этой цѣли существовали у нихъ высшія и низшія училища, въ которыхъ молодые люди вытверживали эти литературныя и другія произведенія изъ устъ стариковъ,

образомъ индусы браминскаго исповѣданія, въ теченіе вѣковъ безъ записи сохраняли тысячу семнадцать гимновъ, составляющихъ собраніе Ведъ, гимновъ, сочиненныхъ тремястами поэтовъ, жившихъ въ промежутокъ между 1500 и 800 годами до Рождества Христова.—Браминны вытверживали наизусть трудные и мелочные служебные уставы, на изученіе которыхъ жрецы и набожные люди посвящали лучшіе годы своей жизни. Это обученіе происходило изустно; слова и выраженія впечатлѣвались въ памяти учащихся отъ частаго ихъ повторенія. Такова была ревность хранителей этихъ священныхъ книгъ, что малѣйшіе варианты въ текстѣ благоговѣнно передавались; образовались цѣлыя семейства декламаторовъ, какъ позже были цѣлыя семейства рукописцевъ; замѣчались самыя незначительныя измѣненія въ ритмѣ.—Философскія секты тѣмъ же путемъ устнаго преданія передавали угры или афоризмы, въ которыхъ онѣ вкратцѣ излагали свое ученіе, и эти массы документовъ записаны были на бумагу только за 400 или за 500 лѣтъ до Р. Хр. ¹⁾ У буддистовъ священные тексты Тройной корзины (Питакаттайя—Пали, Pitakattaya-Pali) и правовѣрное толкованіе Аттаката (Attakata) сохранялись изустно въ теченіе отъ трехъ до четырехъ сотъ лѣтъ даже до 89 года предъ Р. Христовымъ ²⁾.

Ученики Зороастра персы, въ началѣ, тоже не имѣли другаго способа передавать ученіе своего учителя и сложные обряды общественнаго богослуженія ³⁾. „У древнихъ

въ памяти которыхъ они, казалось, были вѣзаны. Тѣ, которые предназначались быть съ временемъ ораторами, должны были слово въ слово выучивать наизусть древнія произведенія. Idem. pag. 438.

¹⁾ Max Muller, A History of Ancient Sanscrit Literature. London, pag. 27, 311, 377, 379, 387, 388, 500—506, 508, 524, особливо же стр. 387, 388 и 524.

²⁾ Barthélemy St. Hilaire, Le Bouddha et sa religion, Paris, 1862, pag. 352.

³⁾ Еще и теперь у Гвевровъ молитвы на всѣ случаи читаются на древнемъ первобытномъ языкѣ зендскомъ, изъ котораго никто не понимаетъ уже

грековъ и римлянъ существовало устное преданіе, сохранившееся жителями извѣстнаго города, не смутное и безразличное какъ наши преданія, но дорогое для городовъ, которое не измѣнялось по прихоти воображенія, и котораго никто не воленъ былъ измѣнить потому, что оно составляло часть богослуженія, и состояло изъ сказаній и пѣсень повторявшихся изъ года въ годъ, во время ихъ религіозныхъ праздниковъ. Въ этихъ священныхъ и неизмѣнныхъ гимнахъ сохранялись воспоминанія, а чрезъ нихъ постоянно оживлялось преданіе¹⁾. Въ продолженіе многихъ генерацій законы не были писанные; они передавались отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ вѣрованіемъ и съ формою молитвы. Аристотель говоритъ, что прежде нежели законы были записаны, они пѣлись. Римляне называли ихъ стихами (*carmina*), греки же пѣснями (*ὕμνοι*). Эти древніе стихи оставались неизмѣнными текстами; перемѣнить въ нихъ букву, переставить слово, отступить отъ ритма пѣнія, это значило бы нарушить самый законъ, съ измѣненіемъ священной формы, въ которой онъ данъ былъ людямъ. Законъ уподоблялся молитвѣ, которая могла быть пріятна божеству только подъ условіемъ, чтобы она была читана такъ, какъ она есть, и которая становилась нечестивою, коль скоро въ ней хотя одно слово измѣнялось²⁾. Извѣстно, что творенія Гомеровы долгое время пѣлись то въ томъ, то въ другомъ городѣ, и что религія принимала подъ свое покровительство эти произведенія искусства, въ которыхъ судьбы народа смѣшивались съ его вѣрованіями и съ похожденіями его боговъ.

Память играла не менѣе важную роль въ еврейскихъ училищахъ. Съ первыхъ лѣтъ возраста, дѣтей пріучали вы-

ни одного слова,—ни жрецы, которые ихъ читаютъ, ни слушатели, для назиданія которыхъ они повторяются. Max Muller, *Essais sur l'histoire des religions* pag. 235.

¹⁾ Fustel de Coulanges, *la cité antique*. Paris, 1866, p. 218.

²⁾ Idem. pag. 242, 243.

Апостольское преданіе.

учивать наизусть толкованіе закона. Секта фарисеевъ не допускала даже, чтобы устное преданіе ¹⁾ записывалось, потому ли, что она хотѣла сохранить за собою монополію науки, или потому что они опасались, чтобы ошибки переписчиковъ, или намѣренное искаженіе текста не подали повода къ новымъ расколамъ. Огромныя и безпорядочныя массы толкованій, рѣчи и сказанія, составляющія еврейскій талмудъ, достигли до III вѣка на утлой ладѣ устнаго преданія, не опрокинувъ ея. Талмудъ передаетъ рѣчи, мнѣнія, сужденія важнѣйшихъ изъ еврейскихъ книжниковъ о разнаго рода предметахъ, начиная отъ Симеона праведнаго, жившаго за 180 лѣтъ до Р. Хр. до раввина Юсе (José), жившаго въ VI вѣкѣ христіанскаго счисленія. Эти рѣчи переданы съ самою мелочною точностію, и можно угадать время, въ которое процвѣтала извѣстный раввинъ по одной формулѣ, подъ которою онъ приводитъ мѣста изъ Свящ. Писанія ²⁾.

Аравитяне, эти единокровные братья евреевъ, подобно имъ, пользовались памятью, и этимъ средствомъ изъ вѣка въ вѣкъ сохранили множество воспоминаній, которыя образованные народы сохраняютъ записанными. Посему очень возможно, что [рѣчи Магомета, спусти только извѣстное время, лѣтъ чрезъ 10—15 послѣ произнесенія ихъ, были запи-

1) R. L. Grau, *Entwicklungsgeschichte des neutestamentlichen Schriftthums*. Gütersloch, 1871, I, pag. 189.—Delitzsch, *Wissenschaft, Kunst, Judenthum*, etc. 1838, pag. 83. Одинъ христіанинъ еврейскаго происхожденія, написавшій между 170 и 200 годами послѣ Р. Хр. (*Homélie Clémentines*) Климентовъ проповѣди утверждаетъ, что законъ, данный Моисею не писаннымъ, первоначально передавался изъ устъ въ уста. По смерти Моисея одинъ смѣльчакъ изложилъ его письменно, но спустя около тысячи лѣтъ, по смерти служителя Божія, онъ погибъ въ пожарѣ, вслѣдствіе чего появилось новое изданіе закона, перемѣшанное со множествомъ мѣстъ, несогласныхъ съ истиною, между тѣмъ какъ чрезъ устную передачу подлинный текстъ сохранился во всей своей чистотѣ, *Hom. clem. edition Dreschel*, III, с. XLVII.

2) Herzog. *Real-Encyclopedie*, XV, p. 643—645. Статья Талмудъ.

саны, хотя Barthelemy St. Hilaire противнаго мнѣнія ¹⁾. Г. Вейль полагаетъ, что Коранъ не былъ подверженъ значительнымъ измѣненіямъ потому, что въ то время когда онъ былъ составленъ многіе мусульмане сохраняли его еще въ памяти ²⁾.

Вообще свободное слово, живая рѣчь учителя, профессора, имѣетъ такую прелесть, такое обаяніе, которыхъ книги вѣкогда не замѣняютъ. Даже въ наше время высокой цивилизаціи, мы не считаемъ возможнымъ обойтись безъ устнаго обученія. И многочисленныя студенты, которые тѣсняются на скамьяхъ европейскихъ университетовъ больше, нежели въ богатыхъ при нихъ библіотекахъ, подтверждаютъ ту прелесть, которую устное изложеніе во всѣ времена производило на людей всѣхъ сословій—даже образованнѣйшихъ. Не смотря на часто неоспоримое превосходство по содержанію печатныхъ проповѣдей, онѣ не замѣнили еще проповѣдника, и писанное драматическое сочиненіе не сдѣлало еще лишними актеровъ, и тѣ, которые не читали бы у себя дома трагедій Корнели или Расина, и которые не удержали бы у себя въ памяти ни одного стиха изъ нихъ по прочтеніи, съ истиннымъ наслажденіемъ будутъ присутствовать при представленіи на театрѣ какого нибудь изъ сихъ образцовыхъ произведеній, а возвращаясь домой будутъ повторять имъ особливо понравившійся стихъ. Если подобныя дѣйствія происходятъ и въ наше время и на нашихъ глазахъ, то какое значеніе должно было имѣть устное преданіе для древнихъ народовъ, когда оно было хранилищемъ всего—для нихъ драгоцѣннѣйшаго и священнѣйшаго—ихъ вѣрованій, ихъ законовъ, ихъ молитвъ, ихъ исторій?

При всемъ этомъ повсюду ощущалась потребность при-
вить неотложныя предосторожности противъ неизбѣжныхъ

¹⁾ Mahomet et le Coran. Paris. 1865, p. 31.

²⁾ Weil. Mahomet, der Prophet. Stüttgart, 1843. pag. 352.

случайностей, каковы введение вариантовъ, исчезновение текста при великихъ народныхъ бѣдствіяхъ, внезапная смерть одного или вмѣстѣ нѣсколькихъ главныхъ ихъ хранителей. Посему письменное преданіе пришло на помощь устному, но не вытѣснило его; оно скорѣе послужило контролемъ для послѣдняго, для болѣе прочнаго его утвержденія. Начали съ надписей на памятникахъ, на медаляхъ, затѣмъ занялись копіями манускриптовъ текста; во многихъ мѣстахъ довольствовались копіями; рукописи не легко размножались — онѣ показывались на свѣтъ съ какою то благоговѣйною медленностію; имъ воздавалось извѣстное священное почитаніе; ихъ укрывали отъ взоровъ толпы, и эти документы только со временемъ входили въ общее обращеніе, а сбивчивость письменъ, трудность въ чтеніи ихъ долгое время заставляли общество предпочитать имъ живое слово своихъ учителей, жрецовъ или ученыхъ. Священные книги стали въ общемъ употребленіи у грековъ, у римлянъ и этрусковъ. Служебники были написаны иногда на деревянныхъ доскахъ, а иногда на полотнѣ. Аѳиняне свои богослужебные обряды, дабы сдѣлать ихъ геизмѣнными, вырѣзывали на мѣдныхъ доскахъ. Римъ имѣлъ свои первосвященническія книги, свои авгурскія книги, свою книгу обрядовъ и свой сборникъ *indigitamenta*. Не было ни одного города, который не имѣлъ бы собранія древнихъ гимновъ въ честь ихъ боговъ.... Эти книги и эти пѣсни, составленныя жрецами, были сохраняемы римлянами съ величайшимъ тщаніемъ, и ихъ никогда не показывали иностранцамъ. Для большей предосторожности ихъ укрывали даже отъ взоровъ собственныхъ своихъ согражданъ.... Исторія для древнихъ народовъ имѣла гораздо большую важность нежели для насъ потому, что въ прошедшемъ города находили какъ всѣ мотивы такъ и всѣ правила своей религіи.... Каждый городъ имѣлъ свою исторію написанную жрецами. Римъ имѣлъ свои лѣтописи первосвященниковъ; сабинскіе, самнитскіе и этрусскіе жрецы вели подобныя же лѣтописи. Отъ грековъ осталась намъ память

о священныхъ лѣтописяхъ Аѳинъ, Спарты, Дельфовъ, Наксоса, Тарента.... Въ каждомъ городѣ были свои лѣтописи, въ которыя тщательно заносились событія по мѣрѣ того, какъ они происходили. Въ этихъ священныхъ для нихъ книгахъ каждая страница была современна событію на ней записанному; не было никакой возможности исказить эти документы. Очень не легко было и первосвященнику, по мѣрѣ того какъ онъ записывалъ событія, вставить въ нихъ завѣдомо факты несходные съ истиною ¹⁾.

Въ области литературы, которая не была отдѣлена отъ религіи, наблюдался тотъ же строгій надзоръ. Ораторъ аѳинскій Ликургъ, во время второй войны объявленной Греціи Филиппомъ македонскимъ, испросилъ у народа аѳинскаго повелѣніе, на основаніи котораго трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида должны были быть скопированными и сохраненными насчетъ общественной казны; сверхъ того городской секретарь, во время представленія этихъ литературныхъ произведеній, обязанъ былъ слѣдить за ними во рукописи и удостовѣряться, чтобы актеры не позволяли себѣ никакихъ измѣненій въ текстъ ²⁾.

Неужели же это уваженіе къ тексту было меньшее у евреевъ, у которыхъ національная исторія и исторія религіозная сливались въ одно? Очевидно, что уже во время Иисуса Христа и апостоловъ къ буквѣ закона имѣли почти суевѣрное благоговѣніе ³⁾. Тогда уже существовали преданія древнихъ—родъ толкованій, устанавливавшихъ до мельчайшихъ подробностей образъ жизни евреевъ—гражданскій и редаксіозный, которыя не накопились бы при текстѣ, если бы онъ уже съ давняго времени не приобрѣлъ благоговѣнія къ нему народа. Толчекъ въ этомъ смыслѣ уже былъ давнѣ: составители Талмуда уже въ I и во II вѣкахъ во Р. Хр. на-

¹⁾ Fustel de Coulanges, La cite antique, pag. 213—217.

²⁾ Plutarchi. Scripta Moralia, Edit. Didot, II, p. 1026.

³⁾ Marc. m. V, 16.

чали строить огромное свое здание объясненій и бессмысленныхъ трудовъ относительно Ветхаго Завета. Принялись считать буквы текста, отмѣчать первую букву каждой книги, вычислять букву, соответствующую срединѣ Ветхаго Завета вообще и каждой изъ его книгъ въ частности; хвастались тѣмъ, что такимъ образомъ воздвигли ограду закону¹⁾. Самымъ документамъ воздавали извѣстнаго рода благоговѣніе, опасались предавать ихъ нескромнымъ взорамъ иностранцевъ. Въ наше еще время въ Самаріи предъявляютъ вѣрнымъ для цѣлованія самарійскую рукопись Пятовнижія, и то еще только ночью, съ большими формальностями, таинственно, опасаясь оскверненія, когда развертываютъ предъ европейскими посѣтителями драгоценную рукопись²⁾.

Рѣдкій примѣръ уваженія восточныхъ народовъ къ преданію писанному встрѣчается въ исторіи магометанства. Спусти лѣтъ двадцать по смерти пророка, калифъ Отманъ повелѣлъ составить на чистѣйшемъ мекскомъ діалектѣ новое изданіе Корана. Списки или копіи этого изданія долженствовавшаго остаться впредь неизмѣнными, посланы были въ главные города имперіи. „Изданіе Отмана, говоритъ Уильямъ Мюиръ (Willam Muir), переходя изъ рукъ въ руки, дошло до нашего времени безъ измѣненій; его такъ тщательно охраняли, что нѣтъ важныхъ варіантовъ.... въ безчисленныхъ спискахъ, обращающихся въ обширныхъ областяхъ ислама. Всегда существовалъ только одинъ Коранъ для всѣхъ непримиримыхъ партій, возникшихъ по убіеніи Отмана; и это единодушное употребленіе изданія, принятаго всѣми до нашего времени, есть одно изъ неопровержимыхъ доказательствъ вѣрности текста, которымъ мы владѣемъ“³⁾.

¹⁾ Ewald, Das nachapost. Zeitalter, pag. 62. etc.

²⁾ Tsistram. The Land of Israel, pag. 157—159.

³⁾ B. Saint-Hilaire. въ упомянутомъ соч. pag. 32, 33.

Сказанное нами объ устномъ преданіи прилагается также и къ письменному преданію. Не всякое преданіе потому только уже, что оно письменное, есть правдивое: между преданіями есть весьма важныя различія; для оцѣнки ихъ достоинства необходимо обращать вниманіе на ту среду, въ которой они составились, на содержаніе ихъ и на вліяніе, которое они оставили на нравы. Критика не преклоняется, и не можетъ преклоняться предъ какою нибудь простою рукописью. Мы ограничиваемся изслѣдованіемъ, какое речительство въ вѣрности представляютъ намъ религіозныя преданія древнихъ временъ. Исторія для древности есть святое дѣло,—это сила, это также слабость преданія. Личное расположеніе духа историковъ, прихоть лица ни малѣйше не участвуютъ въ составленіи ея, народы сами стоятъ на стражѣ святилища.

Устное первоначальное преданіе и преданіе записанное, объединяясь, производятъ третій родъ преданія, можетъ быть вѣрнѣйшій всѣхъ. Это записки или мемуары, усвоившіе себѣ содержаніе письменныхъ источниковъ, которые такимъ образомъ увѣковѣчиваютъ память какъ о самыхъ источникахъ такъ и о событіяхъ, не смотря на утрату или исчезновеніе документовъ; гдѣ недостаетъ послѣднихъ, тамъ они замѣняютъ ихъ отсутствіе. Далѣе это суть живыя поэмы, живыя исторіи, живыя библіи, для обладанія ими не нужны высшія способности,—достаточно одной обширной памяти. Ихъ образовали книги, а потомъ они сами становятся книгами, только не писанными; съ ними справляются также точно, какъ бы справлялись бы съ писанными текстами; ихъ цитуютъ какъ самыя книги. Такія явленія становятся рѣдкими въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ масса человѣческаго знанія составляетъ уже тяжелый грузъ, но не то было въ отдаленныя времена, или у народовъ, посвящавшихъ себя изученію какого нибудь одного предмета. Приводятъ въ примѣръ евреевъ, знавшихъ наизусть большую часть Талмуда. Христіанскіе первыхъ вѣковъ мученики облегчали

скуку заключеній своихъ въ темницы, читая наизусть священныя книги. У римлянъ были въ обычаѣ публичныя чтенія, и не одинъ слушатель выходилъ съ знаніемъ наизусть статей или книгъ такимъ образомъ читаемыхъ. Во время императора Августа постоянно производились чтенія въ слухъ въ публичныхъ мѣстахъ, на форумѣ, въ театрѣ, въ баняхъ, въ наемныхъ помѣщеніяхъ, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей¹⁾. Многіе изъ сподвижниковъ Магомета, которые назывались чтецами или носителями Корана, знали его наизусть потому ли, что нарочно выучивали его, или потому, что часто слышали его изъ устъ этого пророка²⁾. Дѣти, въ нашихъ училищахъ, выучиваютъ такимъ образомъ наизусть басни и пѣсни прежде, нежели научаются читать, и пересказываютъ ихъ родителямъ своимъ или товарищамъ, которые, въ свою очередь, затверждаютъ ихъ. Наше религіозное воспитаніе происходило такимъ же образомъ; первыя свѣдѣнія изъ священной исторіи мы почерпнули изъ устнаго преданія; печатная книга явилась позже. Можетъ быть никто изъ насъ не выучилъ молитвы Господней „Отче нашъ“ по катихизису. Читатели наши, знающіе наизусть молитвы, читаемыя при общественномъ богослуженіи въ церквахъ, удержали ихъ въ памяти потому, что внимательно слушали ихъ, а не потому, что учили ихъ не служебнику.— Не рѣдко можно встрѣтить престарѣлыхъ людей, которые, не умѣвши никогда сами читать, перечитываютъ съ удивительною увѣренностію и бѣгlostію многія молитвы и псалмы, оставшіеся у нихъ съ дѣтства въ памяти; но во всѣхъ этихъ случаяхъ и для облегченія памяти необходимо, чтобы было возбуждено вниманіе. Сердце и совѣсть служатъ драгоценными помощниками, и производятъ магическія дѣйствія; поэтому-то никакія впечатлѣнія не глубже тѣхъ, которыя относятся до религіи. Смотря

¹⁾ Dezobry. Rome au siecle Auguste, Paris, 1846. III p. 405—409.

²⁾ В. St. Hilaire, въ упомянуг. соч. p. 32.

по слушателямъ, по ихъ потребностямъ, по ихъ возбудительности и способностямъ малѣйшія подробности хорошо рассказаннаго событія отражаются неизгладимыми чертами, и недлинные рѣчи впечатлѣваются въ памяти слово въ слово, выраженіе въ выраженіе. Равнодушіе охлаждаетъ, парализуетъ и убиваетъ, тогда какъ радость, восторженность, надежда, любовь воодушевляютъ, оживляютъ и впечатлѣваютъ событія и образы.

III.

Вѣрность преданія зависитъ отъ времени, отъ мѣста и отъ образованности извѣстнаго народа. Время, къ которому относится изслѣдованіе нашего предмета есть вѣкъ императора Августа и его преемниковъ. Человѣчество рѣдко переживало вѣкъ просвѣщенія, который могъ бы съ нимъ равняться. Непредвзятые историки, одинъ предъ другимъ, согласно описываютъ намъ это время, т. е. царствованія Августа и Тиверія съ одной стороны, и во 2 вѣкъ царствованія Траяна, Адриана, Антонина благочестиваго и Марка Аврелія, какъ благословенныя времена мира и относительнаго благоденствія. Правда, съ одного конца до другаго въ огромной римской имперіи одна воля повелѣвала безчисленными народностями; но при императорахъ покровителяхъ просвѣщенія или философахъ суровость правленія смягчалась уважаемою совѣстливостію и мудрыми правилами властителей. Подвластныхъ не грабили, областей не облагали поборами; напротивъ того, уважали ихъ обычаи, принимали ихъ боговъ, старались щадить ихъ народную гордость, назначая въ покоренныя области царей или тетрарховъ (четверовластниковъ) по ихъ выбору. Сословію жрецовъ оставляли знатную часть ихъ преимуществъ и управленія. Это было время, въ которое римское право полагало разумныя основанія общественному строю. Во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія обнаруживалось сильное желаніе изученія, успѣха. Размножались училища всѣхъ

родовъ. Въ азійскихъ провинціяхъ, Тарсъ въ Киликіи, между другими, славился какъ городъ, имѣвшій множество учебныхъ заведеній и наибольшее число учащихся; ему, вѣроятно, не уступала въ Сириі Антиохія, которую Цицеронъ называлъ городомъ, обиловавшимъ мужами высшаго образованія и отличавшимся преподаваніемъ свободныхъ наукъ, а также и городъ Смирна, упоминаемый по крайней мѣрѣ съ этимъ именемъ во 2 вѣкѣ по Р. Хр.—Но городами, превосходившими въ этомъ отношеніи всѣ остальные, были: Римъ, Аѳины, Александрія, въ школы которыхъ, со всего свѣта, стекались молодые люди, жаждавшіе образованія¹⁾. Въ то время науки встрѣчали живое соревнованіе; оны пользовались уваженіемъ въ высшихъ кругахъ общества. Августъ стяжалъ имя покровителя художествъ и поэзіи. Адрианъ и Маркъ Аврелій, увѣнчанные императорскою короною, искали утѣшенія въ философіи.

Литературное движеніе того времени превосходитъ все то, что мы вообразить можемъ. Великія имена историковъ Светонія, Тацита, Плинія, Плутарха, Діона Кассія служатъ только для того, чтобы напомнить намъ лучшихъ писателей того времени, занимавшихся историческими изслѣдованіями. Лукіанъ страсть грековъ писать исторію сравниваетъ съ повальной болѣзвю абдеритянъ, очень походившею на безуміе. Въ Греціи, болѣе трехъ сотъ историковъ составили описаніе мараѳонской бытвы²⁾. Плавтъ въ одномъ мѣстѣ говорить, что писатели понимали дѣло не слегка; они не считали себя достаточно свѣдущими, чтобы писать исторію, если они сами не путешествовали въ тѣхъ странахъ, о которыхъ они намѣревались говорить. Поливій, Саллюстій, Діодоръ Сицилійскій, подобно какъ въ наше время Тьерри, Прескотты, Тьеры, Мотлей, Кирки, Ранке посѣтили мѣста,

¹⁾ L. *Friedländer*, *Moeurs romaines au temps d'Auguste*, Paris, 1867, II. pag. 378—379.

²⁾ Legendre, въ упомянут. соч. IV, p. 617.

ознаменованныя великими событіями¹⁾. Варронъ написалъ сочиненіе, содержащее жизнеописанія семи сотъ знаменитыхъ мужей²⁾. Событія дня вызывали множество статей, брошюръ, случайныхъ стихотвореній³⁾; они появлялись тысячами экземпляровъ и расходились по всей имперіи. Распространеніе книгъ почти равнялось существующему при книгопечатаніи въ наше время⁴⁾. Въ царствованіе Августа продажа книгъ производилась подъ его покровительствомъ, и онѣ разсылались въ подвластныя ему земли. Книги продавались не дорого. Сочиненіе Марціала въ 14 печатныхъ страницъ стоило не болѣе 30 коп., хотя и самъ авторъ находилъ, что это было дорого⁵⁾. Копіи съ книгъ снимались невольниками, съ сокращеніями⁶⁾. Часто они списывали поспѣшно и небрежно⁷⁾. Цѣна книгъ зависѣла также отъ качества матеріала, на которомъ списывалась копія; обыкновенно въ употребленіи былъ папирусъ. Письмо на пергаментѣ было дороже; въ такомъ случаѣ писали на обѣихъ сторонахъ, а иногда на выскобленномъ текстѣ⁸⁾. Часто роскошныя на пергаментѣ изданія были украшаемы портретами авторовъ; врачъ Галліенъ бѣлизнѣ пергамента приписываетъ глазныя болѣзни, отъ которыхъ страдали его кліенты⁹⁾.

1) Тамъ же, IV стр. 624, 625.

2) Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. III Theil, Leipzig. 1871, pag. 151.

3) Тамъ же, pag. 346.

4) Guhl und Koner, Das Leben der Griechen und Roemer, II-te Auflage, Berlin, 1864, pag. 652.

5) Friedländer, въ упомянут. соч., III Theil, pag. 315.

6) Guhl und Koner, въ упомянут. соч., pag. 651.

7) Real Encyclopaedie der classischen Alterthumwissenschaft, статья Libri. p. 1041.

8) Сравните жалобы Страбона, упоминаемыя въ Long, Decline of the Roman Republic, London, 1872, VI. p. 269.

9) Friedländer въ упомянут. соч. III. p. 151.

На востоку главными пунктами для продажи книгъ были Александрія и Пергамъ¹⁾. На западѣ все стекалось въ Римъ²⁾, однакоже Коринѣ былъ богатъ книгами, выставлявшимися напоказъ на улицахъ, и подь портиками³⁾. Плиній младшій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, выражаетъ удивленіе свое и радость, узнавъ, что въ Лионѣ, есть книгопродавцы, и что тамъ продаются книги⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общественныя бібліотеки существовали уже съ давняго времени. Такимъ образомъ Кароагенъ имѣлъ очень богатую бібліотеку; послѣ разоренія его, книги изъ нея были распредѣлены между разными африканскими владѣтелями, римскими союзниками⁵⁾. Овладѣвъ Аеинами, Сулла приказалъ перевезти въ Римъ бібліотеку Апелликона⁶⁾; однакожъ книжная торговля развилась только тогда, когда въ большихъ городахъ Римской имперіи составились значительныя бібліотеки. Въ Римѣ первую общественную бібліотеку завелъ Азиніусъ Полліо; потомъ явились бібліотеки Палатинская, основанная Августомъ, Тиверіева, Всепасіанова, Домиціанова и знаменитая, обязанная щедротамъ императора Траяна своимъ существованіемъ, Ульціанская бібліотека. Въ самомъ Римѣ число ихъ восходило до 28-ми, не говоря о частныхъ бібліотекахъ⁷⁾, каковы: бібліотека Эпафродита грамматика, въ которой считалось тридцать двѣ тысячи томовъ, и позже бібліотека наставника молодаго Гордіана Саммоніуса

¹⁾ Real Encyclop. статья Libri, стр. 1039.

²⁾ Real Encycl. статья Libri, стр. 1040.

³⁾ Friedländer въ упом. соч. II. p. 408.

⁴⁾ „Bibliopelas Lugduni esse non putabam, ac tanto lubentius ex litteris tuis cognovi, venditari libellos“. Ep. IX, 11.

⁵⁾ Lenormant. Mannel d'histoire ancienne de l'Orient. Paris. 1869. pag. 226.

⁶⁾ Long, въ вышеупом. соч. стр. 269.

⁷⁾ Real Encycl. статья Libri, p. 1039.—Friedländer, III. p. 316.

Севера, состоявшая изъ шестидесяти двухъ тысячъ томовъ ¹⁾). Эти учрежденія представляли любителямъ всѣ удобства, всѣ пріятности знаменитѣйшихъ новѣйшихъ библіотекъ; онѣ украшены были разными бюстами и потретами, и читатели проводили въ нихъ время самымъ пріятнымъ образомъ. Что касается до частныхъ, то надобно читать особенное описаніе, съ какимъ наслажденіемъ ученые и философы проводили свое время въ александрійскомъ музеумѣ; это великолѣпное учрежденіе, сверхъ другихъ помѣщеній, заключало двѣ библіотеки, число томовъ въ которыхъ доходило до семи сотъ тысячъ ²⁾).

Посему книги, документы, разные письменные источники находились всегда въ распоряженіи историковъ Августова вѣка и слѣдующаго; кромѣ того, они могли добывать нужныя для нихъ свѣдѣнія въ архивахъ городовъ и корпорацій. Мы упоминали уже выше о той тщательной заботливости, съ которою древніе города Греціи и Рима сохраняли свои лѣтописи. Въ Вавилонѣ и Мидіи, подъ названіемъ библіотекъ, существовали архивы, въ которыхъ сохранялись постановленія или указы древнихъ царей ³⁾). Въ разныхъ финикійскихъ городахъ равномерно находились богатые архивы и вѣрныя, заботливо сохраняемые, лѣтописи съ древнѣйшихъ временъ ⁴⁾), въ Халдеѣ тоже ⁵⁾), а Египетъ не перестаетъ доставлять разнаго рода доказательства и даже самый папирусъ, свидѣтельствующій о томъ тщаніи, которое прилагалось нѣкогда при изданіи египетскихъ

¹⁾ Guhl und Koneg, въ вышеупом. соч. стр. 655.

²⁾ J.—W. Draper. History of the intellectual development of Europe. London. 1864 I. pag. 182—183.

³⁾ Joseph. Histoire de la guerre des juifs, II. chap. 31.

⁴⁾ Lenormant, въ упомянут. соч. III, pag. 124.

⁵⁾ Tertulien. Apolog. chap. 19.

лѣтописей¹⁾). Знаменитый Синезіусъ (Sinesius), епископъ Птолемаидскій въ Ливіи, говоритъ, что родословная его отъ отца къ сыну до его отца, и даже до него самого, записана въ общественныхъ регистрахъ города Кириней, восходя за тысячу сто лѣтъ до Р. Хр.²⁾). Когда спустя около ста лѣтъ послѣ Р. Хр. путешественникъ Павзаній, во время Адріана, проѣзжалъ Грецію, то жрецы каждаго города рассказывали ему старинныя мѣстныя исторіи, которыя они почерпнули изъ своихъ лѣтописей³⁾). Римская республика развила въ высокой степени вкусъ, свойственный духу латинскому, къ точности, къ мелочнымъ обозначеніямъ, къ статистическимъ даннымъ, къ административнымъ отчетамъ. Устанавливаемые законы вырѣзывались на бронзовыхъ доскахъ. Въ самомъ Римѣ обозначали названіе племени, которое прежде другихъ подавало голосъ въ народныхъ собраніяхъ и имя члена племени, который первый подавалъ въ нихъ голосъ⁴⁾). Правители или губернаторы областей, назначавшіеся на одинъ годъ, по возвращеніи своемъ представляли отчеты, одинъ экземпляръ которыхъ передавался въ римское казначейство, а два другіе экземпляра отдавали на храненіе въ управленія областей⁵⁾). Когда въ 62 или въ 63 году до Р. Хр. посуда и драгоценности Митридатовы найдены были въ Талаурѣ (Talauga), то имъ

¹⁾ Иродотъ сообщаетъ множество свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ египетскихъ, мемфисскихъ и иллипольскихъ жрецовъ, которыя всѣ нашелъ онъ совершенно сходными. Его „Histoire“ въ переводѣ Larcher—а. Paris. 1870. Книга II. гл. С—СII, CXLIII.—Les antiquités Egyptiennes. Toulouse. 1867. pag. 134—137.—Matthey. Explorations modernes en Egypte. Paris, 1869. p. 7—12.

²⁾ Nouveau traité de Diplomatie par deux relig. bénédict.—Paris. 1750. I. pag. 90.

³⁾ Fustel de Coulanges. въ упомянут. соч. p. 216.

⁴⁾ Long, въ упомянут. соч. I. p. 355, 356.

⁵⁾ Тамъ же, II. pag. 171.

составлена была точная опись¹⁾. Мимоходомъ скажемъ, что Митридатъ, этотъ царь Понта въ Малой Азіи, оставилъ послѣ себя также рукописи на греческомъ языкѣ, переведенныя потомъ на латинскій языкъ отпущенникомъ Помпеевымъ Леннеемъ (Lennaeus)²⁾. На другомъ концѣ римскихъ владѣній, Кесарь около того же времени, въ лагерь Гельветовъ нашелъ свитки на греческомъ языкѣ, въ которыхъ записано было количество людей способныхъ къ военной службѣ съ отдѣльными листами о числѣ дѣтей, женщинъ и стариковъ³⁾; слѣдовательно собраніе статистическихъ свѣдѣній было въ обычай и внѣ предѣловъ римскихъ владѣній, а языкъ греческій простиралъ свое вліаніе отъ предѣловъ Азіи до предѣловъ Германіи. Подъ управленіемъ императоровъ централизація все возрастала; сѣть римскаго управленія становилась все уже. Въ провинціяхъ, сверхъ актовъ городскихъ думъ, сохранялись акты проконсуловъ (*gesta proconsularia*), акты губернаторовъ (*gesta praefectoria*), акты судебныя (*gesta praesidialia*), акты судей (*gesta iudicum*, *acta judicialia*, *ἰσχυρήματα*), гражданскіе акты (*acta civilia*⁴⁾). Планы всѣхъ имѣній, кадастры хранились въ императорскомъ *Sanctuario tabulario*, а копии съ нихъ были оставляемы въ архивахъ того города или того округа, гдѣ находились помѣстья⁵⁾. Постоянно производились переписи то генеральныя, то частныя съ тою ли цѣлію, чтобы знать количество народонаселенія, или чтобы по-

¹⁾ Тамъ же, pag. 193.

²⁾ Тамъ же, p. 194.

³⁾ Тамъ же, IV, p. 19.

⁴⁾ *Nouveau traité de Diplomatique*, I, pag. 423.

⁵⁾ Long, I, pag. 145.—Мы видимъ (въ *Annales*, lib. IV) у Тацита, что въ царствованіе Тиверія въ Пелопонесѣ сохранились еще подлинники договора о раздѣлѣ этой страны между потомками Геркулеса, когда они овладѣли ею спустя около ста лѣтъ послѣ троянской войны. Этотъ договоръ имѣлъ никакъ не менѣе тысячи лѣтъ давности“... *N. traité de Diplomatique*, p. 89.

повѣрять распредѣленіе податей¹⁾). Древніе знали также употребленіе официального журвала; римскіе acta digna, какъ наши общественныя вѣдомости, сообщали заграничныя извѣстія, и отмѣчали разныя происшествія, которыми интересовались многочисленныя ихъ читатели²⁾). Во время республики Марій воздвигъ храмъ чести и храбрости для прославленія побѣды своей надъ Кимврами³⁾). Цицеронъ разными униженіями добивается назначенія ему триумфа за то, что онъ усмирилъ какое-то незначительное племя въ горахъ киликійскихъ⁴⁾). А сколько, когда это стоило того, выбито медалей, воздвигнуто триумфальныхъ аркъ, высѣчено на мраморѣ, вырѣзано на бронзѣ или на свинцѣ надписей для воспоминанія о прошедшемъ. — По сказанію Авла Геллія пожаръ, случившійся въ царствованіе Веспасіана, истребилъ три тысячи бронзовыхъ досокъ, хранившихся въ Капитоліи; на нихъ начертаны были законы, мирныя договоры и другіе достойнѣйшіе уваженія историческіе памятники имперіи. Бронза издерживалась даже на такіе акты, которые касались главныхъ и увѣдныхъ городовъ. Товарищества, цеховыя общества и частныя люди сооружали иногда доски или колонны изъ мрамора или изъ мѣди, чтобы увѣковѣчить память объ ихъ уставахъ, привилегіяхъ, или приобрѣтеніяхъ⁵⁾). Малѣйшія подробности начертывались на камняхъ: въ Сень-Прэ (Sainte-Prix), найдена надпись удостовѣряющая, что разведеніе винограда извѣстно было въ этой странѣ во

¹⁾ A. W. Zumpt, das Geburtsjahr Christi. Leipzig, 1869. p. 97—132 и 147—188.

²⁾ G. Boissier. Ciceron & ses amis. 2 édition Paris, 1870, p. 2—3. Comp. Hofstede de Groot. Bâsilides als ersten Zeuge, Leipzig, 1868, page 49. note 3.

³⁾ Long. въ упомянут. соч. IV, p. 74.

⁴⁾ Тамъ же IV, 409.

⁵⁾ Nouv. traité de Diplom. I, pag. 451—452.

время императоровъ ¹⁾). Изъ столицы, за плату, корреспонденты разсылали въ провинціи вѣсти о томъ, что въ ней происходило.

Въ Римѣ храмы Аполлона и Весты были назначены для храненія архивовъ. Храмъ Сатурна былъ общественнымъ складомъ государственныхъ доходовъ и грамотъ. Въ Капитоліи сохранялись казна эдиловъ и бронзовыя доски, на которыхъ были начертаны мирные договоры. Храмъ свободы или, по мнѣнію другихъ, храмъ нимфъ имѣлъ тоже назначеніе. Храмъ Юноны, по словамъ Тита Ливія, служилъ библіотекою для книгъ изъ полотна, въ которыхъ велись лѣтописи первосвященниковъ, исторія республики, и имена должностныхъ лицъ каждаго года. Различныя присутственныя мѣста и палаты, завѣдывавшія управленіемъ дѣлъ республики и имперіи, каждое учрежденіе имѣло свой отдѣльный архивъ. Римскіе императоры имѣли также хранилища хартій, находившіяся при ихъ особахъ, и болѣе извѣстныя подъ названіемъ дворцовыхъ и священныхъ архивовъ. Такихъ архивовъ было четыре; они различались между собою сколько по свойству дѣлъ, столько же и по лицамъ завѣдывавшимъ ими ²⁾).

Впечатлѣніе, производимое разсказами того времени о путешествіяхъ, никакъ не позволяетъ думать, что путешествія сухимъ путемъ, въ первую вѣку христіанства, были болѣе рѣдки, нежели въ XIX столѣтіи до введенія желѣзныхъ дорогъ ³⁾. Въ теченіе шести дней можно было проѣхать тысячу сто километровъ (около 1,100 верстъ) разстоянія между Антиохіею и Константинополемъ ⁴⁾. Юлій Кесарь въ 27 дней проѣхалъ сухимъ путемъ чрезъ римскія владѣ-

1) Friedlaender въ упомянут. соч. III р. 42.

2) Nouv. traité de Diplom. I р. 91.

3) Friedländer, въ упомят. соч. II. р. 334.

4) Тамъ же, стр. 341.

нія въ Андалузію на самый югъ Испаніи ¹⁾. Другой римлянинъ въ 7 дней пріѣхалъ въ Клуноію, находившуюся тоже въ Испаніи; это было въ іюнѣ 68 года, т. е., спусти 4—5 лѣтъ послѣ того, какъ св. апостоль Павелъ предполагалъ посѣтить Испанію ²⁾. Путешествія по морю ограничивались почти исключительно весеннимъ и лѣтнимъ временемъ, и первою позовиною осени. Мореплаваніе, прерывавшееся съ 11-го ноября по 5 марта, возобновлялось въ мартѣ ³⁾. По словамъ Плинія старшаго изъ Остіи прибывали въ Гадесъ (Кадиксъ) въ 7 дней, въ форумъ Fulii (Frejus) въ 3 дня, а въ Африку въ два дня ⁴⁾. Побужденія къ этимъ передвиженіямъ были многочисленнѣе и разнообразнѣе во время римлянъ, нежели въ наше время. Во время Цицерона и республики евреи и сиріянне уже наполняли Римъ ⁵⁾. Повсюду въ провинціяхъ, въ прибрежныхъ городахъ Средиземнаго моря встрѣчались еврейскія колоніи, болѣе многочисленныя въ Александріи, въ Киріиѣ, въ Коринѣ, въ Тессалоникахъ, въ Филиппахъ, въ Милетѣ, въ Ефесѣ, въ Смирнѣ и проч. и пр. ⁶⁾. Въ книгѣ Дѣяній св. Апостоловъ упоминается, что евреи поселялись вездѣ, составляя отдѣльную національность, имѣя извѣстное вліяніе и возбуждая противъ себя власти безпокойнымъ своимъ правомъ. Въ день первой христіанской пятидесятницы, на главной площади въ Іерусалимѣ. Апостоловъ обступило множество евреевъ, прибывшихъ изъ колоній, Паряне и Мидяне, Еламнты, Аравитяне, Киріиенне, Месопотамляне, Критяне, Египтяне, Ев-

¹⁾ Тамъ же, стр. 342.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Friedländer, въ упомян. соч. II, стр. 344.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 350.

⁵⁾ Long. въ упомян. соч. II, pag. 58—59.

⁶⁾ Friedländer, въ упомян. соч. II, pag. 369.

реи изъ Фригіи, Понта и Рима ¹⁾). Однакожь Евреи были не единственными купцами этого времени. Одинъ купецъ изъ Гераполиса во Фригіи Флавій Зевксисъ, въ случайно сохранившейся надписи, хвастается тѣмъ, что онъ семьдесятъ два раза ѣздилъ въ Италію ²⁾). Другая надпись, найденная въ Тунъ (Thun), свидѣтельствуеть, что одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Малой Азіи, работалъ на домъ римской колоніи въ Швейцаріи. Греческіе живописцы и ваятели проживали въ городахъ Галліи ³⁾). Ліонъ, какъ видно изъ надписи найденной въ одной гостинницѣ (hôtel), былъ часто посѣщаемъ коммерческими путешественниками ⁴⁾). Военская служба заставляла также солдатъ и офицеровъ переселяться съ семействами на разные пункты имперіи. Галлы и германцы были тѣлохранителями Ирода въ Іерусалимѣ ⁵⁾). Сотникъ Корнилій проживалъ съ семействомъ своимъ въ Кесаріи ⁶⁾). Легіонъ, называвшійся итазіанскимъ, въ которомъ онъ служилъ, принадлежалъ къ гарнизону іудейскому. Когда Апостолъ Павелъ, послѣ двухъ-годового заключенія въ тюрьмѣ, былъ препровожденъ на судъ къ Кесарію; то сотникъ Юлій, служившій въ легіонѣ, носившемъ названіе Августова легіона, долженъ былъ сопровождать знаменитаго узника въ Римъ ⁷⁾). Пользованіе минеральными ваннами не въ меньшемъ было обыкновеніи въ древности, какъ и въ наше время. Швейцарскій Баденъ, уже во второй половинѣ 1-го столѣтія по Р., Хр., былъ часто посѣщаемъ ⁸⁾). Лица, страдавшія грудными болѣзнями,

1) Дѣянія св. Апост. II. 9—11.

2) Friedländer. въ упом. соч. II. р. 370.

3) Тамъ же, стр. 368.

4) Тамъ же, стр. 360.

5) Тамъ же, стр. 369.

6) Дѣянія св. Апостоловъ, X. 1.

7) Тамъ же, XXVII, 1.

8) Friedländer въ упомянут. соч. II. стр. 383.

искали мѣсть въ теплѣйшихъ климатахъ для проживанія зимою ¹⁾, если только имъ не совѣтовали отдавать предпочтенія хвойнымъ лѣсамъ, или лечевіе молокомъ въ лѣтнюю пору на горахъ. Наконецъ классическія страны Греціи, Малой Азіи, Италіи и Палестины привлекали къ себѣ очень многихъ посѣтителей. „Городъ Аѳины, говоритъ Атикъ, радуется меня воспоминаніемъ о его великихъ мужахъ, приводя мнѣ на память мѣсто, гдѣ они жили, гдѣ имѣли обыкновеніе сидѣть, или, разговаривая, прогуливаться, равно какъ могилы ихъ, видъ которыхъ равно интересуетъ меня ²⁾“. Языкъ греческій, послѣ завоеваній Александра Македонскаго, ставшій господствующимъ языкомъ на Востокъ, утвердился и на Западѣ, и въ предопредѣленіяхъ Промысла, казалось, назначенъ былъ для того, чтобы пронести свѣтъ истины христіанской до предѣловъ огромной имперіи Римской. На греческомъ языкѣ составлялись официальные акты въ Малой Азіи; на греческомъ языкѣ продолжали производиться коммерческія сдѣлки и политическіе трактаты со всѣми восточными странами со включеніемъ Индіи и Китая ³⁾. По сему позволительно утверждать, что, если, въ минувшемъ бытѣ человѣчества, когда либо существовала собственно историческая эпоха, то это та самая, въ сердцѣ которой ставить насъ избранный нами предметъ.

IV.

Скудость памятниковъ, которыми мы располагаемъ, находящихся въ настоящее время, составляетъ жалкій контрастъ съ обиліемъ ихъ въ первые два вѣка по Р. Хр.—Сожалѣютъ о сихъ счастливыхъ временахъ, завидуютъ современникамъ столь многихъ классическихъ и первыхъ христіанскихъ писателей; но страсти людскія, ихъ рвеніе къ ис-

¹⁾ Тамъ же стр. 382—383.

²⁾ Тамъ же, стр. 462, 467, 471—472.

³⁾ Тамъ же, II. стр. 371.

требленію, не щадятъ памятниковъ мысли человѣческой. Десять первыхъ гоцеій римскихъ императоровъ на христіанъ не разъ были направлены противъ литературы ихъ, а не только противъ ихъ лицъ. Назначены были чиновники, которымъ поручалось отбирать у христіанъ ихъ священныя книги ¹⁾. Потомъ появились полчища варварскихъ народовъ Готовъ, Гунновъ, Вандаловъ, Саренъ, Арабовъ съ ихъ Алариками, ихъ Аттилами, ихъ Омарами—все они ринулись на населеннѣйшія и на самыя цвѣтуція области имперіи Римской, предавая все огню и мечу. Книгохранилища погибли въ пламени, церкви и монастыри были разрушены и разграблены; торговые города опустошены; лавки ихъ обмелѣли, храмы пали въ развалинахъ, и арены заросли травой. Господство меча заступило мѣсто господства наукъ, и нравъ среднихъ вѣковъ не замедлилъ накинуть на прекраснѣйшія страны Европы и Азии свой траурный покровъ. Въ свою очередь невѣжество пришло на помощь грубой силѣ. Не знали больше ничего, не учились больше ничему, не читали больше ничего, не интересовались ничѣмъ, не подозрѣвали важности рѣдкихъ памятниковъ, избѣгнувшихъ дѣйствія огня. Не теперь ли, еще только въ маѣ 1844 года, Тисендорфъ имѣлъ неожиданное счастье въ монастырѣ, на Синайской горѣ, спасти отъ сожженія корзину съ рукописями, въ числѣ которыхъ находилась рукопись Новаго Завѣта? За нѣскольکو дней предъ тѣмъ бросили въ огонь двѣ корзины съ извѣденными временемъ бумагами, и въ глазахъ невѣжественныхъ монаховъ не имѣвшимъ никакой цѣны ²⁾. Свѣтская литература не меньше страдала отъ подобныхъ дѣйствій вандализма, какъ и священная. У насъ нѣтъ теперь записокъ

¹⁾ Eusebii Pamphili. Vita Constantini. Edit. Heinichen, Vol. II, lib. III. cap. I.

²⁾ Tischendorf. De la date de nos évangiles. Toulous. 1866, p. 19.

диктатора Суллы ¹⁾; сохранились только нѣкоторые отрывки пяти книгъ пространной исторіи Саллюстія, часть только сочиненій Юлія Кесарія, изъ сорока—только пятнадцать книгъ исторіи Діодора Сицилійскаго. Изъ пяти сотъ сочиненій Варрона не осталось почти ничего. Для насъ потеряны три четверти историческихъ сочиненій Тита Ливія, часть сочиненій Светонія и большая часть лѣтописей Тацита; отъ текста послѣднихъ остался только одинъ древній манускриптъ.—Половина исторіи Діона Кассія, жившаго спустя сто лѣтъ послѣ Тацита, потеряна. Евреи, кажется, съ исключительнымъ счастьемъ сохранили произведенія своей національной литературы, сколько то можно заключать по гораздо значительнѣйшимъ и болѣе полнымъ остаткамъ сочиненій философа Филона и историка Іосифа Флавія. Если мы наконецъ присоединимъ къ этому послѣдняго, страшнѣйшаго и ненасытнѣйшаго изъ всѣхъ врага—время, то мы поймемъ, что нѣтъ ни одного историческаго преданія болѣе вѣрнаго и болѣе засвидѣтельствованнаго въ нашемъ XIX вѣкѣ, какъ евангельское преданіе. Время отъ времени ученые изслѣдователи выкапываютъ въ библіотекахъ, и подъ стершимися текстами открываютъ отрывки потерянныхъ сочиненій, и каждое изъ этихъ открытій подтверждаетъ принимаемое преданіе, и даетъ какое нибудь новое доказательство въ защиту его. Philosophoumena Остійскаго епископа Ипполита, проплывая болѣе свѣтъ на исторію ересей въ I-мъ и во II-мъ вѣкѣ, выставляютъ на свѣтъ достовѣрность и древность священныхъ памятниковъ ²⁾. Одинъ нѣмецкій ученый Дрессель (Dressel) отыскалъ греческій подлинникъ части бесѣдъ Климента (Homelies Clementines) христіанскаго сочиненія конца II-го вѣка и тѣмъ опровергъ нѣкоторые смѣлыя гипотезы критической школы ³⁾.

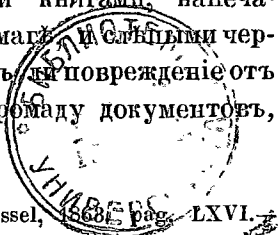
¹⁾ Long, въ упомянут. соч. II, стр. 432.

²⁾ Hafstede de groot. Basilides, pag. 4—6.

³⁾ Clementi Romani Homilia. Edit. Dressel. Goettingen, 1853. Praefatio.

Титендорфъ, съ своей стороны, далъ намъ начало посланія Варнавы на греческомъ языкѣ, и этотъ драгоценный отрывокъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшее свидѣтельство существованія нашихъ четырехъ евангелій ¹⁾. Найденная недавно надпись, относящаяся до четверовластника Авиллинея Ли-санія, позволила разъяснить одно темное мѣсто евангельской исторіи ²⁾. Кто можетъ отвѣчать что хранить для насъ будущее? Если бы мы, напримѣръ, имѣли въ своихъ рукахъ твореніе Папія, находившееся еще въ 1218 году въ собраніи Нимскихъ (de Nimes) рукописей, то, вѣроятно, мы заставили бы замолчать другія нападки критики ³⁾.

Не станемъ требовать отъ исторіи больше того, что она можетъ намъ дать. Обстоятельства, чрезъ которыя перешло къ намъ евангельское преданіе, ни исключительны, ни странны. Можно быть увѣреннымъ, что чрезъ тысячу шесть сотъ лѣтъ, въ 3,473 году, потомки наши будутъ крайне затруднены объясненіемъ факта, подобнаго акту отмѣненія нантскаго эдикта, совершившемуся во Франціи въ 1685 году. Парижское городовое управленіе не обязано ли возстановить теѣерь свои метрическія записи съ 1535 по 1862 годъ? Увѣрены ли мы, что новыя вторженія варваровъ извнѣ или извнутри, что новыя полчища Готовъ, Гунновъ и Вандамовъ не предадутъ огню европейскія бібліотеки и не разрушатъ памятниковъ Европы? Впрочемъ, если бы даже рука человѣка не вмѣшивалась въ это, что станется чрезъ тысячу шесть сотъ лѣтъ съ этими книгами, напечатанными большею частію на дурной бумагѣ и слабыми чернилами?—А рукописи наши? переживутъ ли поврежденіе отъ времени? Можно ли представить себѣ громаду документовъ,

¹⁾ Patrum Apostolicorum opera. Edit. Dressel, 1868, pag. LXVI. Сравни. Tischendorf. De la date de nos évangiles.

²⁾ Wieseler. Beiträge zur richtigen Würdigung das Evangelien. Gotha. 1869, pag. 191, 196—204.

³⁾ Herzog. Real-Encyclopedie, XI, pag. 86, статья Papias.

имѣющихъ накопиться съ вѣками, количество которыхъ сдѣлаетъ почти необходимымъ внимательство какого нибудь новаго Омара?—Возьмемъ въ примѣръ Общество чтенія (*Société de lecture*) въ Женевѣ, накопившее въ теченіе пятидесятилѣтняго своего существованія 60,000 томовъ книгъ. Черезъ 1,600 лѣтъ оно можетъ собрать тридцать два раза 60,000 томовъ т. е. 1,920,000 томовъ, для помѣщенія которыхъ вмѣсто одного, потребовалось бы 16 домовъ.—Какъ бы то ни было, а нельзя не придти къ мысли, что Готы и Вандалы будущаго времени могутъ оказать услугу человечеству ¹⁾. Самые языки нѣмецкій, англійскій, французскій станутъ конечно мертвыми.—менѣе извѣстными, и менѣе употребляемыми, нежели греческій и латинскій—эти языки Новаго Завета и церкви, которые, значительною частію безсмертія своего, обязаны тому славному употребленію, для котораго они послужили. Съ трудомъ только можетъ быть будутъ разбирать наши книги и наши рукописи; шрифтъ можетъ измѣниться, можетъ быть и книгъ не будутъ болѣе печатать, а будутъ издавать ихъ въ свѣтъ посредствомъ какого нибудь фотографическаго процесса, и этотъ новый процессъ не приведетъ ли къ изобрѣтенію какой нибудь особенной азбуки? .. Но эти затрудненія, которыя могутъ остановить, привести въ отчаяніе нашихъ потомковъ, насъ не останавливаютъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы рассказать событія 1685 года. Мы отдалены отъ нихъ только на 193 года, у насъ въ рукахъ богатая средства, множество статей, воспоминаній, преданій, и мы владемъ полною возможностью съ совершенною точностію написать исторію этого эпопеическаго года. Потомки наши 3473 года были бы слишкомъ взыскательны, еслибы за недостаткомъ источниковъ, не приняли писанныхъ

¹⁾ Эти соображенія искусно развили одинъ остроумный англійскій писатель Н. Рождерсъ въ *Eclipse of the Faith*, 8-th Edition, London, 1857, pag. 294.—Ср. о томъ же самомъ предметѣ Maitland. *Dark Ages*, упоминаемые въ *History of ancien manuscripts* W. Fersyth, London, 1872. стр. 41.

свидѣтельство, которыя мы оставляемъ имъ въ наследство.... Между тѣмъ относительно источниковъ о жизни Іисуса Христа и Его церкви, которые рассказали бы происхождение христіанства отъ 50 года до 200 года нашего лѣтосчисленія, мы находимся въ совершенно одинаковомъ положеніи съ положеніемъ нашихъ потомковъ 3473 года касательно источниковъ отмѣненія Нантскаго эдикта и убѣжища (Refuge). На семнадцати-вѣковомъ отдаленіи отъ событій, у насъ нѣтъ такъ же всѣхъ достовѣрныхъ бумагъ, ни всѣхъ первобытныхъ документовъ; у насъ нѣтъ полныхъ лѣтописей первобытныхъ церквей, но мы имѣемъ многочисленныя и неоспоримыя свидѣтельства современниковъ Іисуса Христа и преемниковъ учениковъ Его—Апостоловъ. Эти условія не удовлетворительны ли, не удовлетворительнѣйшія ли тѣхъ, о которыхъ мы въ настоящихъ обстоятельствахъ смѣли бы думать?... Или мы готовы отвергнуть все прошедшее и объявить, что исторія есть дѣло невозможное?... Не думаю.— Я достаточно уже говорилъ о томъ, что эпоха, которою мы намѣрены заняться не изъ тѣхъ, которая смущала бы или уничижала проникательность историка. Каковы бы ни были встрѣчающіеся въ ней пробѣлы, и упорное молчаніе, которое она хранитъ на многіе наши вопросы и на наши изслѣдованія, эта эпоха заслуживаетъ наше довѣріе и возбуждаетъ наше вниманіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПЕРВАЯ ГЕНЕРАЦИЯ СВИДѢТЕЛЕЙ

ОТЪ 30 ДО 90 ГОДА ПО РОЖДЕСТВѢ ХРИСТОВОМЪ.

I. Предметъ первобытнаго христіанскаго преданія.— Разные роды свидѣтельствъ, повѣствованія, сочиненія.— Количество и качество свидѣтелей въ первые семьдесятъ лѣтъ церкви. Свидѣтели и очевидцы жизни І. Христа.— Апостолъ Павелъ; сподвижники и ученики Апостоловъ.

II. Разные виды преданія: по свидѣтельству Апостоловъ Петра, Павла, Іоанна; по свидѣтельству церковей— іерусалимской, римской, ефесской.— Великое значеніе епископскихъ списковъ, сохраненныхъ Евсеіемъ.— Авторитетъ этого историка.

III. Первые официальные документы.— Написаніе первыхъ трехъ Евангелій.

IV. Появленіе гностическихъ ересей.— Евангеліе отъ Іоанна направленное противъ нихъ.— Древность этихъ ересей.

V. Прочность первобытнаго христіанскаго преданія. Согласіе между Апостолами во всемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, касающихся закона Моисеева.— Согласіе между Апостолами Петромъ, Павломъ и Іоанномъ.— Единство вѣры въ апостольской церкви, доказываемое: 1) принятіемъ одного общаго основанія; 2) соединеніемъ четырехъ Евангелій въ одной книгѣ.— Происхожденіе четырехъ Евангелій отъ Апостоловъ.

VI. Появленіе апокрифическихъ книгъ.—Разные роды апокрифическихъ сочиненій и крайность исторической критики въ отношеніи къ нимъ.—Апокрифическія евангелія большею частію еретическаго происхожденія.—Евангеліе египтянъ.—Евангеліе евреевъ.—Евангеліе Апостола Петра.—Апокрифы суть поддѣлки каноническихъ Евангелій.—Живучесть апостольскаго преданія.

VII. Свѣтскія свидѣтельства изъ 1-го вѣка, касающіяся I. Христа.—Иосифъ Флавій.—Молчаніе свѣтской исторіи.—Причины того.

I.

Естественною колыбелью всякаго преданія должна быть та страна, въ которой происходили передаваемые событія. Посему колыбели христіанскаго преданія должно искать тамъ, гдѣ протекла земная жизнь нашего Спасителя—въ Галилеѣ и въ Іудеѣ.

Первоначальный предметъ преданія уже въ 56 году Апостолъ Павелъ опредѣлилъ въ первомъ посланіи къ Коринтянамъ: „напоминаю вамъ, братія, Евангеліе, которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы и приняли, въ которомъ и утвердились, которымъ и спасаетесь, если преподаемое удерживаете такъ, какъ я благовѣствовалъ вамъ,—если только не тщетно увѣровали. Ибо я первоначально преподавалъ вамъ, что и самъ принялъ, то есть, что Христосъ умеръ за грѣхи наши по писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день по писанію¹⁾. — Другъ и ученикъ Апостола Павла ев. Лука во введеніи своемъ въ книгу Дѣяній св. Апостоловъ говоритъ, что „онъ первую книгу написалъ о всемъ, что Іисусъ дѣлалъ, и чему училъ отъ начала до того дня, въ который Онъ вознесся, давъ Святымъ Духомъ повелѣніе апостоламъ, которыхъ Онъ избралъ, которымъ и явилъ себя живымъ по страданіи своемъ со мно-

¹⁾ 1 посл. къ Коринт. XV, 1—4.

гими вѣрными доказательствами въ продолженіе сорока дней являясь имъ и говоря о царствіи Божіемъ“¹⁾). Ев. Іоаннъ въ преданія вноситъ новый элементъ, именно объясненіе засвидѣтельствовавшихся событій, ученіе, которое онъ воспринялъ отъ самаго Учителя, и которое Св. Духъ привелъ ему на память. Первые стихи его перваго посланія, признаннаго большею частію писателей достовѣрнымъ, показываютъ намъ историческій и созерцательный элементы уже соединенными въ мысли апостольской. „О томъ, что было отъ начала, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и что осязали руки наши, о Словѣ жизни,—о томъ что мы видѣли и слышали возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами, а наше общеніе съ Отцемъ и Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ“²⁾).

Сто лѣтъ спустя епископъ ліонскій Иринеи, въ письмѣ своемъ къ Флорину, рассказываетъ, что учитель его Поликарпъ передалъ ему то, что самъ слышалъ изъ устъ Іоанна и другихъ *относительно Господа Іисуса Христа, Его чудесъ и Его ученія*³⁾). Порядокъ, въ которомъ онъ перечисляетъ сіи три предмета преданія вполне логиченъ: Лице Спасителя занимаетъ первое мѣсто; сотворенныя имъ чудеса второе; ученіе же Его составило третью главу преданія.

Самъ Господь Іисусъ Христосъ постепенно открывалъ своимъ ученикамъ тайны царствія Божія. Въ нагорной проповѣди онъ началъ описаніемъ основаній нравственнсей и религіозной жизни, и съ этой стороны ученіе свое связалъ съ ученіемъ Ветхаго Завѣта; и только спустя нѣкоторое время открылъ ученикамъ своимъ, что единственно чрезъ Него возможна для человѣка свобода отъ рабства грѣховнаго. Свое ученіе онъ сообразовалъ съ пониманіемъ слуша-

¹⁾ Дѣянія св. Апост. I, 1—3.

²⁾ 1 посл. Іоанна I, 1—3.

³⁾ Adv. haeres. Edit. Stieren. Fragin. II, pag. 823. Euseb. Hist. eccles. Edit. Heineichen. Lipsiae, 1868. V, 20.

телей; апостоламъ преподавалъ наставленія отдѣльно отъ народа и изъ апостоловъ нѣкоторыхъ особенно приближалъ Онъ къ Себѣ. Апостолы, съ своей стороны только листъ за листомъ развертывали книгу преданія, приспособляя откровенія свои къ потребностямъ и умственнымъ способностямъ своихъ учениковъ. „Я не могъ говорить съ вами, братія, пишеть св. апостоль Павелъ къ Коринѳянамъ, какъ съ духовными, но какъ съ плотскими, какъ съ младенцами во Христѣ. Я питалъ васъ молокомъ, а не твердою пищею, ибо вы были еще не въ силахъ, да и теперь не въ силахъ потому, что вы еще плотскіе“¹⁾. И такого порядка въ преподаваніи священныхъ истинъ продолжали держаться еще во времена Евсевія; ибо сей знаменитый историкъ церкви въ 315 году, въ Тирѣ, въ проповѣди своей при освященіи новой церкви упоминаетъ о существовавшемъ въ то время обычаѣ обучающихся христіанской вѣрѣ наставлять сперва въ буквальному познанію четырехъ Евангелій, а потомъ уже передавать имъ знаніе внутренняго смысла евангельскаго ученія“²⁾.

Первыми проповѣдниками Евангелія были свидѣтели—очевидцы. Они были неразлучными спутниками Иисуса Христа, во все время Его открытаго служенія роду человѣческому; непосредственно изъ устъ Его они слышали Его Божественное ученіе и повѣствуя о дѣлахъ Его постоянно ссылаются на то, что видѣли оныя собственными очами; приступая къ избранію въ среду свою новаго апостола на мѣсто отпаднаго Іуды, они выражаютъ желаніе принять въ свое общество такое лице, которое находилось съ ними во все время, когда бывалъ и обращался съ ними Господь Иисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся на небо³⁾. Апостоль Петръ назы-

¹⁾ 1 посл. къ Кор. III, 1, 2.

²⁾ Euseb. Hist. eccles. X, 4.

³⁾ Дѣлія св. Ап. I, 21—22.

ваетъ себя и товарищей своихъ предъизбранными отъ Бога свидѣтелями, видѣвшими то, что І. Христосъ сдѣлалъ въ Іудейской странѣ и въ Іерусалимѣ, „которые ѣли и пили съ Нимъ по воскресеніи Его изъ мертвыхъ“¹⁾. Евангелистъ Лука приступилъ къ составленію своего Евангелія только тогда, когда предварительно разъузналъ *у тѣхъ которые были съ самаго начала* очевидцами и служителями Слова²⁾. Наконецъ Евангелистъ Іоаннъ въ посланіи своемъ и въ Евангеліи указываетъ на себя, какъ на очевидца тѣхъ событій, о которыхъ онъ повѣствуетъ, и не смотря на то, что приводитъ слова І. Христа: „блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“, выставляетъ себя такимъ ученикомъ, который видѣлъ собственными глазами и осязалъ собственными руками. „Слово стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины, и мы видѣли славу Его, славу какъ едиnorodнаго отъ Отца...“³⁾. Видѣвшій (кровь и воду истекшія изъ пронзеннаго ребра Іисусова) засвидѣтельствовалъ и истинно его свидѣтельство; онъ знаетъ, что говоритъ истину“⁴⁾.

Кромѣ Апостоловъ было много и другихъ очевидцевъ тѣхъ или другихъ событій изъ земной жизни Іисуса Христа. По всей вѣроятности, они при всякой бесѣдѣ другъ съ другомъ вспоминали о видѣнныхъ ими событіяхъ. Не говоря о множествѣ исцѣленныхъ Іисусомъ Христомъ, которые уже изъ одного чувства благодарности не могли не слѣдить за событіями, по крайней мѣрѣ наиболѣе важными, изъ жизни своего благодѣтеля, достаточно упомянуть о явленіи воскреснаго Господа болѣе нежели пяти стамъ братій въ одно время, о чемъ свидѣтельствуемъ Ап. Павелъ⁵⁾. Не могли же они не припоминать этого явленія въ дружескихъ бесѣдахъ

1) Тамъ же X, 39—41.

2) Луки гл. I, ст. 2—3.

3) Іоанна гл. I, ст. 14.

4) Іоанна гл. XIX, ст. 35.

5) 1 Кор. 15, 6.

между собою, или въ своихъ разговорахъ съ новообращенными. Такимъ-то образомъ исполнѣ естественно безъ предвзятаго намѣренія составилось преданіе разнообразное по формѣ и въ подробностяхъ, но опредѣленное и точное по существу.

Рано также очевидцы—свидѣтели заботились о томъ, чтобы привести въ порядокъ свои воспоминанія для собственнаго ли личнаго удовлетворенія, или для пользы братьевъ менѣ просвѣщенныхъ, или для отдаленныхъ церквей. Если же они не сами дѣлали это, то по крайней мѣрѣ, можетъ быть, подъ ихъ надзоромъ, по ихъ внушенію, по ихъ побужденію новые ученики, принявшіе вѣру христіанскую, намѣчали главныя черты жизни, главныя наставленія Учителя¹⁾. Основной догматъ апостольскаго вѣроученія состоялъ въ томъ, что Иисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, Мессія, возвыщенный закономъ и пророками²⁾. Для подтвержденія этого догмата, очевидно, требовались факты, факты доказанные, явные, неопровержимые, съ помощію которыхъ проповѣдники Евангелія могли бы разсѣять соблазнъ іудеевъ и посрамить мудрованія еллиновъ. Безспорнымъ доказательствомъ божественнаго посланничества Иисуса Христа было Его воскресеніе; посему апостолы съ особеннымъ усиленіемъ стараются убѣдить своихъ слушателей въ дѣйствительности воскресенія Христова. Евреямъ указываютъ они на пророчества Ветхаго Завѣта о позорной кончинѣ Мессіи, и Его славномъ возстаніи изъ гроба. Тѣмъ болѣе это было имъ необходимо, что синедрионъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать успѣху, который могло произвести чудо воскресенія. По всѣмъ мѣстамъ Па-

¹⁾ Godet. Commentaire sur l'Ev. de St. Luc. pag. 533 - 534.

²⁾ Дѣян. св. Апост. IX, 22.—Сравн. II, 36; VIII, 42; V, 4, и проч.; XI, 20; XIII, 32.—Reiss. Geschichte der heiligen Schriften, des neuen Test. II, Ausgabe. Braunschweig. 1853, § 29.

лестины разсланы были особенныя лица, которыя должны были распространять слухъ, что апостолы уврали ночью тѣло своего Учителя ¹⁾), и этой лжи многіе повѣрили. Свои доказательства свидѣтели воскресенія Иисусъ-Христового основываютъ какъ на самомъ совершившемся фактѣ, такъ и на многократныхъ заявленіяхъ Учителя своего, въ которыхъ Онъ предсказывалъ смерть свою и побѣду надъ смертію, и это свидѣтельство они спѣшатъ прежде всего выставить на видъ ²⁾).

Всѣмъ за повѣствованіемъ о смерти и воскресеніи Христовомъ шель обыкновенно разсказъ о чудесахъ Иисуса Христа. Исторія Его дѣяній должна была предшествовать Его ученію,—того требуетъ законъ человѣческаго разума.

Но какъ жизнь І. Христа была извѣстна, и планъ для нея опредѣлился, то слова Его, обращенныя къ частнымъ лицамъ, и бесѣды болѣе пространныя съ народомъ были такъ же внимательно собраны и воспроизведены самымъ точнымъ образомъ. Ученики то по одному, то по два проходили города іудейскіе и галилейскіе и съ восторженнымъ сердцемъ проповѣдали, имѣя въ виду сохраненіе того, что они видѣли и слышали во время бытности съ ними Учителя. І. Христосъ самъ ничего не писалъ; Онъ не имѣлъ намѣренія оставлять какой либо документъ собственной своей руки; Онъ особливо разсчитывалъ на вниманіе и на память своихъ слушателей. Его образный способъ изложенія, Его притчи съ полускрытымъ смысломъ, Его изреченія то ублажающія, то грозныя, Его наставленія, внушавшія довѣріе были, совершенно способны возбудить вниманіе слушателей. Въ качествѣ Учителя, которому вполне были извѣстны тайны царствія небеснаго, Онъ не боялся повторять и возобновлять, подобно еврейскимъ учителямъ своего времени, почти въ однихъ и

¹⁾ Justini Martyris. Dialog. cum Tryphone, 17 Edit. Otto. Ienae, 1847.

²⁾ Перв. посл. къ Коринѣ. гл. XV, 3.

тѣхъ же выраженіяхъ, мысли свои и наставленія ¹⁾). Посему ученики Его безъ затрудненія могли воспроизвести сказанное Имъ: память одного восполняла память другаго. Проповѣдуя другимъ ученіе Иисуса Христа для возбужденія вѣры въ Него, ближайшіе послѣдователи Его сами могли съ теченіемъ времени заняться собраніемъ всего сказаннаго и сдѣланнаго Иисусомъ Христомъ въ одно цѣлое, могли расположить другихъ, ближайшихъ своихъ спутниковъ, къ этому.

Первоначальные біографическіе отрывки, первые сборники Его наставленій могли быть разнообразны, смотря по свидѣтелямъ и мѣсту происхожденія. Въ Галилеѣ были свои воспоминанія, и Іудея и іерусалимская церковь имѣла свои преданія. Одни рассказы были учениковъ родомъ изъ Галилеи, другіе, ихъ восполнявшіе, были рассказы свидѣтелей жившихъ въ Вифаніи, въ Вифлеемѣ и въ Іерусалимѣ. Ни двѣнадцать, ни семьдесятъ учениковъ, ни жены, помогавшія І. Христу въ нуждахъ, ни излеченные больные и прокаженные, слѣдовавшіе по стопамъ Учителя, не могли сопровождать Его вездѣ и во всякое время въ теченіе трехлѣтняго Его служенія ²⁾). Преданіе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ оно воспринимало новые притоки.

Не легко указать количество и опредѣлить качество свидѣтелей, какимъ бы то ни было образомъ возрѣцавшихъ преданіе въ теченіе послѣднихъ шестидесяти-семидесяти лѣтъ перваго вѣка. Въ началѣ это были ближайшіе послѣдователи І. Христа, и въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ двѣнадцать учениковъ Его. Въ числѣ сихъ двѣ-

¹⁾ Независимо отъ положительнаго ученія о сверхъестественномъ вдохновеніи, только повтореніемъ тѣхъ же словъ и тѣхъ же рѣчей въ разныхъ обстоятельствахъ, мы можемъ объяснить напрямѣръ два изданія вагорной проповѣди. Иисусъ Христосъ переходитъ изъ мѣста въ мѣсто; слушатели его были постоянно различны; не естественно ли то, что Онъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, повторялъ великія истины царствія небеснаго?

²⁾ Godet, въ упомянут. соч. стр. 493.

наддати видѣлялись три личности, сиявшіе живѣйшимъ блескомъ, и представлявшіе какъ будто непосредственный отблескъ славы Учителя. Сии три ученика находились при Немъ въ торжественнѣйшіе часы Его служенія, именно такіе, въ которые наиболѣе открывалось Его божество, то есть: во время воскресенія дочери Іаировой, при преобразженіи, предъ страданіемъ и молитвою въ Геосиманіи, при воскресеніи и въ продолженіе послѣдовавшихъ за нимъ сорока дней, а именно: Іаковъ, сынъ Заведеевъ, Апостоль Іоаннъ, братъ предыдущаго и первоверховный Апостоль Петръ¹⁾).

Кромѣ того, Іисусъ Христъ имѣлъ родственниковъ. Уже одна вѣроятность заставляетъ насъ предполагать, что Марія, Богоматерь, не смотря на мечъ пронизавшій ей сердце, не скрывала своихъ воспоминаній — Дѣвы Галилейской, и женщины, благословенной отъ всѣхъ родовъ. То, что происходило въ душѣ Ея въ теченіе тридцати лѣтъ, не могло подъ конецъ не стать извѣстнымъ²⁾. Марія, жена Клеопы, родственница ея, также не могла хранить молчанія. Когда апостоль Павелъ, вслѣдствіе видѣнія, прибылъ въ Іерусалимъ, то онъ нашелъ тамъ Іакова, старшаго брата Господня и писателя соборнаго посланія³⁾. Исторія указываетъ намъ

¹⁾ Съ Евангелиемъ, и съ Дѣяніями св. Апостоловъ въ рукахъ, намъ невозможно не признать за Апостоломъ Петромъ первеннаго почетнаго первенства и служенія. Объ этомъ можно бы и не упоминать, если бы оно не относилось къ догматическимъ вопросамъ. Матт. X, 2.—XVI, 17—19.—Лук V, 10.—VIII, 45—IX, 32.—XXXII, 8. Дѣяній св. Апостоловъ I. 13. 15.—II, 14—32. III, 1. 4. 6. 12.—IV, 8.—V, 2. 3. 29.—VIII, 14. 20.—X, XI, XV, 6. 7.—Историкъ Евсевій не колеблется назвать *το ο χαρτερος και μευας των αποστολων των λοιπων αποτων προηυρος*. II, 11.—Нужно ли прибавлять, что въ глазахъ нашихъ почетное первенство не предполагаетъ первенства епископскаго престола Рима?—Іоаннъ и Павелъ столько же потрудились, какъ и Апостоль Петръ, хотя при жизни своей не пользовались равными почестями въ первоитной Церквѣ.

²⁾ Луки, гл. II, 19.

³⁾ Посл. къ Галат. I, 19.—Ewald. Geschichte des apostolischen Zeitalters. Göttingen, 1868. стр. 221, примѣч. I.

на другаго брата Господня Іуду, дожившаго до царствованія императора Траяна (99 г. по Р. Хр.) и на одного изъ Его двоюродныхъ братьевъ, сына Клеопова, Симеона, до глубокой старости занимавшаго престола Іерусалимскій и мученически пострадавшаго при императорѣ Траянѣ ¹⁾). Тотъ же Егезипецъ, христіанскій писатель II-го вѣка, у котораго мы заимствовали сіи подробности, утверждаетъ, что другіе родственники Господни были призваны къ императору Доміціану, а Юлій Африканскій, писатель конца II вѣка, ссылается на свидѣтельство родственниковъ І. Христа (συγγενεῖς) относительно времени смерти Прода ²⁾).

Мы не должны забыть еще многихъ учениковъ и послѣдователей І. Христа. Чѣго не должны были еще рассказать Лазари, Марѣ, Маріи, Никодимы, Іосифы Аримаѳейскіе, Маріи Магдалины, Іоанны, Сусанны ³⁾? Сколько единодушныхъ драгоценныхъ свидѣтельствъ должны были представить разсказы семидесяти учениковъ Христовыхъ, изъ которыхъ многіе намъ извѣстны! Древнія преданія упоминаютъ между прочимъ имена Варавы ⁴⁾, Матѳіа, возведеннаго на степень Апостола, и жившаго еще около 80 или 90-го года ⁵⁾, Іосифа называемаго Варсавой и прозваннаго Праведнымъ, Марка Евангелиста, сопутника Апостола Павла Сосоена ⁶⁾, Закхея ⁷⁾, Филиппа Евангелиста и Аристіона

¹⁾ Eus. Hist. eccles. III, 32.

²⁾ Тамъ же I, 7.

³⁾ Одно древнее преданіе, отчасти легендарное ссылается также на свидѣтельство жены Хананейской, по имени Юсты, и ея дочери Вероники, исцѣленной І. Христомъ. *Homel. Clement. II. XIX, III, LXXIII;—IV, 1.st—XIII, VII.*—Евсевій приводитъ также преданіе, касающееся жены, исцѣленной Спасителемъ отъ потери крови.

⁴⁾ *Clem. Alex. Opp. Fragmenta. pag. 73.—Stromata, lib. II, cap. XX, § 116.* Сравни *Clementis Romani Homiliae, edit. Dressel, pag. 32.*

⁵⁾ *Hefstede de Groot, въ упомянут. соч. pag. 5.*

⁶⁾ *Euseb. list. eclès. I, 12.*

⁷⁾ Закхей занимаетъ вѣчное мѣсто въ *Hom. I. Clement.*, по которому

ученика Господня, написавшаго толкованіе на проповѣдь Спасителя¹⁾.

Въ царствованіе императора Адриана (117 — 138 г.) епископъ Аѳинскій Клодрать, въ началѣ II-го вѣка, указываетъ, что въ рядахъ христіанъ находились лица, исцѣленные І. Христомъ, и даже воскресенныя Имъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не мѣшаетъ полагать, что дочь Гапрова, которой въ пору ея воскресенія было 12 лѣтъ²⁾, что молодой бѣсноватый, что сынъ капернаумскаго царедворца, что многіе изъ дѣтей благословленныхъ І. Христомъ, или изъ тѣхъ, которые зывали: Осанна, сыну Давидову! жили еще въ это время³⁾. Можно ли представить себѣ то довѣріе, которое, вѣроятно, было придано этимъ живымъ очевидцамъ І. Христа, носившимъ на себѣ еще видимыя слѣды Его могущества и милосердія?

А пять сотъ братій, видѣвшихъ воскресшаго Господа, изъ которыхъ нѣкоторые уже умерли, а большая часть находилась еще въ живыхъ около 55-го года⁴⁾. А три тысячи обращенныхъ въ теченіе первой пятидесятницы — неужели могли всѣ умереть къ концу этого столѣтія? — Предположимъ, что большая часть изъ нихъ погибла въ грозу, разразившуюся надъ Іерусалимомъ въ 70-мъ году; но не должны ли были нѣкоторые изъ нихъ избѣгнуть ея, укрывшись въ горахъ? — И не могли ли они свидѣтельствовать о дивныхъ дѣлахъ и чудесахъ, сотворенныхъ среди ихъ Бо-

Апостолъ Петръ называетъ его своимъ преемникомъ на престолѣ и въ проповѣди Христовой. Допустимъ въ этомъ сказаніи прикрасу однакожь въ значеніи приписываемомъ Закхею, должно быть основаніе для преданія. Ном. Слем., III, LXXIII—LXX.

¹⁾ Тамъ же, III, 39.

²⁾ Древнѣйшій греческій текстъ Синайскій рукописи говоритъ (Мате IX, 26), что молва о молодой дѣвицѣ (ἡ φίλη αὐτοῦ) распространилась по всѣмъ странямъ.

³⁾ Марк. IX, 26.—Іоанна IV, 49.—Мате. XXI, 15,

⁴⁾ I посл. къ Коринте. XV, 6.

гомъ чрезъ І. Христа Назарянина — лице ниспосланное отъ Бога?—Апостолъ Петръ, намекая на эти дѣянія, сказалъ имъ въ день пятидесятницы: „какъ и вы сами также знаете“¹⁾).

Къ разряду всѣхъ этихъ очевидныхъ свидѣтелей должно присоединить свидѣтелей другаго разряда не меньше достойныхъ вѣры, начиная съ Апостола Павла. „Возвѣщаю вамъ братія, пишетъ онъ къ Галатамъ, что Евангеліе, которое я благовѣствовалъ, не есть человеческое, ибо и я принялъ его и научился не отъ человѣка, но *чрезъ откровеніе Іисуса Христа*“²⁾). Не видѣлъ ли я Іисуса Христа Господа нашего?“³⁾). Когда онъ говоритъ, что онъ получилъ, и получилъ прямо отъ І. Христа, то онъ говоритъ о томъ, въ чемъ былъ увѣренъ, и свидѣтельствуется о томъ что онъ видѣлъ. „Каждый долженъ разумѣть насъ, какъ служителей Христовыхъ и домостроителей тайнъ Божіихъ“⁴⁾). Преданіе, или преданія, которыя онъ передаетъ своимъ ученикамъ, начертаны для него на твердѣйшихъ мрамора таблицахъ. Познаніемъ всѣхъ тайнъ Божіихъ, даромъ языковъ, даромъ языковъ человеческихъ и даже ангельскихъ, откровеніями, видѣніями, восхищеніями до третьяго неба—не этимъ онъ хвалится; онъ хочетъ знать только одно—Іисуса Христа, и Іисуса Христа распятаго; одно основаніе полагаетъ онъ всему—Іисуса Христа. Апостолъ не дѣлаетъ ничего безъ особой

¹⁾ Въ *Homelies Clementines* твореніи конца II-го вѣка Климентъ, римскій гражданинъ, по рожденію язычникъ, повѣствуетъ о своемъ обращеніи въ христіанство. Первая вѣсть о появленіи Сына Божіа въ Іудеѣ дошла до него вмѣстѣ съ молвою о чудесахъ, творимыхъ имъ. Стран. 26, Edit. Dressel. Рамка эта, можетъ быть придуманная, но въ некоторыхъ подробностяхъ несетъ на себѣ печать истины, какова напяримъ молва о чудесахъ Христовыхъ. Невольно можно сказать про себя: конечно, дѣло могло проявиться такимъ образомъ.

²⁾ Посл. къ Галатамъ. гл. I, 12.

³⁾ I посл. къ Коринѣ. гл. IX, 1.

⁴⁾ I посл. къ Коринѣ. IV, 1.

цѣли; его великія познанія не ставятъ его внѣ границъ разума¹⁾. Жизнь, подобная его жизни, есть достаточная печать для вѣрности его свидѣтельства. Онъ не допускаетъ изнурять себя ревностію о домѣ Божіемъ и разрываться заботами о церквахъ, когда отъ этого происходятъ одни невнятные звуки²⁾. Потому-то апостолъ Павелъ закликаетъ вѣрующіихъ оставаться вѣрными его наставленіямъ, и не хочетъ, чтобы они уклонялись отъ нихъ. „Хвалю васъ, братія, пишетъ онъ къ Коринтеянамъ, что вы все мое помните, и держите преданія такъ какъ я передалъ вамъ“³⁾.

Апостолы имѣли сподвижниковъ своихъ, друзей, премниковъ въ служеніи, на которыхъ они смотрѣли какъ на самихъ себя. Не имѣя возможности быть самимъ лично вездѣ, они отправляли отъ себя сихъ добрыхъ братій—честь церкви и достояніе Христова. Не въ состояніи будучи отвѣчать на всѣ приглашенія, они имъ передавали или свои воспоминанія о прошедшемъ, или наставленія касавшіяся настоящаго. Проповѣдь апостольская распространялась, и такимъ образомъ ученіе евангельское могло проникнуть до послѣднихъ предѣловъ земли. Апостолъ Маркъ былъ сподвижникомъ апостола Петра въ Римѣ⁴⁾. Лука, Сила, Аполлосъ, Тимофей, Титъ, Эпафродитъ распространяли рассказы свои о жизни, о смерти и о воскресеніи І. Христа, принятыя ими изъ устъ св. апостола Павла. Вотъ, на примѣръ, что онъ пишетъ къ Коринтеянамъ: „Я послалъ къ вамъ Тимофея, моего возлюбленнаго и вѣрнаго въ Господѣ сына, который напомнитъ вамъ о путяхъ моихъ во Христѣ, какъ я учу вездѣ, во всякой церкви“⁵⁾. Въ началѣ II вѣка угасъ въ Римѣ другой ученикъ апостола Павла Климентъ, третій епископъ римскій, который, по сказанію Иринея, видѣлъ

1) Тамъ же, XIII, 1. 3.—II посл. къ Коринте. XII, 1, 2. 9. 1 посл. къ Коринте. III, 10. 11.—IX, 26.

2) I посл. къ Коринте. XIV, 8.—II посл. къ Кор. XI, 28.

3) I посл. къ Кор. XI, 2.

4) I посл. ап. Петра V, 13.—Euseb. Hist. eccles. III, 39.

5) I посл. къ Коринте. IV, 17.

блаженныхъ апостоловъ, велъ съ ними бесѣду, и въ ухахъ его отдавались еще звуки ихъ проповѣди, а на глазахъ оставались воспоминанія объ ихъ преданіяхъ ¹⁾. Въ Азій, въ Ефесѣ, Іоаннъ пресвитеръ, наслѣдовавшій воспоминанія и мысли апостола Іоанна, можетъ быть сынъ его по вѣрѣ, поддерживалъ апостольское преданіе, и, при жизни своей близко сошедшись съ ученикомъ, котораго любилъ І. Христосъ, не разлучался съ нимъ и по смерти. Долго еще благочестивые богомольцы приходили ²⁾ поклоняться ихъ двумъ могиламъ. Сближая эти факты, мы поражаемся не скудостію источниковъ, изъ которыхъ почерпалось познаніе Евангелія Господа нашего І. Христа, но скорѣе необычайнымъ обиліемъ живыхъ источниковъ, въ которыхъ христіане 100-хъ годовъ по Р. Христовѣ освѣжали свои надежды и свою вѣру. Письменные документы не должны были, да и не могли замѣнить еще живые голоса апостоловъ и очевидцевъ свидѣтелей, которые передавали вѣщанія вѣка Іисуса Христа вѣкамъ грядущимъ.

II.

Преданіе въ христіанской церкви должно было пріобрѣсть тѣмъ большее значеніе, что оно не зависѣло ни отъ людей, ни отъ вещей. Съ перваго же вѣка весьма явственно выступаютъ главные источники преданія. Извѣстныя слова апостола Павла такъ часто приводимыя и толкуемыя: „у васъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ (или Петровъ), а я Христовъ“ ³⁾, обнаруживаютъ уже нѣкоторую наклонность въ умахъ ссылаться на имена извѣстныхъ апостоловъ; да оно и не могло быть иначе. Великія личности апостоловъ возвынялись какъ столпы и опо-

¹⁾ Irinaei, Adv. Her. III, 3.

²⁾ Eus. Hist. eccles. III, 31, 39.—V, 24.

³⁾ I посл. къ Кор. I, 12.

ры истины, какъ великіе носители евангельскаго преданія. Спустя сто лѣтъ Климентъ Александрійскій ссылается въ особенности на апостола Петра, который не является уже послѣ 67 года, Иакова брата Иоаннова, умершаго въ 43 году въ Иерусалимѣ подѣ мечемъ Ирода, Иоанна и Павла ¹⁾). Три первые, по словамъ того же писателя, по воскресеніи І. Христа, были удостоены Имъ особенныхъ бесѣдъ, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и что способствуетъ къ объясненію той степени значенія, которымъ они пользовались ²⁾). Иаковъ, сынъ Зеведеевъ нѣсколько позже былъ замѣненъ Иаковомъ, братомъ Господнимъ, по прозванію Праведнымъ, о которомъ апостолъ Павелъ говоритъ, что онъ считается столпомъ церкви вмѣстѣ съ Петромъ и съ Иоанномъ ³⁾). Но главными личностями остаются: Петръ, Павелъ и Иоанъ... Между ними тремя апостолами согласіе относительно основъ преданія полное. „Развѣ раздѣлился Христосъ?“ восклицаетъ апостолъ Павелъ ⁴⁾), а въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же“ ⁵⁾). Признаюсь, я не могу понять того, что критики, на основаніи сказаній апостола Павла въ посланіи его къ Галатамъ утверждаютъ, что въ средѣ первобытной церкви существовали разныя отдѣльныя и непримиримыя партіи. Павелъ утверждаетъ въ немъ только, что онъ вмѣстѣ съ Варнавою и Титомъ ходилъ въ Иерусалимъ (это было ок. 47 года) ⁶⁾), что онъ имѣлъ тамъ совѣщанія съ почетнѣйшими изъ апостоловъ то есть съ Петромъ, Иаковомъ и Иоанномъ, не напрасно ли онъ подвизается или подвизался. Онъ говоритъ, что эти Апостолы не сообщили ему ничего новаго, и что, „узнавъ о благодати данной ему, Иаковъ и Кифа (Петръ) и

1) Euseb. Hist. eccles. V, 11.

2) Clement. Alex. Fragmenta, pag. 73.

3) Посл. къ Галат. II, 9.

4) I Посл. къ Кор. I, 13.

5) I Посл. къ Кор. XII, 5.

6) Саврагі, стр. 42. 43.

Юаннъ, почитаемые столпами церкви, подали ему и Варнавѣ руку общенія¹⁾). Не есть ли это явное доказательство единства господствовавшего преданія? Того же І. Христа проповѣдывали, тѣ же чудеса Его рассказывали, то же ученіе было въ ихъ устахъ, то же Евангеліе о Его страданіяхъ и воскресеніи возвѣщаемо было апостолами Петромъ, Іаковомъ, Юанномъ, Павломъ и Варнавою. Въ чемъ они различествовали, о томъ мы скажемъ послѣ, хотя, въ нашихъ глазахъ, это мелочь. Достаточно засвидѣтельствовать, что съ 47 года по Р. Христовѣ евангельское преданіе было одно и то же съ апостольскимъ ученіемъ и чаще было называемо этимъ новымъ именемъ.

Коль скоро же были апостолы—столпы, стоявшіе на охранѣ чистоты преданія отъ порчи, отъ невниманія и отъ зубовъ хищныхъ волковъ, то были и главныя церкви-представительницы исторіи и мысли христіанской. Здѣсь пока упомянемъ о трехъ такихъ церквахъ, выполнявшихъ званіе блюстительницъ, оберегавшихъ, собиравшихъ, распространявшихъ и охранявшихъ святое ученіе: Іерусалимской Римской и Ефесской.

Прежде всего Іерусалимъ, городъ святой, образъ града небснаго. Раннее преданіе сообщаетъ, что по вознесеніи Спасителя на небо, любимые ученики Господа Петръ, Іаковъ и Юаннъ, забывая свои личныя преимущества, согласно поставили Іакова, прозваннаго Праведнымъ, епископомъ Іерусалимскимъ²⁾).

Потомъ Римъ, царь городовъ, въ которомъ, спустя 17 лѣтъ по воскресеніи Іисуса Христа, считалось столь великое число христіанъ, что между ними и невѣрующими евреями возникали сильныя споры, вслѣдствіе которыхъ императоръ Клавдій принужденъ былъ вмѣшаться и изгнать

¹⁾ Посл. къ Галат. II, 9.—Cf. Kurtz, Kirchengeschichte, I, § 132.

²⁾ Clem. Alex. Fragmenta p. 87.—Eus. Hist. eccles. IX, 5.

всѣхъ евреевъ изъ Рима ¹⁾. Многочисленные привѣтствія апостола Павла, находящіяся въ концѣ посланія его къ Римлянамъ свидѣтельствуютъ, что число христіанъ въ этой столицѣ не замедлило сдѣлаться опять значительнымъ ²⁾. По свидѣтельству историка Тацита, въ царствованіе Нерона, открыто было громадное число христіанъ въ Римѣ ³⁾. Но главная слава римской церкви состояла въ томъ, что она была основана и устроена двумя апостолами Петромъ и Павломъ ⁴⁾. Сии достославные свидѣтели Христовы даже жизнью своею заплатились во время великаго гоненія на христіанъ, воздвигнутаго Нерономъ: Павлу усѣчена была голова, а апостоль Петръ распятъ былъ на крестѣ, по свидѣтельству однихъ въ 64 году, а по свидѣтельству другихъ въ 67 году ⁵⁾.—Въ подтвержденіе этого преданія замѣтимъ, что апостоль Павелъ какъ римскій гражданинъ не могъ быть подвергнутъ позорной смертной казни—распятію на крестѣ,

¹⁾ Дѣянія св. Апост. XVIII, 2.

²⁾ Holstede de Groot, въ упомянут. соч. pag. 49—50.

³⁾ Annal. XV, 44.

⁴⁾ Regesta pontificorum Romanorum.—Irenaei. Adv. Haer. III, 3. Нѣтъ надобности принимать въ буквальный смыслъ выраженія св. Иринея относительно участія, принятаго апост. Петромъ въ основаніи римской церкви. Лионскій епископъ разумѣлъ подъ нѣмъ образованіе и утвержденіе церкви. Дѣйствительно извѣстно то, что апост. Павелъ прибывши въ Римъ, нашелъ уже тамъ учениковъ Христовыхъ.

⁵⁾ Kurtz (Handbuch der allgem. Kirchengeschichte, § 35) полагаетъ, что смерть апостола Петра въ Римѣ, въ царствованіе Нерона, не можетъ быть подвержена никакому сомнѣнію.—Эбрардъ (Handbuch der christl. Kirchen- und Dogmen-geschichte Erlangen, 1865, I. § 73) принимаетъ также, что ап. Петръ пострадалъ мученически въ Римѣ. Визелеръ (Wieseler) Chronologie des apostol. Zeitalters, Goettingen, 1848, pag. 568) заявляетъ себѣ положительно въ пользу пребыванія ап. Петра въ Римѣ, принявшаго тамъ мученичскій вѣнецъ. Ewald, тоже въ Gesch. der apostol. Zeitalters, pag. 619. Неандеръ также въ Allgemeine Gesch. der christl. Religion und Kirche, Hamburg, 1826. I Band, erste Abtheil. pag. 223. Гизелеръ (Giezeler) со своимъ обычнымъ спокойствіемъ ограничивается показаніемъ, что, по свидѣтельству древнихъ писателей, ап. Петръ принялъ мученическую смерть въ Римѣ.—Lehrbuch der Kir-

или преданъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ¹⁾). Если онъ упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, что онъ боролся со звѣрями въ Ефесѣ (1 Кор. 15, 32), то это надобно разумѣть въ переносномъ смыслѣ²⁾). Но апостолъ Петръ, въ качествѣ иностранца и презираемаго еврея, легко могъ быть смѣшанъ съ размножавшимися въ Римѣ восточными жрецами. Не задолго предъ тѣмъ въ царствованіе Тиверія крестной казни были преданы Изидины жрецы, которые, подъ религиознымъ предлогомъ приняли участіе въ любовной связи, оскорбительной для чести римской женщины³⁾).

chengeschichte, Bonn. 1844, I Band, erste Abth. pag. 101, примѣч. 5.—Я привожу здѣсь свидѣтельства только протестантовъ. То справедливо, что пребываніе ап. Петра въ Римѣ не можетъ быть доказано свидѣтельствами Новаго Завѣта но христіанская церковь второй половины II вѣка допускаетъ это безъ малѣйшаго колебанія. Развѣ должно предположить, что сто лѣтъ спустя послѣ совершившихся событій преданіе совратилось съ пути, и еще въ такомъ вопросѣ, который былъ близокъ церквамъ, касательно событія совершившагося въ средѣ самаго христіанства, въ этомъ Римѣ, куда притекали всѣ вѣрованія, и откуда отправлялось на проповѣдь столько евангелистовъ. По весьма справедливому замѣчанію англійскаго писателя Мильмана рѣшеніе спора зависитъ отъ важности, придаваемой преданію.—The history of Christianity, London, 1867. I, pag. 463. Относительно этого мы отсылаемъ нашихъ читателей къ соображеніямъ изложеннымъ въ нашемъ Введеніи. Въ настоящее время отрицательное мнѣніе защищается писателями, особливо раціоналистической школы Ф. С. Баурами, Газами (Насе), Веберами и Гольцманами. Кавалеръ Росси ученый и неутомимый изслѣдователь римскихъ катакомбъ не разсуждаетъ даже объ этомъ предметѣ,—такъ онъ кажется ему установленнымъ. Недавно въ этомъ подземномъ Римѣ отыскали прекрасный бронзовый медальонъ, представляющій святыхъ апостоловъ Петра и Павла, относящійся ко II-му а можетъ быть и къ I-му вѣку. Двѣ головы имѣютъ характеръ портретовъ. Поелику древнѣйшія преданія совмѣщаютъ обоимъ апостоловъ въ свремъ почитаніи и приписываютъ имъ одинаковую судьбу. По поводу этого какъ не удивляться скептицизму критики, когда дѣло идетъ объ ап. Петрѣ, между тѣмъ какъ она, закрывши глаза, принимаетъ преданіе, касательно смерти ап. Павла?

1) Friedländer, въ упомян. соч. II, pag. 103.

2) Hausrath. Neutestamentlich. Zeitgeschichte Hausrath. III pag. 649

3) Hausrath, тамъ же, pag. 85.

Наконецъ Ефесъ, столица всей Азій, столица такъ же и идолопоклонства, городъ, во всемъ свѣтѣ извѣстный своимъ храмомъ Діаны, имѣлъ церковь, основанную апостоломъ язычниковъ, орошенную его слезами ¹⁾, возделанную нѣжными попеченіями св. Іоанна, который тутъ же кончилъ жизнь свою ²⁾.

Можно смѣло сказать, что единогласіе этихъ трехъ церквей составляло единогласіе всей церкви³⁾. Когда Іерусалимъ, Римъ и Ефесъ подавали только голосъ, то можно было считать его истиннымъ.

Были извѣстны еще четыре другія церкви, которыя такъ же ярко сіяли въ свѣтѣ апостольскомъ, хотя слава ихъ и уступала славу трехъ предшествующихъ. Мы разумѣемъ Антиохію, Коринѣ, Кесарію и Александрію. Антиохія славилась именами Петра и Павла ⁴⁾, Коринѣ тоже ⁵⁾, Кесарія созерцала въ стѣнахъ своихъ тѣхъ же обоихъ апостоловъ ⁶⁾; наконецъ хотя апостолы Петръ и Павелъ лично не посѣщали Александрію, но она состояла подъ ихъ вліяніемъ чрезъ посредство апостоловъ Марка ⁷⁾ и Варнавы ⁸⁾.

Кромѣ Ефеса, въ который ап. Петръ не заходилъ и гдѣ онъ не имѣлъ своихъ учениковъ, но могъ быть извѣстенъ чрезъ первое свое посланіе „къ пришельцамъ разсѣяннымъ въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и въ Вифоніи“ ⁹⁾,—кромѣ Ефеса; говоримъ, вездѣ, въ великихъ церквахъ

¹⁾ Дѣяній св. Апост. XX, 19.

²⁾ Eus. Hist. Eccles. III, 21, 23.

³⁾ Тамъ же, III, 37.

⁴⁾ Eus. Hist. Eccles. III, 36.—Дѣян. св. Ап. XV, 28.—Галат. II, 11.

⁵⁾ Тамъ же, II, 26.

⁶⁾ Дѣяній св. Ап. X, 24, 48.—XXI, 8, 16, XXIII, 33 и друг.

⁷⁾ Eus. Hist. Eccles. II, 16, 24.

⁸⁾ Clem. Rom. Hom. I, 9, 13, 15, 16.—II, 4.

⁹⁾ Перв. соб. посл. св. Ап. Петра I, 1.

перваго вѣка находимъ слѣды Петра и Павла — двухъ апостоловъ благовѣстниковъ и, что бы ни утверждали, повсюду ихъ согласіе поражаетъ насъ болѣе, нежели ихъ разногласіе. Исторія, которая постоянно упоминаетъ объ обоихъ ихъ вмѣстѣ, едва только слегка говоритъ объ ихъ разномысліи; это умалчиваніе не равняется ли доказательству?... Іоаннъ одинъ стоитъ уединенно; если орелъ патмоскій освѣняетъ крыльями своими не столь обширныя пространства, то онъ поднимается выше, въ небеса, и ближе созерцаетъ въ вѣковѣчной своей истинѣ преданіе, которое и сообщаетъ согласно съ сподвижниками своими по апостольству.

Намъ кажется, что недовольно важности придали списку епископовъ этихъ семи церквей и нѣкоторыхъ другихъ не столь важныхъ, такъ добросовѣстно приводимому историкомъ IV-го вѣка по Р. Христовѣ—Евсевіемъ ¹⁾. Евсевій не только исчисляетъ имена и указываетъ порядокъ преемства епископовъ, но въ главнѣйшихъ епархіяхъ точно обозначаетъ время продолженія служенія болѣе извѣстныхъ епископовъ. Онъ заявляетъ, что составилъ списокъ преемства епископовъ со времени поставленія ихъ апостолами до разрушенія молитвенныхъ домовъ въ царствованіе Діоклітіана въ промежутокъ 305 лѣтъ ²⁾. Одинъ повѣйшій писатель изъ лагеря критиковъ М. А. Мори (Maury), упрекая Евсевія въ томъ, что онъ больше богословъ нежели историкъ, и что онъ не имѣлъ существенныхъ качествъ для написанія исторіи христіанства ³⁾, отдастъ справедливость просвѣщенію и искренности кесарійскаго епископа. Онъ

¹⁾ Церковный историкъ Евсевій, епископъ кесарійскій, былъ епископомъ съ 315 года и умеръ въ 340 г.; онъ писалъ свою исторію въ первыхъ десятилѣтіяхъ IV вѣка. *Прим. перев.*

²⁾ Euseb. Hist. eccles. VII, 32.—VIII. проοίμιον.

³⁾ A Maury, Croyances et legendes de l'antiquité, seconde édit. Paris, 1863, pag. 283.

благодарить его за то, что онъ сообщаетъ такъ мало легендъ¹⁾. „Великая умѣренность Евсевія въ приведеніи устныхъ преданій свидѣтельствуетъ о желаніи его сказать только то, что ему заподлинно извѣстно о первомъ апостольскомъ времени, къ которому они относятся“²⁾. Этотъ историкъ выступаетъ вооружившись только достовѣрнымъ матеріаломъ; онъ ссылается на множество официальныхъ актовъ. „Вообще, въ сущности своей, приводимые имъ II-го вѣка документы должны внушать полную довѣренность потому, что съ этого времени христіанская община имѣла свои послѣдовательныя непрерывавшіяся преданія и общіе архивы“³⁾. Составляя свою исторію, онъ черпалъ изъ 29-ти сочиненій языческихъ и еврейскихъ писателей и изъ отцевъ церкви, и, за исключеніемъ двухъ фактовъ, его ссылки вѣрны“⁴⁾. По большей части онъ даетъ самыя подробныя указанія на источники, которыми онъ пользовался⁵⁾. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, что почерпнулъ свѣдѣнія свои изъ списковъ епископовъ, хранившихся въ его время въ церковныхъ архивахъ, или въ современныхъ открытыхъ бібліотекахъ. Такимъ образомъ онъ пользовался бібліотекою въ Эліи т. е. въ Іерусалимѣ, которому императоръ Адрианъ далъ это языческое названіе⁶⁾. Конечно, въ этомъ коренномъ источникѣ не допускали скопяться апокрифическимъ документамъ. Въ его же распоряженіи въ самой Кесаріи была бібліотека учителя его Памфила⁷⁾, которую спустя пятьдесятъ лѣтъ, обильно пользовался бл. Іеронимъ, и которая погибла только въ VII вѣкѣ. Онъ не затруднился

¹⁾ A. Maury *Croyances et leg. etc.* pag. 266, 267.

²⁾ Тамъ же, стр. 282.

³⁾ Тамъ же, стр. 271.

⁴⁾ Тамъ же, pag. 272, 273.

⁵⁾ Heinichen, *commentarii in Euseb. Hist. Eccles.* pag. 40.

⁶⁾ *Eus. Hist. Eccles.* VI, 1—2.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 32.

предпринимать путешествія и посѣщать на мѣстѣ свидѣтелей, или справляться съ письменными свидѣтельствами.

Если бы еще характеръ и поступки этого лица не внушали намъ къ себѣ довѣрія, то не выше ли всякаго сомнѣнія то, что въ составленіи списковъ епископскихъ Евсевій имѣеть право на наше безусловное довѣріе? Припомнимъ себѣ сказанное нами выше о томъ религіозномъ уваженіи, которое древніе имѣли къ своимъ лѣтописямъ. Архивы считались священнымъ мѣстомъ, и находились во всѣхъ городахъ римской имперіи ¹⁾. Мы видимъ, что въ Индіи въ буддистскихъ монастыряхъ монахи сохраняютъ память о своихъ настоятеляхъ, или извѣстнѣйшихъ ученыхъ, на каменныхъ доскахъ, поставленныхъ въ память ихъ въ ихъ монастыряхъ ²⁾. Съ другой стороны извѣстно, что главнѣйшія церкви первобытнаго христіанства, носившія названіе „Апостольскихъ“, съ величайшимъ тщаніемъ сохраняли въ архивахъ своихъ списки своихъ епископовъ, записывая имена ихъ и день смерти въ диптихахъ или на дощечкахъ изъ слоновой кости ³⁾. И послѣ этого есть ли какое-нибудь основаніе не принимать какъ подлинныя, за-

¹⁾ Heineken, въ упомянутомъ соч. page 24, 25. Nouveau traite de diplomatique par deux religieux benedictins, I, pag. 91, 423.

²⁾ Коерен, въ упомянут. соч. стр. 206, примѣч.

³⁾ Heineken въ упомянут. соч., стр. 264. Memorial diplomatique I, pag. 453. Собственными нами изслѣдованіи правели насъ къ тому же заключенію. Подтвержденіе ихъ встрѣтили мы въ сочиненіи графа Дебассенъ де Ришмонъ. (Debassays de Richemont, подъ названіемъ Les nouvelles études sur les catacombes romaines, Paris, 1870, pag. 134. etc.). „Нельзя объяснить себѣ достаточно степень важности, которую въ первое вѣка усвоили гробницамъ епископовъ каждой церкви. Эти священныя, неоспоримыя могилы были не только историческими памятниками, но вмѣстѣ чтимыми, уважаемыми документами происхожденія отъ апостоловъ, или православія этихъ церквей. и въ этомъ отношеніи онѣ становились на степень догматическаго подтвержденія. Вѣрили, что изъ нѣдръ этихъ гробницъ восстаетъ ученіе и преданіе апостоловъ, и одно присутствіе ихъ здѣсь имѣло, такъ сказать, силу доказательства. Потому то съ особенною заботливостію старались сохранять ихъ неприкосновенными; вмѣстѣ съ каедрою

служивающіе полное довѣріе переданные намъ Евсевіемъ списки!

Очевидно, по Евсевію, первобытныя церкви свято сохраняли память о своихъ духовныхъ руководителяхъ. Въ видахъ вѣры своей и чистоты ученія онѣ придавали величайшую важность доказательствамъ, что онѣ происходили въ прямой линіи отъ апостоловъ, или отъ ихъ представителей. Евсевій не скрываетъ этого: епископское преемство, по его мнѣнію, служить обезпеченіемъ вѣрности преданія, и онъ правъ. Относительно іерусалимскаго престола онъ извиняется, что не могъ добыть точнаго указанія о продолжительности епископскаго служенія,—ему извѣстны только имена, а больше ничего. Изъ этого онъ заключаетъ, что епископы этого города должны были послѣдовать одинъ за другимъ послѣ краткихъ промежутковъ съ начала II-го вѣка въ самое неспокойное время до вторичнаго разрушенія Іерусалима въ 132 году, въ царствованіе императора Адріана ¹⁾. Посему ему тѣмъ болѣе можно дать вѣру, когда онъ заявляетъ, что во весь періодъ перваго вѣка этотъ престолъ занятъ былъ только двумя лицами Іаковомъ праведнымъ и Симеономъ. Замѣчательно, что между 90 и 100 годами въ Іерусалимѣ, въ Ефесѣ и въ Римѣ были совмѣстно каждый въ своемъ городѣ—Симеонъ, двоюродный братъ Господа, Іоаннъ любимый Его ученикъ, и Климентъ ученикъ апостола Павла ²⁾. Можно ли допустить, чтобы при

епископскою, онѣ служили остаткомъ прошедшаго и залогомъ будущаго. Часто, дабы дать извѣстному памятнику всю силу его значенія, дабы представить его плотскимъ глазамъ и духу въ полную его значенія, соединяли нѣсколько гробницъ въ одномъ мѣстѣ вблизи остатковъ перваго епископа.—Сравн. Euseb. Hist. eccles. II, 35.—III, 2, 31. 39.—V, 24, гдѣ говорится съ восторгомъ о гробницахъ апостоловъ Петра, Павла, Іоанна, Филиппа и дочерей его пророчицъ,—и III, 25, гдѣ упоминается о каедрѣ Іакова перваго епископа Іерусалимскаго.

¹⁾ Eus. Hist: eccles. IV. 5.

²⁾ Скажутъ, что есть не одинъ списокъ римскихъ епископовъ, да и самъ Евсевій даетъ ихъ два. Конечно, но изъ двухъ одинъ только имѣетъ офіціальный

такихъ условіяхъ преданіе извращалось? Не наоборотъ ли, если бы оно въ нѣкоторыхъ пунктахъ уклонилось съ пути,

характеръ и происходитъ изъ перваго источника. Это тотъ, который находится уже у Иринея lib. III. cap. 3.—Одинъ авторъ изъ школы критики Р. А. Lipsius удостоверяетъ, что в. IV столѣтіи по Р. Хр., существовало пять списковъ римскихъ папъ, и что списокъ, заключающійся въ Historia ecclesiae Евсевія, заслуживаетъ предпочтеніе. Въ сочиненіи Die Papstverzeichnisse des Eusebius, Kiel, 1868, и въ другомъ сочиненіи, напечатанномъ въ 1869 г. подъ названіемъ Chronologie der römischen Bischöfe, тотъ же авторъ съ глубокою ученостію составляетъ списокъ римскихъ епископовъ, согласующійся точь въ точь со списками Иринея и Евсевія. Вотъ начало его: *Linus, Anencletus, Clement, Eua-reste, Alexandre, Xyste* (124—126) и другіе. Обратимъ вниманіе на большее число греческихъ, подстреченныхъ именъ, которое показываетъ господствовавшее вліяніе греческаго элемента, нѣкоторую зависимость римской церкви относительно Восточной или Азійской, и это до конца II-го вѣка. Въ первые три вѣка послѣ Р. Христ. греческій языкъ сталъ въ Римѣ официальнымъ, какъ это показываютъ греческія эпитафіи на гробницахъ первосвященниковъ. Дебасенъ де Ришмонъ въ упомянут. сочиненіи стр. 146. Раскопки въ катакомбахъ, производившіяся кавалеромъ Росси подтверждаютъ то, что мы сказали въ текстѣ нашемъ о сохраненіи хронологической точности первыми христіанами. Тѣла святыхъ мужей, и особливо тѣла епископовъ полагаемы были въ мѣстахъ надежныхъ; ихъ показывали, посѣщали ихъ гробницы, и даже еще больше знали день ихъ смерти и продолжительность ихъ епископства. Опираясь на авторитетъ Росси, приведемъ примѣръ исторической строгости, господствовавшей въ Римѣ въ бружбахъ христіанъ. Сравнивая два списка именъ, идущихъ съ конца II-го вѣка даже до половины IV-го и взятыхъ—одного изъ гражданскихъ источниковъ, а другаго изъ христіанскихъ, относящихся однакожъ къ одному и тому же семейству, онъ увидѣлъ совершенное согласіе этихъ двухъ списковъ (listes); дѣло идетъ въ томъ и въ другомъ о сенаторскомъ семействѣ Цецилія Максима Фауста (Caecilii Maximi Fausti), къ которому принадлежала и святая Цецилія (Cécile). Тамъ же, стр. 88, 89. Невольно приходило въ изумленіе, сколько тутъ потеряно терпѣнія, учености и ума при этихъ изысканіяхъ этимъ удивительнымъ изслѣдователемъ, при помощи его брата. Въ подтвержденіе своихъ выводовъ или заключеній онъ всматривался въ кладку кирпича, или камня, въ знаки и имена тѣхъ, коихъ клеймо было на нихъ, въ свойство и въ цвѣтъ рисунка, въ способъ выполненія и въ художественный стиль живописи, въ выборъ и въ передачу сюжетовъ, въ употребленіе шпательки или мозаики, въ устройство гробницъ изъ мрамора, обожженной глины и нишъ (loculi) вырубленныхъ въ издреватомъ камнѣ, въ эпитафію во всѣхъ ея отра-

Апостольское преданіе.

то не имѣло ли возможности быть во время исправленнымъ? ¹⁾. Церкви состояли между собою въ перепискѣ; главы ихъ находились во взаимной дружбѣ и почти въ родствѣ. Климентъ Римскій пишетъ посланіе отъ себя къ Коринѳянамъ ²⁾. Игнатій Антиохійскій посылаетъ посланія отъ себя къ разнымъ посвященнымъ имъ церквамъ, изъ которыхъ многія посылали къ нему своихъ представителей. Узнавши въ Тродѣ (Troas), что съ отъѣздомъ его прекратилось гоненіе на христіанъ антиохійскихъ, онъ склоняетъ жителей Смирны и Филадельфій отправить уполномоченныхъ въ Сирію для принесенія поздравленія церкви съ возвращеніемъ мира: сирійскіе христіане прежде его прибыли въ Римъ ³⁾. Ефесяне и Смирняне послали съ нимъ туда по одному изъ

сляхъ, въ языкъ, въ стиль, въ разные знаки, въ номенклатуру, въ палеографію надписей. Братъ его присоединилъ точное и разумное изученіе лѣстницъ, ватерпасовъ, проходныхъ дверей для сообщенія, которыя позволяли излѣдывать постепенные періоды подземныхъ раздѣловъ. Дознано, что такому-то измѣненію архитектуры соответствуетъ такая-то форма, которой нѣтъ въ предшествующей, и такимъ образомъ найдена возможность расположить въ порядкѣ времени, самымъ точнымъ образомъ, всѣ группы древнихъ памятниковъ. Тамъ же стр. 112, 116. Желających узнать большія подробности мы отсылаемъ къ сочиненію г. Дебасена, о которомъ кавалеръ G. V. de Rossi, въ письмѣ своемъ отъ 29 января 1870 года, помѣщенномъ въ началѣ его сочиненія говоритъ, что онъ поздравляетъ публику съ тѣмъ, что на страницахъ его она можетъ найти почти полную картину результатовъ его разысканій. О важности этихъ трудовъ можно судить по слѣдующему отзыву о нихъ ученаго женевского профессора Шастеля. „Для того, чтобы наука извлекала существенную пользу изъ драгоценнаго и почти не исчерпаемаго источника, представляемаго катакомбами, необходимо былъ археологъ, который съ добросовѣстною точностію и съ неутомимымъ рвеніемъ P. Bosio, соединялъ бы ученость и особливо критическое чутье, способные извлечь изъ этихъ открытій плодотворныя и богатыя заключенія или выводы. Къ счастью такой ученый нашлся въ лицѣ кавалера Росси“. *Les catacombes et les inscriptions chretiennes de l'ancienne Rome, Genève, 1867, pag. 16.*

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. III. 32, 34.—IV, 28.

²⁾ Тамъ же, III, 16, 38.—IV, 22, 23.—V, 7.—VI, 13.

³⁾ *Patrum apostolicorum Opera*, edit. Dressel, Lipsiae, 1863. *Ignatii Epistol. ad Philadelph. XI.*

своихъ братій ¹⁾). Конечно, это суть факты, переходящіе уже во второй вѣкъ, но, по времени своему, они не представляли ничего новаго; они показываютъ образъ жизни, обычаи, происхожденіе которыхъ восходитъ далеко въ первый вѣкъ. Дѣянія св. апостоловъ и посланія св. апостола Павла указываютъ на частныя сообщенія, взаимныя совѣщанія и обмѣнъ добрыхъ отношеній между церквами. Одна церковь знала другую, одинъ епископъ зналъ другаго, одинъ пресвитерскій совѣтъ зналъ другой, а единство вѣры и нравовъ составляло главный предметъ ихъ переписки.

III.

Кромѣ того, единство апостольскаго преданія вытекаетъ изъ той анонимности, которую хранить большая часть священныхъ писателей I-го вѣка; ихъ повѣствованія подлежатъ одобренію церквей, а церкви повѣряютъ вѣрность этихъ повѣствованій, и усвояютъ просто и безусловно тѣ, которыя вытекаютъ изъ самыхъ чистыхъ источниковъ, освящая ихъ въ богослужебныхъ воспоминаніяхъ; не слѣдуетъ приписывать произволу издателей этихъ памятниковъ сообщать или не сообщать ихъ читателямъ свѣденій объ ихъ личности. Самый главный свидѣтель бывшаго апостольства Петръ не выступаетъ и не требуетъ себѣ предпочтенія за свое участіе въ евангельскомъ благовѣстіи; онъ скрывается ²⁾). По примѣру Петра, котораго Евангеліе отъ Маттея называетъ пер-

¹⁾ Перв. посл. къ Кор. XVI, 1, 3, 19.—Вт. посл. къ Кор. VIII, 1, 5.—IX, 1, 5.

²⁾ Одно только внимательное изученіе Клементинъ, этого апокрифическаго уже упомянутаго сочиненія, отерываетъ многіе намеки на тотъ способъ, посредствомъ котораго собраны въ зараждавшейся церкви, а можетъ быть и въ самомъ Римѣ бесѣды апостола Петра. Преданіе такъ уже окрѣпло въ исходѣ II вѣка, что подавало поводъ къ поддѣлкѣ. Что ев. Маркъ собралъ бесѣды ап. Петра, уже было извѣстно. Авторъ Клементинъ пользуется этимъ и влагаетъ въ уста

вымъ изъ 12-ти апостоловъ¹⁾, многіе новозавѣтные писатели скрываютъ свои имена, и въ оставленныхъ книгахъ не вынашиваютъ своего личнаго характера. Надобно глубоко вникать, разчищать почву прежде, нежели откроется индивидуальность авторовъ. Самъ апостолъ Іоаннъ совершенно ясно указывая на себя, стѣсняется назвать себя прямо по имени; онъ не желалъ бы, чтобы его иначе представляли какъ возлежащимъ на персяхъ своего учителя: онъ укрывается въ тѣни великой личности, или лучше, онъ выставляетъ славу Его, и самъ теряется въ блескѣ Его²⁾.

Только подъ постепеннымъ вліяніемъ обстоятельствъ преданіе принимало настоящую форму евангельскихъ писаній, и изъ состоянія разсѣянныхъ документовъ переходило въ послѣдовательныя описанія, имѣющія въ виду цѣль, и направленные къ ней въ подробностяхъ и въ цѣломъ³⁾. Можетъ быть, не столь полное Евангеліе Марка предварило остальныхъ Евангелій.

Іеропольскій епископъ II-го вѣка Палій положительно говоритъ о бесѣдахъ Господа (λόγια), записанныхъ св. Матеемъ⁴⁾. Отъ ев. Луки мы узнаемъ, что многія лица еще до него пытались записать свои воспоминавія и такимъ образомъ сохранить преданіе.

Перенесемъ мысленно въ 1-й вѣкъ въ промежутокъ между 60 и 70 годами. По нѣкоторымъ даннымъ можно за-

апостола рядъ новыхъ собранныхъ бесѣдъ, которыя апостолъ Петръ будто бы произнесъ для назиданія вѣрныхъ. Въ этихъ видахъ была измыслена переписка между ап. Петромъ и Климентомъ съ одной стороны, и между Іерусалимскимъ епископомъ Іаковомъ съ другой.

1) Πρώτος Σίμων ὁ λεγόμενος Πέτρος. Мат. X, 2.

2) Ewald, Apostol. Zeitalter, стр. 445, примѣч.

3) Godet въ упомянут. соч. I, стр. 55.

4) Eus. Hist. eccles. III, 39.—Tischendorf, quelle époque nos évangiles n'ont été composés? Перев. съ нѣм. par de L. Durand. Paris, 1866. стр. 35.—Tischendorf самъ отсылаетъ къ Блеку. (Einleitung in das neue Testament, стр. 109).

ключать, что начало евангельской письменности было положено въ средѣ язычества, въ мѣстности далекой отъ самыхъ событій, въ Римѣ. Внимая проповѣди апостола Петра, слушатели изъ язычниковъ естественно могли пожелать имѣть въ доступномъ видѣ повѣствованіе о великихъ чудесахъ Божіихъ. Апостоль Петръ уступилъ этому желанію, и такимъ образомъ было написано Евангеліе отъ Марка¹⁾. Какъ въ планъ моихъ занятій не входило изученіе четырехъ Евангелій, то я и не касаюсь теперь этихъ данныхъ, и ограничиваюсь только выясненіемъ преданія²⁾. Тѣмъ не менѣе Евангеліе отъ Марка, по нѣкоторымъ примѣтамъ, позволяетъ заключать, что оно имѣло въ виду кругъ римскихъ читателей и по происхожденію язычниковъ³⁾. Вслѣдствіе этого можетъ быть, и по порядку времени, оно предшествовало остальнымъ тремъ Евангеліямъ не исключая и Евангелія Маттея. По крайней мѣрѣ извѣстно, что порядокъ расположенія нашихъ священныхъ книгъ не соотвѣтствуетъ послѣдовательному порядку ихъ появленія. Самый порядокъ предметовъ не соотвѣтствуетъ хронологическому порядку. Четыре Евангелія, стояція въ началѣ Новаго Завѣта, не суть древнѣйшія книги этого собранія. Хотя въ нихъ повѣствуется о жизни Іисуса Христа, но они не древнѣе нѣкоторыхъ изъ посланій апостола Павла, а Евангеліе отъ Іоанна написано не прежде книги Дѣяній св. апостоловъ. Посему въ хронологическомъ порядкѣ, книги Новаго Завѣта могутъ быть иначе расположены⁴⁾.

¹⁾ Clem. Alex. Fragmenta, pag. 56, 73, 87—89. Eus. Hist. eccl. I, 6; II, 15; III, 24, 39.—Grau, въ упомян. соч. I, стр. 180.

²⁾ См. предисловіе.

³⁾ Сравн. Марка XII, 42.—VII, 3, 4.—Евальдъ полагаетъ, что Маркъ принадлежалъ къ семейству, родомъ изъ Рима. Apostol. Zeitalter, стр. 415.

⁴⁾ Представляю здѣсь для примѣра, безъ всякаго притязанія на то, чтобы онъ принятъ былъ, порядокъ предложенный Эбардомъ: 1) Евангеліе арамейское отъ Маттея. 2) Посланія къ Фессалоникійцамъ 51—54 г. по Р. Хр. 3) Посланіе къ Галатамъ 55 г. 4) Посланія къ Титу, къ Коринѳянамъ, 1-е посланіе къ Ти-

Мы дали Евангелисту Марку первенство предъ Евангелистомъ Матѳеемъ. Сказать правду, этотъ вопросъ трудно рѣшить. Евангеліе отъ Матѳея должно быть одного времени съ Евангеліемъ отъ Марка. Желая точно опредѣлить отношенія Новаго Завѣта къ Вѣтхому, апостолъ указываетъ въ Иисусѣ качества Христа или Мессіи, и пишетъ Евангеліе для христіанъ еврейскаго происхожденія въ то время, когда Іаковъ, братъ Господень, имѣетъ пребываніе свое въ Іерусалимѣ, и тамъ отправляетъ назначенный постъ¹⁾. Посему онъ опирается на апостольское преданіе.

Съ своей стороны сопутникъ и сотрудникъ Апостола Павла св. Лука, врачъ, родомъ изъ Антіохіи, собравши всѣ возможные свѣдѣнія, по побужденію апостола язычниковъ, составляетъ Евангеліе проповѣданное Павломъ, Евангеліе благодати Божіей, согласное безъ сомнѣнія съ тѣмъ образомъ поученія, которое апостолъ называетъ *своимъ* Евангеліемъ²⁾. Если изложеніе въ немъ не Павлово, то основа, конечно, его³⁾.

Мы не разбираемъ вопроса о происхожденіи и о взаимныхъ отношеніяхъ синоптиковъ, или другими слова-

моею, 57 г. 5) Посланіе къ римлянамъ 58 г.—6) Посланія къ Филимону, къ Колоссянамъ, къ Ефессянамъ, къ Филиппійцамъ 61 г. 7) Евангеліе отъ Луки и Дѣянія св. апостоловъ, 2-е посланіе къ Тимоѳею, первое посланіе Петра 61—64 г. 8) Евангеліе отъ Марка 64 г. 9) Греческое Евангеліе отъ Матѳея. 10) Евангеліе отъ Іоанна, первое посланіе отъ Іоанна, откровеніе Іоанна Богослова 95—96.

¹⁾ Эбгардъ (Ebrard) полагаетъ, что это Евангеліе первоначально написано было на арамейскомъ языкѣ въ промежуткѣ времени между 51, и 64 г., и что настоящее наше Евангеліе есть только переводъ его на греческій языкъ. *Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte*, dritte Auflage, Frankfurt, 1868, pag. 979, 980, 997, 998. Сравни. Strauss, *Leben Jesu*, 1864, pag. 48, 50.

²⁾ 1 посл. къ Тессалоник. I, 5.—2 Посл. къ Тессалоник. II, 14.—2 посл. къ Тим. II, 8.

³⁾ Eus. *Hist eccles.* II, 22—III, 4, 24.

вами, трехъ первыхъ Евангелій, называемыхъ такъ по причинѣ параллельности ихъ повѣствованій; это вопросъ почти неисчерпаемый¹⁾)... Если принять въ соображеніе предшествовавшее развитіе, единство, силу и точность апостольскаго преданія, то проблема, если не будетъ рѣшена, то по крайней мѣрѣ, уяснена. Бѣсѣды, повѣствованія въ главныхъ чертахъ хранились въ одной общей основѣ, въ богатой почвѣ преданія. Иисусъ Христосъ ничего не оставлялъ на письмѣ, но Онъ предвидѣлъ, что ученіе Его овладѣетъ міромъ; Онъ также предчувствовалъ и ясно предсказалъ, что слова Его не прейдутъ, что все касающееся Его повторено будетъ по всей землѣ, что Онъ придетъ къ своимъ, и останется навѣки съ ними²⁾. Какъ же это могло исполниться? Мы это видимъ: чрезъ образовавшееся преданіе, котораго апостолы были боговдохновенными благовѣстниками и хранителями. Стоило только переходившее изъ устъ въ уста преданіе принять отъ апостола, и на его же глазахъ записать, чтобы составилось письменное Евангеліе; но устное преданіе тѣмъ не замыкалось; возможно, что въ будущемъ оно останется такъ же вѣрнымъ самому себѣ; тѣмъ не менѣе оно слѣдуетъ своимъ путемъ. Слово Божіе течетъ, Евангеліе вѣчно обтекаетъ міръ — синоптики не исчерпали живоносной струи. Въ концѣ вѣка это дѣлается очевиднымъ, когда Іоаннъ берется писать свое Евангеліе— это завершеніе апостольской проповѣди; на страницахъ его Евангелія является не одинъ рассказъ, не одна рѣчь Господня, которой ни одинъ изъ его предшественниковъ не записалъ въ своемъ Евангеліи. Это дажѣ видно изъ вольнаго или невольнаго пропуска со стороны ев. Луки слѣдующихъ словъ Іи-

¹⁾ Можно составить себѣ объ этомъ понятіе, рассматривая таблицу различныхъ гипотезъ, представленную О. Р. Гертвигомъ (O. R. Hertwig) Tabellen zur Einleitung ins Neue Testament, 4 Ausgabe, besorget von H. Weingarten, Berlin. 1872, pag. 36—37.

²⁾ Мате. XXIV, 35. XXVI, 13. XXVIII, 19, 20.

суса Христа: „блаженнѣе давать, нежели принимать“. Апостоль Павелъ припоминаетъ эти слова въ 58 году въ прощальной своей рѣчи къ пресвитерамъ ефесскимъ ¹⁾ говоря: „надобно припомнить слова (λόγος) І. Христа, которые Онъ самъ сказалъ“... Посему видно, что апостоль—миссіонеръ дѣлалъ различіе между личными своими поученіями и поученіями І. Христа; на послѣднихъ онъ основывалъ первыя. Какъ ни велико было стараніе и благоговѣнное вниманіе писателей въ новозавѣтномъ домостроительствѣ къ собранію дѣяній и рѣчей Учителя, но въ концѣ концовъ, это были избранные отрывки, которые они предлагали церквамъ. Сколько драгоценныхъ крохъ, сколько драгоценныхъ остатковъ, сколько чертъ историческихъ затерялось, и чѣмъ бы не пожертвовали для того, чтобы собственными нашими ушами слышать очевидныхъ свидѣтелей жизни І. Христа, Его подвижниковъ и Его посланниковъ!

IV.

Между тѣмъ опасность возникновенія споровъ и несогласій обнаружилась въ церквахъ; она состояла не въ колебаніяхъ касательно хранимой ими вѣрѣ и не въ непріязни одной противъ другой. Нѣтъ, дѣло касалось вѣнчаго врага, общаго одинаково для всѣхъ церквей, торжество котораго было бы смертію для христіанства. Для Апостольской церкви можетъ быть было бы легче встрѣчать открытое неистовство черни, кровавыя гоненія императоровъ, нежели лобзанія нѣкоторыхъ ложныхъ друзей, ихъ предложенія, лесть и нѣжности еретиковъ. Никогда христіанство не подвергалось столь дѣйствительной опасности какъ та, которой оно, еще въ колыбели, подверглось со стороны ложной философіи. Едва только евангеліе заявило свою жизненность, и начало разливать на тогдашній образованный міръ святое свое вліяніе, какъ ревнивые и завистливые любители новостей, поборники мысли, набросились на него, и стара-

¹⁾ Дѣян. св. апост. XX, 35.

лись овладѣть имъ. Евреи и язычники, сектанты и философы—каждый угодничалъ новой силѣ, каждый хотѣлъ, по меньшей мѣрѣ познакомиться поближе съ нею, занять, вырвать у нея, по мѣрѣ надобности, тайну ея мощи. Великія изобрѣтенія всегда вызываютъ поддѣлки и великія личности привлекаютъ стаи пустыхъ шмелей. Первые, пустившіеся въ путь апостолы Петръ и Филиппъ, обмануты были въ Самаріи Симономъ волхвомъ¹⁾. Апостолъ Павелъ встрѣтилъ въ Коринѣхъ, между 50 и 60 годами, притязанія высшей науки и крайняго спиритуализма; издѣвались надъ его невнушительною наружностію, надъ его рѣчью безъ прикрасъ, надъ простою его діалектикою; старались сдѣлать небезопасными его шаги въ Греціи—этой отчизнѣ тонкости и софизма²⁾. Когда онъ собралъ пресвитеровъ ефесской церкви, въ прекрасной рѣчи своей, къ нимъ обращенной и записанной въ XX главѣ Дѣяній св. Апостоловъ, онъ только предварялъ ихъ, что изъ среды ихъ, выйдутъ люди, которые возвѣстятъ превратныя ученія³⁾; въ посланіи же своемъ къ Колоссянамъ онъ уже открыто возстаетъ противъ нихъ говоря: „никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиренномудріемъ и служеніемъ ангеловъ, вторгаясь въ то, чего не видѣлъ, безразсудно надмѣваясь плотскимъ своимъ умомъ, и не держась главы“⁴⁾. Признаки такого направленія усиливаются по мѣрѣ того, какъ христіанское ученіе распространяется въ народѣ. Пастырскія посланія апостола Павла къ Тимоею и къ Титу, семь небольшихъ посланій, содержащихся въ III и въ IV главахъ Откровенія (Апокалипсиса), посланія Іоанна, а особливо первое, заявляютъ возрастающую опасность и указываютъ на изобрѣтателей этихъ пагубныхъ ученій. „О, Тимоею! храни преданное тебѣ, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословія лжеименнаго знанія, которому предавшись,

1) Дѣянія св. Апост. VIII, 9.

2) I Посл. къ Кор. II, 1—4.—VIII, 1.—2 Посл. къ Кор. X, 7—10.

3) Дѣян. св. Апост. XX, 30.

4) Посл. къ Колосс. II, 18, 19.

нѣкоторые уклонились отъ вѣры“..... Таковы Именей и Фидить, которые отступили отъ истины говоря, что воскресеніе уже было, и разрушаютъ въ нѣкоторыхъ вѣру... Глупыхъ же состязаній и родословій, и споровъ, и распрей о законѣ удайся, сынъ мой, Титъ. Еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся, зная, что таковой развратился, и грѣшитъ будучи самоосужденъ? ¹⁾. А что еще апостоль Іоаннъ говоритъ? „Теперь появилось много антихристовъ... они вышли отъ насъ, но не были наши.... Кто лжець если не тотъ, кто отвергаетъ, что Іисусъ есть Христосъ?... Что вы слышали отъ начала, то и да пребываетъ въ васъ... Возлюбленные! не всякому духу вѣрйте, но испытывайте духовъ отъ Бога ли они? потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста... Сей есть Іисусъ Христосъ, пришедшій водою и кровію, и Духомъ, не водою только, но водою и кровію“ ²⁾.

Эти лжеучители, эти лжепророки, эти лжебратія, прежде всего нападали на христіанское ученіе, или, скорѣе на великія историческія событія, на которыхъ зиждется христіанская вѣра; они замѣняли ихъ простыми идеями. Подъ событіями они усматривали истины, недоступныя для общечеловѣческаго разумѣнія; они утверждали, что они одни имѣли ключъ къ нимъ. Потому-то они величали себя гностиками, или другими словами учеными мудрецами, людьми высокой науки; на остальныхъ же и даже на вѣрующихъ они смотрѣли какъ на презрѣнное стадо съ узкими и плотскими видами. У нихъ однихъ высшее знаніе, божественное разумѣніе, глубина мысли. Лице Искупителя Іисуса Христа обра-

¹⁾ I Посл. къ Тим. VI, 20, 21.—2 къ Тим. II, 17, 18.—Посл. къ Титу, III, 9—11.

²⁾ I Посл. Іоан. II, 18, 22, 24.—IV, 1, 2, 3.—V, 6.

щалось въ *идею* искупленія, а искупленіе состояло въ возвышеніи чрезъ чистое познаніе отъ состоянія инстинктивнаго (φωυχός) къ состоянію духовному (πνευματικός). Явленіе Спасителя на землѣ, Его дѣянія, Его страданія, Его воскресеніе были только символами, измѣненіями *идеи*. Иисусъ Христосъ былъ только силою Божіею, существомъ, сошедшимъ съ неба, переходною формою истиннаго человѣка, первобытнаго Адама. Онъ нисходилъ или для того, чтобы освободить отъ узъ плотскихъ духовную сущность, разлитую въ человѣчествѣ, или для того чтобы сообщить своимъ познаніе тайнъ міра. Писанія Ветхаго Завѣта были не что иное какъ аллегоріи, къ разумѣнію которыхъ должно было имѣть ключъ¹⁾. Такъ какъ эти секты чрезвычайно размножились, такъ какъ появилось столько же толковъ, сколько было лжеучителей, то гностицизмъ въ формѣ и въ вѣрованіяхъ оразнообразился до безконечности, склоняясь то къ іудейству, то къ философіи Востока. Но вѣрно, что въ Немъ ничего не осталось изъ историческаго христіанства отъ того Иисуса, котораго апостолы видѣли и осязали собственными руками... ничего, кромѣ одного воспоминанія неясныхъ формъ, призрака!... Скажемъ мимоходомъ, нужно же было, чтобы явленіе Иисуса Христа прошло свѣтъ на тогдашній языческій міръ; нужно же было, чтобы преданіе апостольское изобразило сей ликъ въ свѣтлыхъ чертахъ для того, чтобы элементы гностической философіи, уже отражавшіеся въ умахъ, сложились около лица Распятаго, образовались и присоединились къ нему до того, чтобы исказить даже Иисуса Христа и Евангеліе!...

Къ симъ заблужденіямъ доктрины присоединялись еще

¹⁾ Александрійцы прилагали аллегорическій методъ для истолкованія твореній Гомера и Платона; тѣмъ легче можно было приложить его къ Ветхому Завѣту, о которомъ Аристовулъ категорически заявлялъ, что истинный смыслъ его есть именно противоположный буквальному смыслу.—Holtzmann: *Judenthum und Christenthum im Zeitalter der apokr. und neutest. Literatur*, Leipzig, 1867, zweiter Band, pag. 67, 68.

важныя нравственныя заблужденія. Коль скоро духъ есть все, и коль скоро знаніе составляетъ высшую заслугу, то представляются два исхода: или необходимо подавить до уничтоженія всѣ позывы плоти чтобы дать перевѣсъ духу, и тогда впадаютъ въ аскетизмъ, запрещаютъ бракъ, предписываютъ постъ, унижительныя упражненія ¹⁾,—или какъ духъ, по своей высшей природѣ, не рискуеть быть запятнаннымъ скверною плотскою, то онъ, съ безопасностію, возвращается среди всѣхъ пороковъ, и тогда, подъ защитою религіи, происходитъ самая печальная распущенность нравовъ ²⁾. Чтобы извлечь эти два прогивоположныя заключенія, въ апостольскій вѣкъ нашлись еретики двухъ оттѣнковъ.

Задачею христіанскихъ учителей было энергически протестовать противъ такихъ преступленій ереси. Зло въ концѣ перваго вѣка приняло тревожные размѣры, слово нечестивыхъ, распространялось подобно раку ³⁾, необходимо было, чтобы кто нибудь изъ свидѣтелей жизни Учителя, непосредственный преемникъ Его ученія успокоилъ церковь, и изблчилъ однажды навсегда заблужденіе. Въ это время еще жилъ въ Ефесѣ любимый ученикъ Иисуса Христа Іоаннъ. Ересь дерзнула развернуться на его глазахъ. Однажды идя въ баню, при входѣ апостоль замѣтилъ гностика Керинеа; онъ тотчасъ же возвратился съ восклицаніемъ: „бѣжимъ отсюда въ страхъ чтобы домъ не обрушился надъ нами, потому что въ стѣнахъ его находится врагъ истины, Керинеа“ ⁴⁾. Этого не довольно. Апостоль оставилъ по себѣ болѣе прочный памятникъ вѣры; преуспѣяніе ереси заставило его написать свое Евангеліе. Читайте это удивительное твореніе, и не разъ вы услышите Іоанна прикровенно высказывающаго намѣреніе свое подтвердить историческую

¹⁾ 2 Посл. къ Тимоѳею IV, 1, 3.

²⁾ Откровеніе Іоани. II, 6, 13, 15,—20, 21.

³⁾ 1 Посл. къ Тимоѳ. II, 17.

⁴⁾ Irenaei Adv. Haer. III, 3.

дѣйствительность жизни Иисуса Христа ¹⁾; на каждой страницѣ замѣтенъ очевидный свидѣтель. Однакожь было бы не совсѣмъ точно одному этому побужденію приписывать составленіе четвертаго евангелія. Апостолъ, принимаясь за перо, уступаетъ также настоятельнымъ просьбамъ учениковъ своихъ, опечаленныхъ его преклонными лѣтами, и соглашается передать имъ на письмѣ послѣднія свѣденія о своемъ Учителѣ. Очевидно, что онъ имѣлъ у себя предъ глазами три синоптическія евангелія ²⁾; потому что онъ избѣгаетъ передавать то, что въ нихъ уже сказано; его намѣреніе было ихъ довершить—восполненіемъ ли пробѣловъ въ ихъ повѣствованіяхъ, или указаніемъ неизмѣннаго и неотъемлемаго смысла въ рассказанныхъ уже событіяхъ ³⁾. По его мыслямъ историческая дѣйствительность не вредитъ безсмертному значенію главныхъ минутъ жизни его Учителя, а сія послѣдняя, въ свою очередь не разрушаетъ исторической дѣйствительности ⁴⁾. Іоаннъ не прямо подтверждаетъ важность господствовавшаго преданія въ двойной формѣ—устной и писанной, когда онъ повторяетъ слова Спасителя, въ которыхъ Онъ обѣщаетъ апостоламъ своимъ послать имъ Духа святаго, *который наставитъ ихъ на всякую истину!* У него нѣтъ никакихъ объясненій, которыя показывали бы, что онъ чувствуетъ разногласіе съ предшественниками своими—другими евангелистами. Напротивъ того: молчаніе его заключаетъ въ себѣ согласіе его со всѣмъ тѣмъ,

¹⁾ Іоанна гл. XIX, 34, 35.

²⁾ Eus. Hist. eccles. III, 24.

³⁾ Godet въ упомянутомъ соч. I, стр. 227.

⁴⁾ Оба эти взгляда не исключаютъ одинъ другаго; это наглядно подтверждаетъ въ новѣйшее время извѣстный врагъ христіанства Давидъ Страусъ; любознательно видѣть, какъ онъ противъ соперника своего въ критикѣ и въ разрушеніи, покойнаго Тюбингенскаго профессора Фердинанда Баура утверждаетъ, что евангеліе отъ Іоанна—одно изъ четырехъ, есть самое духовное и, вмѣстѣ, самое матеріальное (чувственное) (sinnlich).—Theolog. Jahrbücher, 1851. pag. 306.

что совершилось. Его евангеліе возвѣщаетъ, что обѣщаніе Иисуса Христа исполнилось, что истина говорила устами и водила перомъ его предшественниковъ ¹⁾).

Правота заставляетъ насъ указать, и въ нѣсколькихъ словахъ разслѣдовать возраженія противопоставляемыя критическою отрицательною школою. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ четвертое евангеліе не могло появиться въ исходѣ перваго вѣка, и слѣдовательно оно не есть произведеніе апостола Іоанна— между прочими причинами потому, что о божествѣ Иисуса Христа оно держится тѣхъ взглядовъ, которые появились въ церкви около половины втораго вѣка, и потому еще, что оно опровергаетъ ереси обнаружившіяся гораздо позже, около 150-го года. Къ счастью, въ подрывѣ этому мнѣнію оказывается, что ученіе о божественности Иисуса Христа возвѣщено было уже прежде, и глухіе происки ереси опровергаемы были въ посланіяхъ апостола Павла къ Колоссянамъ, къ Тимоею, къ Титу и въ первомъ посланіи Іоанна.... Это ничего не значитъ! возражаютъ; это доказываетъ просто только то, что эти посланія не достовѣрны, и когда рѣчь идетъ о нихъ, то мы совершенно отвергаемъ оба посланія къ Филиппійцамъ, къ Ефессянамъ, къ Филлимону, къ евреямъ, первое посланіе апостола Петра, двѣ послѣднія главы посланія къ Римлявамъ, Дѣянія св. апостоловъ и три четверти трехъ первыхъ евангелій!—Но возразимъ мы, не смотря на такія геройскія мѣры, вы не подвигаетесь впередъ потому, что вотъ свидѣтельства исхода перваго вѣка и начала втораго, которыя вамъ не по нравятся. Климентъ римскій, Игнатій, Поликарпъ въ посланіяхъ своихъ вѣрують въ божественность Иисуса Христа и указываютъ на усилія ереси! Что намъ за дѣло, продолжаютъ намъ возражать, эти посланія всѣ подложны, въ нихъ сдѣланы вставки, они поддѣланы. Развѣ вы не знаете,

¹⁾ Іоанна XIV, 26.—XV, 13.

что въ церкви благочестивые подлоги были въ порядкѣ вещей?... И эти древнія посланія равно какъ и апостольскія творенія ставятся ни во что!—Наконецъ, говорятъ намъ далѣе, что свѣтская исторія не представляетъ никакихъ слѣдовъ броженія умовъ и движенія идей въ самой церкви и около нея прежде половины втораго вѣка.—Должно признаться, что такая увѣренность приводитъ насъ въ замѣшательство... Первыя начала этого движенія, въ которомъ всѣ ученія смѣшивались и сливались, уже существовали и дѣйствовали въ еврейскомъ и греческомъ мірѣ еще до появленія христіанства. Филонъ и терапевты въ Египтѣ поддались вліянію этого теченія, и ново-пиеагорейцы Августова вѣка и Плу-тархъ херонейскій ¹⁾ на почвѣ язычества ощутили его вліяніе. Христіанство, проповѣданное апостоломъ Павломъ язычникамъ вызвало необычайное движеніе умовъ, стало очевиднымъ, что современныя стремленія почерпнули въ немъ новыя силы. Письмо императора Адриана объ Александрійскихъ дѣлахъ доказываетъ какъ еще въ началѣ II-го вѣка до появленія знаменитыхъ ересеначальниковъ Василида и Валентина, разныя вѣрованія легко перемѣшивались, и мнѣнія прикрывались христіанскими именами ²⁾. То безспорно, что Симонъ волхвъ, Менандръ его ученикъ, Досиеей его про-

¹⁾ Я помалъ тотъ Египецъ, который ты хвалишь мнѣ, любезнѣйшій Сервантъ, какъ націю легкомысленную, раздражительную, вѣтреную. Почитаю, щіе Сераписа, суть христіане, а называющіе себя епископами Христовыми благоговѣютъ предъ Сераписомъ. Нѣтъ ни одного начальника еврейской синагоги, ни одного христіанскаго священника, который не былъ бы математикомъ, утробогадателемъ, авгуромъ или гадателемъ по полету птицъ. Самъ патріархъ, посѣщая Египецъ, во угожденіе однимъ принужденъ былъ поклоняться Серапису, а въ угожденіе другимъ, поклоняться Христу.—Vopiscus, Vita saturnini cap. 2.—Императоръ заблужденія нѣкоторыхъ частныхъ лицъ приписываетъ всему народу, но самое это смѣшеніе уже показываетъ, какъ часто объединялись доктрины.

²⁾ Kurtz, въ упомян. соч. § 132.—P. Bordier. Les epîtres pastorales du Nouv. Jeditam. Genève, 1872, pag. 61—68.—Holtzmann, въ упомянут. соч. pag. 63, 78.—Grau въ упомян. соч. стр. 187—191.

тивнигъ, Николаиты, Офиты, Керинѣъ, не упоминая уже о болѣе древнихъ гностикахъ, принадлежали къ вѣку апостольскому. Иринея, Климентъ александрійскій, Тертуліанъ, Ипполитъ, Климентинцы подтверждаютъ это¹⁾). Жестокія и позорныя преступленія, приписываемыя Тацитомъ христіанамъ, вѣроятно были дѣломъ этихъ еретиковъ съ безнравственнымъ направленіемъ²⁾). Историкъ христіанскій Егезиппъ рассказываетъ, что еще при жизни апостоловъ нѣкоторыя личности тайно подкапывали здравыя правила спасительнаго ученія³⁾) и на этого-то самаго историка противники наши ссылаются чтобы дать гностицизму позднѣйшее происхожденіе. Самый выдающійся предводитель этой отрицательной школы, профессоръ Тюбингенскаго университета, покойный Ф. К. Бауръ, приводимый въ замѣшательство этимъ мѣстомъ Егезиппа усиливается доказать, что эти лица, считаемыя опасными, суть апостолъ Павелъ и его сподвижники⁴⁾)! Вслѣдствіе сего онъ приписываетъ Егезиппу роль

¹⁾ По свидѣтельству Иринея Adv. Haer. III, 4, Менандръ ученикъ Симона, положилъ основаніе гностицизму, который, таясь нѣсколько врѣмени, возникъ позже, когда церковь вышла изъ своей колыбели. Тертуліанъ въ сочиненіи своемъ de praescriptione haereticorum, 46—53, появленіе гностиковъ показываетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Симонъ магъ, упоминаемый въ Дѣянїяхъ св. апостоловъ, ученикъ его Менандръ, потомъ Сатурнинъ, далѣе Василїдъ; также Николай, упоминаемый въ Дѣянїяхъ св. апостоловъ. Къ нимъ присоединились Офиты, и сверхъ того Карпократъ. Послѣ него Керинѣъ, преемникомъ которому былъ Эвионъ. Валентинъ ввелъ множество басенъ. Послѣ него явились Птолмей и Секундъ, и Гераклеонъ. Послѣ сихъ Маркъ и Коларбаусъ. Къ нимъ присоединился извѣстный Кердонъ; за нимъ ученикъ его Маркіонъ. Ко всемъ этимъ еретикамъ присоединился извѣстный другой еретики Таціанъ, ученикъ Юстина мученика; далѣе фригійскіе еретики одни съ отѣнкомъ Прокла, другіе съ отѣнкомъ Эхина.—Сверхъ этихъ Власть, который утверждалъ, что Пасха должна быть празднуема 14 числа мѣсяца.—За ними слѣдуетъ Феодотъ Византійскій еретики, а послѣ всѣхъ сихъ Праксей и Викторивъ.

²⁾ 2 Посл. Ап. Петра II, 2.—Иуды 4, 8, 11.—2 Тим. III, и проч. Patrum Ap. Oper., Ignatii Epist. ad Trall., VIII.

³⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 33.

⁴⁾ Baur, Paulus der Apostel Jesu Christ, zweite Aufl. pag. 251, note 3

іудео христіанина, челоуѣка преданнаго еврейскому закону, и предполагаетъ что этотъ историкъ мститъ лукаво за зло, причиненное апостоломъ язычникомъ іудейству. Сколько словъ, столько и заблужденій, какъ это доказываютъ научный изслѣдованія. Впрочемъ, такъ называемая Тюбингенская школа отказалась отъ нѣкоторой части своихъ заблужденій, такъ какъ въ этомъ лагерѣ обнаружился расколъ, и ученики ея Гиллгенфельдъ, Швеплеръ, Фолькмаръ, Кэстлинъ, Целлеръ, Румперъ отвергаютъ вовсе, или частію принципы своего главы¹⁾.

V.

Первые виновники устнаго преданія касательно Іисуса Христа, Его жизни, Его ученія, суть также первые издатели писаннаго преданія. Двѣнадцать апостоловъ, ихъ непосредственные ученики, св. апостолъ Павелъ и его ученики суть составители настоящихъ нашихъ четырехъ евангелій. Это обстоятельство немаловажно. Критика старается доказать, что приближенные и сподвижники І. Христа или Его апостоловъ совершенно чужды изданія нашихъ историческихъ книгъ. Одни, по словамъ ея, суть пересказчики, по устному свидѣтельству которыхъ міръ увѣровалъ; другіе суть писатели, которые письменно передали намъ на бумагѣ священное преданіе. Апостолы и ихъ ученики не были настоящими евангелистами, и евангелисты не были ни апостолами, ни учениками апостоловъ; одни извѣстны намъ по имени, другіе суть анонимные писатели. Въ такомъ случаѣ, скажемъ мимоходомъ, какъ стало заподлинно извѣстнымъ, что сіи анонимы не назывались Матеей, Маркъ, Лука и Іоаннъ?—

¹⁾ Godet въ упомянут. сочиненіи I, pag. LVIII, LIX.—II p. 462 и примѣч. K. Schwarz Zur Geschichte der neuen Théologie, 4 Auflage, Leipzig, 1869, pag. 177.—Nippold, Handb. der neuesten Kirchengeschichte; 2 Auflage, Elberfeld, 1868. pag. 298, 299.

впрочемъ предположеніе, что люди, говорившіе объ Иисусѣ Назорей, суть не тѣ самые, которые писали, еще не ведеть къ заключенію, чтобы ихъ свидѣтельства не могли быть согласными... Но согласіе конечно еще очевиднѣе, ручательство въ вѣрности еще сильнѣе, когда тѣ, которые проповѣдали суть тѣ же самые, которые писали, когда они могутъ такъ утверждать: „что я возвѣстилъ вамъ живою рѣчью, это то же самое, что я написалъ вамъ, что найдете вы въ писаніи названнымъ моимъ именемъ, и что я вамъ пишу, это то же самое, что я возвѣстилъ вамъ изъ устъ въ уста!“—Евангельское преданіе представляется въ гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ нежели, на примѣръ, буддистское преданіе. Древнѣйшія священныя книги буддистовъ, простыя Сутра (Sustras), книги чисто историческаго содержанія относятся къ собору Вайкали (Vaicali), собирающемуся сто лѣтъ спустя послѣ смерти Шакіамуни (Сакуамуни)¹⁾, слѣдовательно сочинители этихъ книгъ не могли быть современниками Будды; они не слышали о немъ, тогда какъ въ христіанствѣ всѣ преданія и документы вышли отъ одного и того же первоначальнаго источника, общества апостоловъ.

Христіанское преданіе вполне прочно. Можетъ статья что согласятся съ нами въ этомъ, хотя и съ оговорками, и съ выраженіями сомнѣнія. Но не могло ли произойти, даже при выше описанномъ порядкѣ вещей, нѣкоторое разногласіе между тѣмъ, что апостолы выражали живою рѣчью, и тѣмъ, что они сами писали, и наконецъ тѣмъ, что другіе писали у нихъ, на глазахъ?—Конечно, потому что все можно предполагать,—но такое разногласіе, если бы оно случилось, было бы гдѣ нибудь объяснено, а до тѣхъ поръ пока намъ не докажутъ противнаго, мы должны вѣрить, что первые проповѣдники евангелія были послѣдовательны сами съ собою, и что они пребыли вѣрными убѣжденіямъ первыхъ, своихъ дней.

¹⁾ E. Burnouf, Introduction à l'histoire du bouddhisme indien, pag. 578, 579, 584.

Намъ возразятъ, что могло быть, и было иногда (при желаніи найти доказательства—они возникаютъ какъ по волшебству) глубокое и открытое разногласіе между апостолами; но отъ него остались бы явные и многочисленные слѣды! Однакожъ ихъ нѣтъ!—Напротивъ, во всѣхъ основныхъ пунктахъ господствуетъ согласіе, гармонія не исключаютія разнообразія примѣненій. На соборѣ іерусалимскомъ, въ 50—51 годахъ апостолы и старцы и братія, въ общемъ собраніи, постановляютъ отправить къ язычникамъ антиохійской церкви вмѣстѣ съ возлюбленными апостолами Варнавою и Павломъ представителей, чтобы передать имъ словесно то, что посылали имъ на письмѣ. Разказъ въ XV главѣ Дѣяній св. апостоловъ доказываетъ, что единомысліе господствовало между Іаковомъ, Петромъ, Павломъ и Варнавою ¹⁾. Лѣтъ семь спустя апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринтеянамъ, и все то, что онъ говоритъ о сподвижникахъ своихъ по апостольству, дышетъ самымъ сердечнымъ согласіемъ и чувствомъ совершеннаго равенства: „или не имѣемъ мы власти имѣть спутницею сестру жену какъ прочіе апостолы и братья Господни и Кифа? или одинъ я и Варнава не имѣемъ власти не работать ²⁾?—Я наименьшій изъ апостоловъ и недостойнъ называться апостоломъ.... Я болѣе всѣхъ ихъ потрудился. Итакъ я *м*, они *м*, мы такъ проповѣдуемъ, и вы такъ увѣрвали³⁾“. Дѣло идетъ о евангеліи, сосредоточенномъ на проповѣди о крестѣ Христовомъ, и о воскресеніи въ третій день. Въ другомъ мѣстѣ онъ ссылается на свидѣтельство тѣхъ же коринтеянъ чтобы доказать, что онъ исполнялъ условіе заключенное съ своими сподвижниками, по которому они обращались съ проповѣдію къ іудеямъ, а онъ принималъ на себя обязанность благовѣствовать язычникамъ ⁴⁾ въ такихъ странахъ, въ которыхъ про-

¹⁾ Дѣяній св. Апост. XV, 22.

²⁾ 2 посл. къ Коринте. IX, 5.

³⁾ Тамъ же, XV, 10, 11.

⁴⁾ Посл. къ Галат. 11, 7. 8.

провѣдь о Христѣ еще не раздавалась: „мы первые пришли къ вамъ съ благовѣстіемъ Христовымъ. Мы не безъ мѣры хвалимся, не чужими трудами, но надѣемся съ возрастаніемъ вѣры вашей, съ избыткомъ увеличить въ васъ удѣлъ нашъ, такъ чтобы и далѣе васъ проповѣдывать евангеліе, а не хвалиться готовымъ въ чужомъ дѣлѣ ¹⁾)... у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ выешихъ апостоловъ, хотя я ничто. Признаки апостола оказались предъ вами ²⁾“. У апостола Павла оспаривали право апостольства, но это не было въ кругу лицъ собственно называемыхъ апостолами; напротивъ того все показываетъ намъ, что они были за одно обрѣку съ апостоломъ язычникомъ ³⁾. Приведенныя нами мѣста имѣютъ тѣмъ болѣе вѣса, что за исключеніемъ книги Дѣяній св. апостоловъ, всѣ они заимствованы изъ двухъ посланій къ Коринтеянамъ, достовѣрности которыхъ самые отъявленные противники христіанскаго преданія не могутъ не признавать. Если же допустимъ, что описаніе жизни Иисуса Христа такими апостолами, какъ, на примѣръ, Павелъ и Іоаннъ было бы подозрительно, въ такомъ случаѣ противу нихъ всѣ единодушно возстали бы, обвиняли бы ихъ въ идолатріи, въ невѣрности, и это обвиненіе легло бы всею тяжестію на обоихъ апостоловъ, изъ коихъ одинъ утверждаетъ, что онъ не лжетъ, что онъ говоритъ предъ Богомъ ⁴⁾, а другой, что онъ ужасается возводить на Бога лжу, и не сознавать въ себѣ присущей ему истины ⁵⁾,— если только не прибѣгнемъ къ низкому предположенію, что они такъ сильно протестовали для того, чтобы лучше скрыть свою игру! — Во всякомъ случаѣ это странная

1) 2 посл. къ Кор. X, 15, 16.

2) Тамъ же II, 11, 12.

3) Дѣян. св. апост. XV, XXI, 18, 19.—Посл. къ Гал. I, 18, 19.—II, 9.

4) Посл. къ Римл. I, 9.—IX, 1.—2 посл. къ Кор. I, 23.—Къ Гал. I, 20.—къ Филипп. I, 8.—1 посл. къ Фессалоник. II, 5.

5) 1 Иоанн. I, 6, 8, 10.—II, 4, 21, 23.

игра, въ которой они рисковали своею жизнію... При такомъ множествѣ свидѣтелей евангельской исторіи, дожившихъ до конца 1-го вѣка, неужели духъ преній не разразился бы, если бы нѣсколько дерзкихъ лицъ отважились изуродовать или передѣлать исторію Учителя на свой ладъ? ¹⁾). Конечно, потому что первые христіане не были единомысленны во всѣхъ пунктахъ.

Но о чемъ шли пренія?—О событіяхъ ли жизни І. Христа, или о значеніи сихъ событій? Совсѣмъ нѣтъ, но скорѣе о примѣненіи Его ученія къ повседневнымъ религіознымъ обстоятельствамъ, объ отношеніяхъ новозавѣтной экономіи къ древней; спорили о благовременности и объ обязательномъ характерѣ обрѣзанія, о законахъ воспрецавшихъ употребленіе нѣкоторыхъ мясъ, объ участіи въ яствахъ съ язычниками, о соблюденіи субботы и новомѣсячій. Спрашивали, должны ли преимущества народа еврейскаго остаться неприкосновенными, или подвергнуться измѣненіямъ?—Рѣдко случалось, чтобы ссылались на преданія апостоловъ при разрѣшеніи преній этого рода, при которыхъ происходили, и могли происходить нѣкоторыя разногласія между апостолами. Дѣйствительно, примѣненіе новаго закона христіанскаго происходило медленно; богопочтеніе въ духѣ постепенно только отдѣлялось отъ старыхъ формъ; самъ Іисусъ Христосъ не торопиль переходомъ отъ древнихъ порядковъ къ новымъ. Ни на какое преданіе нельзя было ссылаться въ этихъ различныхъ случаяхъ по той важной причинѣ, что относительно этихъ второстепенныхъ и требовавшихъ примѣненія пунктовъ, само преданіе не было опредѣлено. Волненіе партій въ нѣдрѣ церкви устанавливало правило: предварительно требовалось знать, были ли апостолы единодушнаго мнѣнія въ передачѣ преданія, получили ли они отъ Іисуса Христа опредѣленное ученіе въ этомъ отношеніи.

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. IV, 3.

Послания св. апостола Павла къ Коринѣянамъ, къ Галатамъ заключаютъ въ себѣ описаніе возникшихъ преній по поводу идоложертвенныхъ, различія яствъ и дней обрѣзанія ¹⁾). Два главные принципа, присущіе каждому человѣческому обществу—принципъ консервативный и принципъ либеральный, были, какъ и вездѣ, въ борьбѣ между собою. Апостолъ Петръ былъ представителемъ перваго, а апостолъ Павелъ втораго. Только время одно должно согласить различіе взглядовъ и привести къ желанному примиренію.

Касательно самой основы христіанства, т. е. касательно основы и значенія исторіи Іисуса Христа, въ первобытной церкви господствуетъ апостольское преданіе самаго замѣчательнаго единства. Апостолъ Петръ не оспаривалъ благовѣстія Павлова, апостолъ Павелъ съ своей стороны не оспариваетъ благовѣстія Петрова. Первое посланіе апостола Петра обращено къ пришельцамъ, разсѣяннымъ въ Понтъ, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Вифиніи—въ странахъ, въ которыхъ проповѣдывалъ Павелъ. Посему не удивительно, что посланіе Петрово мыслями, и, отчасти, слогомъ и выраженіями напоминаетъ нѣкоторыя посланія св. апостола Павла, особливо его посланія къ Римлянамъ и къ Ефесянамъ ²⁾). Апостолъ Петръ, не имѣвъ возможности посѣтить лично (ничто на это не указываетъ) эти страны, считаетъ не лишнимъ окружнымъ отъ себя посланіемъ подтвердить проповѣдь апостола Павла и его сподвижниковъ. Апостолъ Петръ не

¹⁾ 1 Посл. къ Коринѣ. VIII.—Посл. къ Римл. XIV, 1, 6.—Посл. къ Галатамъ, гл. IV, ст. 9—10.—V, 1—4.—Глава VI, 1—14.

²⁾ Сравни. I, 1 и проч. съ посл. къ ефес. I, 3, и проч. I, 14 съ посл. къ ефес. II, 3.—къ римл. XII, 2.—I, 2, съ посл. къ римл. IV, 24.—II, 5, съ посл. къ римл. XII, 1.—къ ефес. II, 20, 22.—II, 6—10 съ посл. къ римл. IV, 25, 32 и проч.—II, 11 съ посл. къ римл. VII, 23.—II, 13, съ посл. къ римл. XIII, 1, и проч.—II, 18 съ посл. къ ефес. VI, 5.—III, 1, и проч. съ посл. къ ефес. V, 22 и проч. III, 9 съ посл. къ римл. VIII, 6 и проч.—V, 5 съ посл. къ ефес. V, 21.—Reiss, Die Gesch. der heiligen Schriften des neuen Testaments, 2 Auflage, § 148.

указываетъ ли на самаго Павла и его товарищей Силуана и Марка, находившихся тогда на служеніи при сынѣ Іонинѣ въ этомъ высокомъ намегѣ ¹⁾ „то, что проповѣдано вамъ, благовѣствовавшимъ Духомъ святымъ, посланнымъ съ небесъ“?—Подъ перомъ апостола обрѣзанія какое значеніе получаютъ слѣдующія выраженія: „вы, которые вѣруете, вы, народъ избранный, царственное священство“ ²⁾. Евангеліе апостола Петра и апостола Павла, никакъ не противорѣча одно другому въ существенномъ, мало по малу сближаются до такой степени, что разногласіе перестаетъ существовать въ общей основѣ вѣрованій. Спустя 30—40 лѣтъ Плиній младшій показываетъ намъ, какіе глубокіе корни христіанство пустило въ разныхъ странахъ, но могло ли бы оно пустить ихъ, если бы оно явилось подъ видомъ двухъ враждебныхъ одно другому ученій? ³⁾.

Апостолъ Іоаннъ, пережившій обоихъ великихъ апостоловъ, въ свое время, не оспариваетъ ни ученія того, ни ученія другаго; онъ не выражаетъ никакого предостереженія относительно обоихъ евангелій Марка и Луки—этихъ двухъ памятниковъ, писанныхъ по преданію апостоловъ Петра и Павла. Іоаннъ говоритъ какъ апостолъ подтверж-

¹⁾ I. Соб. посл. св. ап. Петра I, 12.

²⁾ I Соб. посл. ап. Петра, II, 7, 9.

³⁾ Тоже самое заключеніе можно извлечь изъ сравнительнаго изслѣдованія мѣстъ въ посланіи къ Галатамъ I, 6—9.—II, 2, 4—9. Апост. Павелъ жаждетъ на борьбу, которую ведутъ съ нимъ лебезитя, держащіеся іудейства, и на вѣкоторое снисхожденіе оказываемое Іаковомъ и Петромъ этимъ ультраконсерваторамъ. Если онъ въ главѣ I, ст. 8, 9 называетъ *другимъ евангеліемъ* ученіе этихъ людей по причинѣ непониманія ими *евангельской истины* (II, 5) и ихъ слѣпой привязанности къ принципамъ прошедшаго, къ закону уставовъ, то какихъ проклятій не изрекъ бы онъ, если бы имѣлъ дѣло со свободными мыслителями, отвергающими историческія основанія евангелія?... Но видно, что на этой почвѣ исторіи въ томъ, что касается жизни I. Христа—апостолы Петръ и Павелъ, сдѣлавшіеся христіанами изъ іудеевъ, я христіане, вышедшіе изъ язычниковъ, идутъ рука объ руку, согласно.

дающій ихъ, а не какъ вводящій что нибудь новое. „Иисусъ, говоритъ онъ, много сотворилъ предъ учениками своими и *другихъ* чудесъ, о которыхъ не написано въ книгѣ сей. Сіе же написано, дабы вы увѣровали, что Иисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и, вѣруя, имѣли жизнь во имя Его“ ¹⁾. Восторгъ, съ которымъ Іоаннъ говоритъ о своей книгѣ, о чудесахъ, съ намѣреніемъ имъ оцущенныхъ, забота о томъ, чтобы не повторять событій рассказанныхъ синаоптиками, молчаніе сохраняемое имъ о совершенно возможномъ разногласіи между ними и имъ,—все доказываетъ единство апостольскаго преданія съ самаго перваго времени.

Впрочемъ доказательство первобытнаго единства этого преданія лежитъ въ единствѣ первобытной вѣры въ церкви. Сравните со вниманіемъ вѣру двухъ апостоловъ—богослововъ—св. Павла и ев. Іоанна. Нельзя не быть пораженнымъ согласіемъ ихъ мыслей касательно божественности Иисуса Христа, искупленія Имъ насъ своею кровію отъ грѣховъ, раздѣленія людей на два класса—на вѣрующихъ и міръ, духовной судьбы человѣчества, значенія первородства Христова въ освященіи человѣчества, будущности царства Божія, истощенія Христова въ любви ²⁾. Мысли же ихъ не всѣ суть ихъ мысли, но мысли Христовы ³⁾. Въ тридцать лѣтъ времени отъ апостола Павла до апостола Іоанна способъ выражаться становится другимъ, языкъ измѣняется, но мысль остается тою же. Впрочемъ единство вѣры было открыто провозглашено: „одно тѣло и одинъ духъ, пишетъ апо-

¹⁾ Іоанна, гд. XX, ст. 31.

²⁾ Сравни. I посл. къ кор. I, 24.—Къ колос. I, 16, 17.—II, 9. съ посл. Іоанн. I, 1—4.—Посл. къ римл. III, 24.—2 къ коринте. V, 21 съ I посл. Іоанн. II, 2.—Откровен. Іоанн. V, 9.—I посл. къ кор. V, 12, 13.—2 посл. къ кор. IV, 4 съ I посл. Іоанн. III, 10, 13.—IV, 4, 5.—Посл. къ ефес. I, 4—IV, 13. съ I посл. Іоанн. I, 3.—Посл. къ римл. VIII, 29;—XI, 16, 25, 26,—къ ефес. I, 11, 14 съ откров. Іоан. XIV, 4, 5 и проч.—V, 8, 11, 13.—I посл. къ кор. XV, 26, 28 съ I посл. Іоан. II, 2 и проч.

³⁾ I посл. къ коринте. II, 16.—Соб. I посл. Іоан. 1—4.

столь Павелъ, къ ефесянамъ, „какъ вы и призваны къ одной надеждѣ... Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ, который надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ“¹⁾. Писатель посланія къ евреямъ²⁾ также говоритъ объ основныхъ началахъ, отвращеніи отъ мертвыхъ дѣлъ и о вѣрѣ въ Бога, равно какъ объ ученіи о крещеніи, о возложеніи рукъ, о воскресеніи мертвыхъ и о вѣчномъ судѣ. Въ посланіяхъ своихъ св. апостолъ Іоаннъ учитъ, что есть помазаніе общее всѣмъ христіанамъ, учающее ихъ всему, и объявляетъ отпадшими отъ церкви тѣхъ, которые удаляются отъ основной истины³⁾.

Скажемъ еще болѣе. Апостолъ Павелъ въ посланіяхъ своихъ свидѣтельствуемъ, что вначалѣ проповѣдь евангеліи основывалась на первобытномъ преданіи, на установленномъ основаніи. Хотѣли-ли знать, ктѣ имѣлъ право положить это основаніе?... Это были пророки и апостолы. „Церковь есть зданіе, построенное на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя самага Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святой храмъ въ Господѣ“⁴⁾. Спрашивали ли о предметѣ, о содержаніи этого основанія? — *Никто* (замѣтимъ это слово *никто*, которое въ некоторомъ образомъ официально-общепринятое), никто не можетъ положить другаго основанія кромѣ того, которое уже положено, которое есть Іисусъ Христосъ. „Я какъ мудрый строитель положилъ основаніе, а другой строить на немъ“⁵⁾. Я стараюсь благовѣствовать не тамъ, гдѣ уже было извѣстно имя Христова дабы не соизидать на чуждомъ основаніи“⁶⁾. (*Не другое основаніе, но, основаніе положенное другимъ...*) И относительно Именей и

¹⁾ 2. Посл. къ ефес. IV, 3, 6.

²⁾ Посл. къ евр. VI, 1, 2.—Смач въ упом. соч. II, pag. 315—318.

³⁾ I Соб. посл. Іоан. II, 27.

⁴⁾ Посл. къ ефес. II, 20, 21.

⁵⁾ I Послац. къ кор. III, 10, 11.

⁶⁾ Посл. къ римлян. XV, 20.

Филита, двухъ современныхъ рационалистовъ, отпавшихъ отъ истины, говорившихъ, что воскресеніе уже было и извратившихъ вѣру нѣкоторыхъ, апостоль пишетъ, но твердое основаніе Божіе стоитъ ').

Такъ называемыя *пастырскія* (pastorales) посланія заключаютъ въ себѣ замѣчательныя мѣста. Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею апостоль Павелъ обращается къ сыну своему по вѣрѣ: „держись вѣчной жизни, къ которой ты и призванъ, и исповѣдалъ доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтелями. Предъ Богомъ все животворящимъ, и предъ Иисусомъ Христомъ, который засвидѣтельствовалъ предъ Понтіемъ Пилатомъ доброе исповѣданіе завѣщаю тебѣ соблюсти *заповѣдь* чисто и неукоризненно даже до явленія Господа нашего Иисуса Христа“ ²⁾). Очевидно, что апостоль Павелъ дѣлаетъ намекъ на слова произнесенныя Иисусомъ Христомъ предъ Пилатомъ: „Ты говоришь, что я царь. Я *на то* родился и *на то* пришелъ въ міръ чтобы свидѣтельствовать о истинѣ; всякій кто отъ истины слушаетъ гласа моего“ ³⁾). Ясно, что прекрасное исповѣданіе Тимоѳеєво должно быть тоже самое какое Иисуса Христа, касается ли оно основанія: *Иисусъ Христосъ царь, вѣчная жизнь, истина*, или относится къ обязанности служителя Божія—*воздать свидѣтельство истинѣ*. Посему долженствовало существовать исповѣданіе вѣры, которое пастыри духовныхъ стадъ своихъ должны были произносить открыто, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей: былъ первообразъ ученія, опредѣленное содержаніе котораго извѣстно было вѣрнымъ, а не то чтобы обученіе по нему происходило произвольно, *ad libitum* ⁴⁾). Вѣроятно, что это самое исповѣданіе вѣры, этотъ

1) Перв. посл. къ Тим. II, 17, 19.

2) 2 посл. къ Тим. VI, 12, 13.

3) Иоанн. гл. XVIII, ст. 37.

4) Мѣсто въ послан. къ римл. гл. XV, ст. 17, *Χάρις τῷ Θεῷ, ἵνα ἡμεῖς δοῦμεν τῆς ἀμαρτίας, ἀπὸ καρδίας δὲ ἐκ καρδίας εἰς ὃν παρεδόθητε τύπον διδασκῆς*. Греч. текстъ говорить *εἰς*, а не *κατὰ*.

первообразъ, апостолъ Павелъ называетъ заповѣдью, которую онъ такъ торжественно закликаетъ молодаго Тимофея хранить до явленія Иисуса Христа. Предостереженіе было тѣмъ благовременнѣе, что споры, пустые запросы уже начинались и знаніе (γυβσις) совершенно невѣрно такъ именовавшее себя уже выступало явственно. Въ виду этихъ обстоятельствъ апостолъ чувствуетъ необходимость засвидѣтельствовать Тимофею и Титу совершенную истину слова, которому онъ ихъ научилъ, и которое онъ заповѣдуетъ имъ проповѣдывать. Нѣсколько разъ онъ повторяетъ имъ: „вѣрно и всякаго принятія достойно слово“¹⁾ „... что... „Иисусъ Христосъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ“²⁾, что „если мы съ нимъ умерли, то съ нимъ и оживемъ“³⁾... и что „когда явилась благодать и человеколюбіе Бога Спасителя нашего... Онъ спасъ насъ... по своей милости банею возрожденія и обновленія святымъ Духомъ, котораго излилъ на насъ обильно чрезъ Иисуса Христа Спасителя нашего“⁴⁾. Что это за слово, слово или преданіе, единое и достойное быть принятымъ? — Откуда могло быть почерпнуто это исповѣданіе вѣры если не изъ преданія, устнаго ли или писаннаго? Потому что Іоанново евангеліе, единственное, передающее исповѣданіе Иисуса Христа предъ Пилатомъ, не существовало еще въ то время, когда апостолъ Павелъ писалъ посланіе свое къ Тимофею, да можетъ быть даже еще ни одно изъ трехъ евангелій синоптическихъ не было написано. Если бы оспаривали даже достовѣрность пастырскихъ посланій, то все таки необходимо должно допустить всѣми принятое преданіе въ означенномъ смыслѣ и существовавшее уже въ первомъ вѣкѣ. Нѣкоторыя выраженія этихъ посланій это подтверждаютъ: не стали бы гово-

1) I Посл. къ Тим. I, 15.—IV, 9.—2 посл. къ Тим. II, 11, 12,—къ Титу III, 8.

2) I Посл. къ Тим. I, 15.

3) 2 Посл. къ Тим. II, 11.

4) Посл. къ Титу III, 4, 8.

рить объ особенномъ наставленіи, или объ ученіи сообразномъ съ благочестіемъ, или о словѣ, заслуживающемъ вѣры и согласномъ съ этимъ наставленіемъ, если бы не было уже призначнаго основанія, если бы не было свода принятаго ученія ¹⁾. Уже, когда ап. Павелъ увѣщевалъ пастырей ефесскихъ, собравшихся въ Милетѣ, удвоить свою бдительность, онъ приводилъ имъ въ свидѣтельство, которое должно было служить правиломъ, слова Господа Іисуса Христа очевидно ссылаясь на преданіе извѣстное, переходившее отъ одной церкви къ другой. Слова Іисуса Христа ²⁾ имѣли силу закона. Апостолъ Павелъ указываетъ на нихъ съ особеннымъ удареніемъ, подобно тому какъ мы говоримъ литургія, слово Божіе... Посему мы имѣемъ полное право говорить, что, въ началѣ, въ церкви водворилось определенное и единодушное преданіе относительно лица Спасителя, Его жизни, Его смерти, Его воскресенія, Его искупленія и Его ученія ³⁾.

Единство преданія явствуетъ и изъ того, что четыре евангелія, собранныя воедино ⁴⁾, очень рано были приняты христіанами. Извѣстно, что около 125 года еретикъ Василидъ написалъ двадцать четыре книги *о евангеліи*, и что, уже въ царствованіе Адріана (117—138 г.), это сочиненіе вызвало опроверженіе со стороны Агриппы Кастора ⁵⁾. При ней, чрезъ учителя своего Подидарца, прямой наслѣдникъ ученія ев. Іоанна, приписываетъ таинственное значеніе числу четыре: есть четыре евангелія — ни больше ни меньше, четыре страны свѣта, четыре главные духа,

¹⁾ 1 посл. къ Тимое. IV, 6.—VI, 3.—2 посл. къ Тимое. I, 13, 14.—Посл. къ Титу I, 9,—II, 1.

²⁾ Дѣяній св. апост. XX, 35.

³⁾ Объ этомъ предметѣ замѣчательная статья напечатана въ англійскомъ журналѣ *Quarterly Review*. 1863, vol. CXIII, pag. 118, 119, 132.

⁴⁾ Ταχέως ἐν πρώτοις τὴν ἀρίαν τῶν εὐαγγελίων τετρακτὼν. *Eus. Hist. Eccles.*, III, 25.

⁵⁾ *Id.* IV, 7. Сравни. *Hafstede de Groot* въ упомин. соч. стр. 62.

четыре лица у херувимовъ и сіи четыре составляютъ одно ¹⁾). Правда, что Иринеѣ славился въ исходѣ II вѣка, но здѣсь кстати воспользоваться теоріею миеа извѣстнаго раціоналиста Штрауса. Для того, чтобы четыре евангелія получили совмѣстный и таинственный авторитетъ должно было пройти много времени съ той поры, какъ они обнародованы. Безъ всякаго преувеличенія можно предпологать, что Иринеѣ былъ отголоскомъ своего вѣка и даже предшествовавшаго ему, когда онъ выражается въ столь положительныхъ словахъ о достоинствѣ соединенныхъ евангелій. Спустя полтора раста лѣтъ Евсевій исчисляетъ первыхъ преемниковъ апостоловъ, живущихъ *на основаніяхъ повсюду положенныхъ апостолами*, путешествующихъ для выполненія обязанностей евангелистовъ, стремящихся возвѣщать Иисуса Христа тѣмъ, которые совсѣмъ еще не слышали слова вѣры, и передавать имъ *писанія божественныхъ евангелій*. „Нѣтъ возможности, прибавляетъ онъ, перечислить имена всѣхъ тѣхъ, которые нѣкогда во время непосредственныхъ апостольскихъ преемниковъ, были пастырями или учителями въ церквахъ; мы упоминаемъ только о тѣхъ, сочиненія которыхъ передали намъ преданіе объ апостольскомъ ученіи“ ²⁾). Эта цитата изъ Евсевія ни чуть не отзывается предположеніемъ лица предубѣжденнаго, — скорѣе это есть сказаніе историка вѣрнаго и знающаго. Можно замѣтить, что онъ не дѣлаетъ никакого различія между преданіемъ устнымъ, и тѣмъ, что онъ называетъ писаніемъ божественныхъ евангелій. Въ другомъ мѣстѣ, въ христіанской, въ языческой и въ апокрифической литературѣ I-го и II вѣка мы укажемъ на слѣды нашихъ четырехъ евангелій. Время появленія ихъ, а вслѣдствіе этого и ихъ подлинность станемъ считать пока дѣломъ принятымъ. Нашъ методъ заставляетъ насъ держаться ближе преданія, и опровергать возраженія только

¹⁾ Adv. Haer. III, 11.

²⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 37.

по времени ихъ появленія... напимѣрь въ срединѣ второго вѣка возраженіе о позднемъ происхожденіи нашихъ евангелій и, въ частности, евангелія отъ Іоанна.

Между тѣмъ намъ необходимо вывести нѣкоторыя заключенія. Въ виду нашихъ четырехъ евангелій какъ главнаго памятника преданія первобытнаго христіанства, намъ представляется на выборъ слѣдующее. Мы говоримъ: что: 1) или эти четыре евангелія не суть происхожденія апостольскаго, и въ такомъ случаѣ непонятно, почему никто не утверждалъ этого раньше, а они были приняты безъ возраженія такимъ множествомъ церквей и людей образованныхъ еще со второго вѣка! Противники ихъ, гностики, язычники, въ родѣ Цельса (Celse) не оспаривали ихъ, не сомнѣвались въ происхожденіи ихъ. 2) Или, евангелія отчасти только происхожденія апостольскаго; но кто это сказалъ? Вслѣдствіе какого разбора отыскивали настоящій апостольскій текстъ, будто обезображенный поддѣлками, или измѣненный вставками? Когда и гдѣ сказало, что такая-то страница, или такое-то мѣсто принадлежитъ апостолу Матѳею, или апостолу Іоанну, а такая-то страница или такое-то мѣсто, не его? Или лучше, разборъ былъ; разбирали, но не оспаривали апостольскаго происхожденія оставленныхъ или обойденныхъ мѣстъ; разборъ сдѣланъ былъ съ намѣреніемъ чтобы согласить евангелія съ мнѣніями іудействовавшихъ или гностиковъ, и показать въ чемъ они отстаютъ отъ ученія апостоловъ Петра или Павла; точно такъ какъ еслибы кто при разборѣ твореній Паскаля или Іосифа де Местра сталъ выдѣлять только однѣ христіанскія и нравственныя мысли, оставляя въ сторонѣ то, что показалось ему непріятнымъ, спорнымъ, или преувеличеннымъ, и объявлять, что въ такихъ-то пунктахъ онъ расходится съ Паскалемъ, и съ І. Местромъ. Изъ того, что онъ не одобряетъ въ цѣломъ сочиненій этихъ писателей, слѣдуетъ ли заключить, что онъ считаетъ ихъ не достовѣрными или подозрительными? 3) Или только три

наши евангелія суть происхожденія апостольскаго, а не четвертое. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ кто противъ него протестовалъ? когда начался этотъ протестъ? Кто изъ членовъ церкви или изъ еретиковъ отвергалъ достовѣрность евангелія отъ Іоанна?—Откуда, по мнѣнію недовольныхъ, произошло четвертое евангеліе?—Утверждаютъ, что это евангеліе не отъ Іоанна,—отъ кого же оно? потому что не достаточно только отвергать,—надобно объяснить. Отвергали четвертое евангеліе не потому, что оно не было Іоанново, но насколько было Іоанново¹⁾. Главное возраженіе, противопоставляемое достовѣрности этого евангелія, по порядку свидѣтельствъ, почерпается изъ того, что епископъ Палій умалчиваетъ о немъ въ коротенькомъ отрывкѣ, приводимомъ Евсевіемъ, а на первыхъ страницахъ нашей книги мы сказали, съ какою осторожностію должно относиться къ молчанію въ исторіи²⁾. 4) Или, наконецъ, четыре евангелія суть происхожденія апостольскаго, но исполнены заблужденій и ложныхъ идей; они происходятъ отъ апостоловъ Іисуса Христа, но отъ апостоловъ не просвѣщенныхъ еще великою наукою—гностицизмомъ. Это суть произведенія, въ которыхъ отражается духъ партіи; составители ихъ употребили хитрость; они такъ искусно прикрыли свое намѣреніе, что того и подозрѣвать нельзя. Только въ XIX столѣтіи смѣлый изслѣдователь, Тюбингенскій профессоръ Бауръ, послѣ продолжительныхъ розысканій открылъ, что евангеліе отъ Луки есть произведеніе одного христіанина, желавшаго примирить партіи апостоловъ Петра и Павла; или болѣе, составители евангелій инстинктивно придали Іисусу Христу собственные свои взгляды; они искусно подобрали факты и рѣчи, имъ не слѣдуетъ довѣрять; ихъ христіанство не есть христіанство Іисуса Христа.... По

¹⁾ Приведемъ одно исключеніе: незначительная секта алоговъ появившаяся во II вѣкѣ, отрицала достовѣрность евангелія отъ Іоанна.

²⁾ Статья Papias въ Real-Encyclopedie de Herzog. Vol. XI.

крайней мѣрѣ вотъ положеніе ясное и открытое, вотъ заключенія ясности не прикровенной! Такъ думали нѣкоторые еретики первыхъ вѣковъ. Но церковь, судила иначе; въ самое первое время она вѣрила въ эти апостольскія евангелія; она вполне подчинялась ихъ авторитету, и, извергая изъ среды своей еретиковъ всякаго оттѣнка, она заявила, что, по ея убѣжденію, не было другаго Иисуса Христа воображаемаго или познаннаго кромѣ исповѣданнаго апостолами, ни другаго христіанства, кромѣ возвѣщеннаго апостолами, ни иной церкви достойной этого наименованія кромѣ установленной апостолами ¹⁾).

VI.

Что апостольское преданіе было господствующимъ въ христіанствѣ, что со II вѣка оно отождествилось съ четырьмя евангеліями, это видно изъ вынужденной скромности еретиковъ прикрываться въ своихъ мнѣніяхъ его авторитетомъ. Въмѣсто того, чтобы откровенно сознаться, что они, какъ ихъ послѣдователи XIX вѣка, въ одномъ своемъ сознаніи и въ одномъ своемъ разумѣ находятъ оправданіе событій жизни Иисуса Христа и ихъ объясненіе, они ощущаютъ необходимость какимъ бы то ни было образомъ пристать къ апостоламъ и къ ихъ писаніямъ, потому что это свидѣтельство одно было авторитетнымъ и вполне авторитетнымъ ²⁾).

Итакъ въ свѣтъ пущены были *апокрифическія книги*... Но, да позволено намъ будетъ изложить здѣсь, мимоходомъ, свойство и разные виды вопроса объ апокрифической литературѣ. Подлогъ въ литературѣ можетъ быть различнаго рода. Во первыхъ, самый простой и обыкновенный подлогъ состоитъ въ томъ, чтобы, изъ тщеславія, прикрыть

¹⁾ Godet, Commentaire sur l'évangile de saint Luc, I. pag. XL— XLIII.

²⁾ Ewald. Nachapostol, Zeitalter, pag. 154.

частныя свои произведенія какимъ нибудь извѣстнымъ, отличнымъ именемъ, или хладнокровно и съ расчетомъ сочинить лживыя статьи, необходимыя для дѣла или извѣстнаго лица. Такъ въ Римѣ въ царствованіе императора Августа, ходили подложныя сочиненія Пиеагора, которыя приписывали Обасу (Jobas) изъ Ливіи ¹⁾. Нѣкоторые разговоры Платона считаются не ему принадлежащими. Творенія Аристотеля не обошлись безъ поддѣлки. Въ средніе вѣка, во время папскаго владычества, пользуясь общимъ невѣжествомъ и легковѣріемъ, насочиняли разнаго рода книгъ благопріятствовавшихъ притязаніямъ римскаго епископа ²⁾. Въ новѣйшее время появились любопытныя, подложныя современнаго изобрѣтенія, свѣдѣнія о нѣкоторомъ Тигелліи (Tigellius), поэтѣ острова Сардиніи, о которомъ упоминаетъ Гораций. Поддѣльщикъ, самъ сардинецъ, желая прославить литературную исторію своего острова за 2000 лѣтъ, взялъ смѣлость обнародовать стихотворенія подъ именемъ этого пѣвца временъ Августа Кесаря ³⁾.

Другіе, изъ числа даже самыхъ совѣстливыхъ писателей, не затрудняются впадать въ уста своихъ героевъ или современниковъ воображаемыя рѣчи. Можно указать на рѣчи, которыя Титъ Ливій и Фукидидъ заставляютъ произносить государственныхъ людей и полководцевъ своего времени. Они не имѣли цѣлю обманывать публику, но имъ нравилась ораторская форма. Это было средствомъ для заявленія своихъ наблюденій или для проведенія своихъ частныхъ мнѣній. Недавно еще *Le Disciple de Jesus-Christ* (ученикъ Иисуса Христа)—религіозное Обзорѣніе, издающееся въ Парижѣ, обнародовало такъ называемое письмо папы ко всѣмъ отцамъ присутствовавшимъ на соборѣ, и ввело въ обманъ одного изъ профессоръ богословія. Увы! эта про-

¹⁾ Preller, Real—Encyclop., статья Libri, pag. 1040.

²⁾ См. стр. 10 этого сочиненія, примѣч. 1.

³⁾ Nouveau Lundis, Paris, 1867, VIII, pag. 382—387.

грамма была не что иное какъ вымысль и еще вымысль не внушенный самимъ святымъ отцомъ ¹⁾).

Другой видъ подлога, еще болѣе удобный чѣмъ упомянутые, и болѣе употребительный во времена невѣжества— это вставки. Искусно вставляютъ въ текстъ между двумя фразами или между двумя словами такія подробности, такіе отрывки, которые идутъ къ дѣлу и получаютъ шансы на успѣхъ. Настоящій авторъ или писатель, по вашему мнѣнію не довольно, или слишкомъ много сказалъ, и нѣсколькими словами ловко вставленными, вы поправляете слабое дѣйствіе его молчанія или его словъ. Приведу въ подтвержденіе этого два примѣра: историкъ еврейскій Іосифъ Флавій въ сочиненіи своемъ о еврейскихъ древностяхъ, воздаетъ Іисусу Христу слишкомъ очевидную и слишкомъ явную похвалу до невѣроятности. Въ посланіяхъ епископа кареагенскаго Кипріана встрѣчается нѣсколько вставокъ, благопріятствующихъ притязаніяхъ римскаго престола. Вообще приверженцы папства широко пользовались этимъ средствомъ для доказательства своихъ правъ.

Критика, предупрежденная относительно этихъ продѣлокъ, подвергаетъ строгому разсмотрѣнію статьи и книги ей предлагаемыя. Иногда у поддѣльщиковъ тайна сама собою вынаруживается. Въ поддѣльныхъ сочиненіяхъ проявляются бьющія въ глаза ошибки во времени, или грубые промахи—бываютъ не соблюдевы ни мѣстный колоритъ, ни языкъ времени. Извѣстные автографы древняго времени, напримѣръ славнаго Луки, написаны на бумагѣ новѣйшей фабрикаціи и чернилами подозрительной старины. Или встрѣчаются такъ называемые автографы одного и того же письма. Иногда открываются продѣлки поддѣльщиковъ: такимъ образомъ мнимыя письма несчастной Маріи Антуанетты составлены были, при помощи современныхъ жур-

¹⁾ Le disciple Jesus-Christ, обзорніе либеральнаго христіанства, 1870 г. pag. 16—83.

наловъ и записокъ; лжесочинитель потрудился только описать дѣло. Имѣли въ виду естественное любопытство публики и заставляли королеву выражать самыя трогательныя изліянія въ тѣ дни и въ тѣ часы, когда судьба ея была самая страшная¹⁾. Коль скоро дѣлается замѣшаннымъ какой-нибудь интересующій мотивъ, критика уже становится на сторожъ. Гнѣвъ однихъ, восторженность другихъ, духъ мщенія, слѣпой фанатизмъ, нетерпѣніе, могли приводить, и не разъ приводили къ тѣмъ или другимъ, къ благочестивымъ или къ свѣтскимъ подлогамъ.

Впрочемъ въ самыхъ достовѣрныхъ исторіяхъ нѣкоторыя обстоятельства, по справедливости, могли внушить подозрѣніе къ тому или другому разказу. Выше мы упомянули о рѣчахъ, составленныхъ Титомъ Ливіемъ и Фукидидомъ для своихъ героевъ; правдоподобно ли чтобы, за минуту предъ сраженіемъ, полководецъ обращался къ войскамъ своимъ съ обдуманною рѣчью, или чтобы государственный человѣкъ въ критическихъ случаяхъ, требующихъ неотложнаго рѣшенія пускался въ ученые изслѣдованія въ виду своихъ почитателей или противниковъ. А сверхъ сего то, что эти великія лица могли бы иногда сказать по праву, не согласно съ тѣмъ, что они дѣйствительно сказали. Если въ наше время нѣкоторые ораторы въ палатахъ, читая въ журналахъ произнесенныя ими рѣчи удивляются тѣмъ прекраснымъ вещамъ, которыя они сказали, или приходятъ въ негодованіе отъ приписываемыхъ имъ промаховъ и пошлостей, то не одинъ изъ героевъ древности, читая приписываемое ему, испыталъ бы подобныя же впечатлѣнія... Критика права, когда она указываетъ на невѣроятности престаупающія границы. Такъ, когда какой-нибудь ораторъ объясняетъ предметы и явленія, находящіяся на далекомъ отъ него разстояніи, представляетъ присутствующими давно уже умершихъ, или

¹⁾ Geoffroy, въ упомянут. соч. II стр. 332, 339—344.

дѣйствовавшихъ на совѣтъ другомъ поприщѣ. Какъ изъ стражей гроба Господня такой свидѣтель долженъ быть изболченъ въ наивности, который спалъ и все таки видѣлъ то, что происходило во время его сна. Очевидно, что подобныя свидѣтельства указываютъ на апокрифическое ихъ происхожденіе.

Требуется еще большая проникаемость чтобы открыть вставки вкравшіяся въ текстъ. Если встрѣчается перерывъ въ теченіи мысли, то, вѣроятно, что мѣсто нарушающей связь введено постороннею рукою. Когда къ этимъ вѣроятностямъ подложности присоединяются еще наружныя доказательства поздняго происхожденія подозрительнаго мѣста, то вставка очевидна. Критика, по справедливости, не довѣряетъ этимъ неожиданнымъ декларациямъ, льстящимъ извѣстному народу, партіи, семейству, церкви, которыя попадають на глаза читателю въ какомъ либо разсужденіи или въ письмѣ, гдѣ они стоятъ не кстати. Она подозрѣваетъ, что заставили послѣ говорить какого нибудь писателя или отца церкви то, что приличествовало бы ему сказать. Какъ теперь въ Римѣ, въ катакомбахъ, выкапываютъ кости неизвѣстныхъ святыхъ, и потомъ сочиняють дѣянія ихъ жизни, или ихъ мученичество; такъ точно прежде пытались приписывать именитымъ писателямъ мнѣнія или намѣренія для себя пріятныя. Сначала желаніе порождено рѣчи и замѣчанія, а впоследствии чтобы не возмущать простодушныхъ, или чтобы усыпить послѣдніе слѣды недоувѣрчивости, легко вставляли сіи драгоценныя свидѣтельства въ самый текстъ сочиненія писателя.

Между тѣмъ и критика сама должна избѣгать подводныхъ камней. Вошедши во вкусъ своего ремесла, она сдѣлалась слишкомъ строгою. Разсматривая сочиненія въ увеличительное стекло, она открываетъ всякаго рода несообразности и противорѣчія, недоступныя не вооруженному глазу. Сочиненія безспорно подлинныя представляя искаженными ложными вставками, она въ свою очередь впадаетъ въ невозможное, въ неправдоподобное, въ нелѣпое; злая кри-

тива дѣлаетъ ненавистною добрую критику. Повѣрятъ ли что, въ XVII столѣтїи аббатъ Гардуэнъ (Hardouin) со всею важностію утверждалъ, что мнимыя классическія творенія греческихъ и римскихъ писателей были апокрифическими произведеніями монаховъ XIII столѣтїя?—Нѣкоторые отрывки изъ сочиненій Цицерона и Плинія, Георгіки Виргилія, сатиры и посланія Горация — вотъ все, что осталось намъ достовѣрнаго изъ древней литературы! — Энеида же была твореніемъ одного бенедиктинскаго монаха, который пожелалъ аллегорически описать путешествіе Петра и Павла въ Римъ!...¹⁾ Въ послѣднее время доказаны рѣзкіе промахи слишкомъ недоувѣрливой критики. Чего не было говорено противъ достовѣрности писемъ знаменитаго путешественника Ливингстона, привезенныхъ въ Англію Стэнли!— Ихъ упрекали въ многочисленныхъ географическихъ ошибкахъ, и самъ предсѣдатель лондонскаго географическаго общества Раулинсонъ (Rawlinson) заявилъ полное свое къ нимъ недоувѣріе. Нѣкто Бикъ (Беке), въ открытомъ засѣданіи въ Брайтонѣ, утверждалъ, что источники Нила не могли находиться въ той части Африки, въ которой они доказаны Ливингстономъ: къ этому прибавляли еще что и слогъ писемъ не Ливингстоновъ. Одинъ изъ очень распространенныхъ журналовъ находилъ, что живой и шутливый слогъ ихъ не приличенъ важности миссіонера. Самыя наиболѣе уважаемыя газеты европейскія *le Temps*, *le Journal des débats*, *Times* заявили свое сомнѣніе, и сочли г. Стэнли хвастуномъ американскимъ. Нью-Йоркскій журналъ *Herald* къ одному изъ своихъ номеровъ приложилъ *fac-simile* письма адресованнаго Ливингстономъ къ г. Беннетту, которому принадлежало это періодическое изданіе, и, на другой день, другой Нью-Йоркскій журналъ *Sun*, перепечаталъ это письмо и представилъ *fac-simile* письма адресованнаго нѣкогда прежде Стэнли къ одному изъ своихъ друзей. Меж-

¹⁾ Forsyth, въ упомянут. соч. стр. 2, 3.

ду тѣмъ, по странному совпаденію, оба почерка походили одинъ на другой до такой степени, что можно было утверждать, что оба письма написаны были одною и тою же рукою, а вслѣдствіе сего послѣдній журналъ вывелъ заключеніе, что послѣ такого открытія трудно повѣять какъ г. Стэнли можетъ поддерживать то что онъ отыскалъ Ливингстона, что онъ получилъ отъ него и привезъ въ Европу огромное количество разныхъ сообщений имъ подписанныхъ. Другой американскій журналъ World сдѣлалъ замѣчаніе, что письмо представленное журналомъ Herald, адресованное къ г. Беннетту сыну, было адресовано къ г. Беннетту отцу, потому что въ то время, когда оно было писано, Ливингстонъ не зналъ, что Беннеттъ—отецъ умеръ. Кромѣ того этотъ послѣдній журналъ въ письмѣ приписываемомъ Ливингстону замѣтилъ ошибку правописанія, которой ученый изслѣдователь Африки никакъ не могъ сдѣлать.

Не смотря на эти сомнѣнія и нападки печать европейская повѣрила встрѣчѣ Стэнли съ Ливингстономъ, и предсѣдатель лондонскаго географическаго общества Раулинсонъ, самъ отдавъ справедливость правдивости Стэнли, призналъ достовѣрными письма доставленные ему отъ Ливингстона ¹⁾). Изъ всего этого вытекаютъ драгоцѣнные заключенія: прежде всего критикъ не должно вѣрить на слово, когда она сама по увлеченію и придирчивости запутывается въ безвыходныя затрудненія, а за тѣмъ существованіе апокрифическихъ произведеній не можетъ служить доказательствомъ противъ подлинности всѣхъ существующихъ произведеній; напротивъ, оно скорѣе можетъ доказывать существованіе подлинныхъ. Но въ особенности изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что подложность нѣкоторыхъ документовъ не уполномочиваетъ еще насъ, во чтобы то

¹⁾ Отсылаемъ читателя къ оправданнымъ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ концѣ сочиненія Стэнли: How I found Livingstone.

ни стало, сомнѣваться въ дѣйствительности фактовъ въ нихъ записанныхъ и отмѣченныхъ.

Приложимъ эти принципы къ предмету, который насъ занимаетъ — къ апокрифическимъ книгамъ Новаго Завѣта. Мы говорили, что въ церкви, съ первыхъ еще временъ были въ обращеніи книги съ именами апостоловъ, или ихъ сподвижниковъ, напримѣръ, Аристіона, Іоанна пресвитера. Кромѣ письма къ Авгарю, царю едесскому, усвоеннаго Іисусу Христу, другихъ произведеній не приписывали Спасителю. Это доказываетъ, что въ то время когда появилась апокрифическая письменность, существовали только писанія апостоловъ или близкихъ къ нимъ. Еще прежде написанія четвертаго евангелія дѣлали эти литературные подлоги. Еретикъ Керинѣъ, современникъ св. апостола Іоанна, составлялъ апокрифическія откровенія (апокалипсисы) ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что уже за долго до этого христіанская церковь владѣла апостольскими писаніями и даже апостольскими евангеліями, признанными подлинными ²⁾; подлинникъ предшествуетъ подлогу. Постепенно и въ разное время въ церкви первыхъ вѣковъ появились: евангеліе египтянъ ³⁾, евангеліе Петрово, евангеліе евреевъ, называемое тоже евангеліемъ апостоловъ, евангеліе св. Фомы и Матеія, Дѣянія апостоловъ Андрея и Іоанна ⁴⁾. Около 170 года Коринѣскій епископъ Діонисій жалуется, что поддѣлываютъ его писанія, какъ это дѣлалось, говоритъ онъ, съ писаніями Господа І. Христа ⁵⁾. Современникъ его только старѣйшій его, Папій, свѣдущій въ христіанской литературѣ, заявляетъ, что по этой причинѣ онъ предпочитаетъ свидѣтельство живой рѣчи, а между тѣмъ этотъ самый писатель повѣствуетъ о происхожденіи евангелій отъ Маттея

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 28.

²⁾ Ewald. Nach-apostol. Zeitalter, pag. 500, 501.

³⁾ Clem. Alex. Strom. III, 9.

⁴⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 25; VI, 12,

⁵⁾ Тамъ же. IV, 23.

и отъ Марка, слѣдовательно онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на вѣрный отголосокъ живой рѣчи ¹⁾). Вообще, апокрифы суть поддѣлки твореній каноническихъ ²⁾), посему стоятъ того, чтобы на нихъ указать. Понятно, что мы говоримъ только о древнѣйшихъ апокрифахъ.

Христіанство, приходя въ столкновеніе съ языческою и съ іудейскою философіею, должно было выдержать новыя нападки. Мыслители или мечтатели того времени не могли смотрѣть съ презрѣніемъ на новое ученіе столь полное соковъ и столь крѣпкаго роста. Но ихъ привлекала только *идея*; къ исторіи же они оставались равнодушными. Посему философъ, присоединяясь къ церкви, не становился на историческую ея почву ³⁾). Гностики и іудействовавшіе желали имѣть священныя книги по образцу своихъ частныхъ доктринъ. Итакъ чего проще было какъ слегка передѣлать, пополнить, очистить въ своемъ смыслѣ принятыя уже документы, особливо же первыя три евангелія? При такомъ взглядѣ, вставкамъ они должны были оказать большее предпочтеніе предъ чистыми и простыми поддѣлками; онѣ считались болѣе удобными и пригодными для достиженія предположенной цѣли.

Такимъ образомъ появилось евангеліе египтявъ—какъ будто Египетъ предопредѣленъ былъ стать страной сектъ и философій! Гностики различныхъ оттѣнковъ Докеты, Энкратиты, Савелліане питали такое же уваженіе къ евангелію египетскому, какъ іудействовавшіе къ евангелію евреевъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже ⁴⁾). Эта книга, бывшая въ употребленіи особливо у египетскихъ христіанъ

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 39.

²⁾ Hofstede de Groot въ упом. соч. pag. 76. Reuss., въ упом. соч. §§ 245—246.—Hertwig, Tabellen zur Einleit. ins Neue Testament, pag. 8—11.

³⁾ Reuss. въ упом. соч. § 244.

⁴⁾ Kirchofer, Quellensammlung, Zurich, 1844, pag. 467.—Reuss, въ упомянут. соч. § 245.

заключала въ себѣ собраніе свѣдѣній о жизни и объ ученіи Іисуса Христа, и, казалось, была очень древняго происхожденія. Характеръ ея мистическій; по содержанію своему она влагааетъ въ уста Спасителя странныя заявленія, отзывающіяся египетскою странною. Нѣкоторые учителя церкви II и III вѣка, Климентъ александрійскій и ученикъ его Оригенъ пользовались ею, и сохранили намъ изъ нея нѣкоторые отрывки. По словамъ ея Іисусъ Христосъ говорилъ, что царство Его прійдетъ тогда, когда не будетъ на землѣ ни мужчины ни женщины, что смерть до тѣхъ поръ будетъ существовать, пока женщина будетъ рождать, что Онъ приходилъ разрушить дѣла женщины т. е. рожденіе и смерть¹⁾. Это евангеліе опиралось, кажется на Евангелистовъ Маттея и Луку.

Другія сказанія, похожія на наши евангелія, которыя были употребляемы древнѣйшими христіанскими общинами, можно свести только къ двумъ quasi-евангеліямъ, которыя и по источникамъ своимъ, и по способу изложенія напоминаютъ евангелія отъ Маттея. Одно, еврейское евангеліе или отъ евреевъ, было приписываемо апостолу Маттею; другое, на греческомъ языкѣ, очень похожее на предъидущее, носило названіе апостола Петра; оба они были въ употребленіи у христіанъ еврейскаго происхожденія жившихъ въ Палестинѣ и въ ближайшихъ къ ней земляхъ²⁾. Отцы церкви утверждаютъ, что евангеліе евреевъ есть то же самое евангеліе отъ Маттея, написанное первоначально на арамейскомъ (сирійскомъ) языкѣ, а потомъ переведенное на греческій языкъ. Но какъ арамейскій текстъ во II вѣкѣ сохранился только у назорейанъ или эвѣонитовъ, т. е. у христіанъ, оставшихся вѣрными іудейству, то порча не замедлила въ него проникнуть; въ немъ допущены были дополненія подъ видомъ парафразовъ; въ то же самое время онъ

¹⁾ Kirchhofer, pag. 467—468.

²⁾ Reuss въ упом. соч. § 197—199.—Сравн. Euseb. Hist. eccles. III, 25.

упалъ во мнѣвіи христіанъ православныхъ и наконецъ, съ окончательнымъ упадкомъ эвѣонитовъ, онъ сошелъ на степень апокрифическаго произведенія ¹⁾). Въ концѣ II вѣка нѣтъ уже слѣдовъ его существованія ²⁾). Евангеліе евреевъ повторяетъ повѣствованіе евангелія Маттея измѣненное по мѣстамъ ³⁾). Большая часть мѣстъ его сходны съ подлиннымъ текстомъ четырехъ евангелій, и въ особенности съ текстомъ Маттея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлены слова благопріятствующія понятіямъ іудейскимъ. Такимъ образомъ въ уста Іисуса Христа (Лук. XXII, 16) оно влагаетъ слова: „я не буду вкушать мяса до тѣхъ поръ пока не совершится Пасха въ царствіи Божіемъ“,—потому что эвѣониты не употребляли мяса ⁴⁾). Въ другихъ мѣстахъ разсказъ переполненъ незначительными или даже неприличными подробностями, какъ напримѣръ, что человекъ которому Іисусъ Христосъ исцѣдилъ сухую руку, будто бы былъ каменщикъ ⁵⁾, а юный богачъ представленъ почесавшимъ себѣ голову при вопросѣ Іисуса Христа. Господь же упрекалъ его въ томъ, что у него есть домъ полный всякаго добра, между тѣмъ какъ многіе изъ братьевъ его — сыны Авраамовы—покрыты язвами и умираютъ съ голода ⁶⁾). Іисусъ Христосъ воскресши, вручаетъ плащаницу, которою онъ былъ обвить, служителю первосвященника, идетъ къ апостолу Іакову, и является ему потому, что сей послѣдній поклялся не вкушать хлѣба съ того часа, какъ онъ пилъ чашу Господню, до тѣхъ поръ, пока не увидитъ его воскресшимъ изъ мертвыхъ ⁷⁾). Въ другомъ мѣстѣ заставляеть

¹⁾ Ebrard, *Wissenschaftliche Kritik der Evangelien*, dritte Auflage. pag. 992.—Сравн. Tischendorf, *A quelle époque etc.* pag. 15 и примѣч. 1.

²⁾ Kirchofer, въ упом. соч. стр. 461, примѣч. 48.

³⁾ Тамъ же, стр. 452, примѣч. 17.

⁴⁾ Тамъ же стр. 460.

⁵⁾ Kirchofer, pag. 454.

⁶⁾ Тамъ же въ упомян. соч. pag. 450.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 453.

говорить Иисуса Христа въ такихъ выраженіяхъ, которыя скорѣе напоминаютъ слоги Корана нежели евангелій: „Мать моя, Духъ святой, схватила меня за одинъ изъ моихъ волосъ и перенесла меня на высокую гору Фаворъ“ ¹⁾. У эвѣонитовъ были устные преданія, сильно отражавшія на себѣ іудейство, изъ которыхъ почерпались эти странныя свѣдѣнія. По понятіямъ эвѣонитовъ Иисусъ Христосъ былъ только простой человѣкъ, посланія апостола Павла не имѣли никакой важности, апостолъ Павелъ былъ отступникъ, и евангеліе евреевъ одво имѣло значеніе. Въ этомъ евангеліи вовсе не говорится о сверхъестественномъ рожденіи Иисуса Христа ²⁾. Другое евангеліе, апостола *Петра*, намъ весьма мало извѣстно. Изъ того немногаго, что мы знаемъ о немъ, можно заключать, что оно очень было сходно съ евангеліемъ евреевъ — если даже не было тождественно съ нимъ ³⁾. Оригенъ говоритъ, что, по сказанію этого евангелія, Иисусъ Христосъ былъ сынъ Іосифа и Маріи; прочіе же сыновья Іосифа были отъ перваго брака. Къ сему Оригенъ прибавляетъ, что это Евангеліе отвергнуто, такъ какъ оно не было ни Петрово, ни другаго боговдохновеннаго писателя ⁴⁾.

Для большей полноты необходимо присовокупить, что евангеліе, называемое Маркіоновымъ, о которомъ упоминается во II вѣкѣ, есть евангеліе ев. Луки, укороченное ⁵⁾.

Итакъ очевидно, что отъ апокрифическихъ евангелій первыхъ двухъ вѣковъ, намъ остались только обезображенные и незначительные отрывки. Вѣроятно, по признанію неспособности, не приступали къ составленію собственно

¹⁾ Тамъ же, pag. 451.—Примѣч. 12.—На Востоѣхъ сохранились нѣкоторыя изъ гностическихъ басней, и были внесены въ Коранъ Магомета. Reuss § 263.

²⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 27.—Graaf, въ упом. соч. II, pag. 477.

³⁾ Kirchhofer, pag. 465, примѣч. I.

⁴⁾ Тамъ же стр. 466.

⁵⁾ Reuss, § 246, примѣч. 6.—Мы не говоримъ о тѣхъ, заглавіи которыхъ не имѣемъ.

такъ называемыхъ евангелій. Въ продолженіе всей первой половины II вѣка являть рѣчи объ евангеліяхъ вновь составленныхъ. Каноническія евангелія служатъ всегда основою для апокрифовъ. Еретики Керинезъ, Карпокротъ, Василідъ, Апеллесъ довольствуются тѣмъ, что пополняютъ, или сокращаютъ принятый текстъ ¹⁾. Они занимались тѣми сторонами исторіи Спасителя, которыя были пройдены молчаніемъ четырьмя каноническими евангеліями; утрачивались также въ составленіи апокалипсисовъ и дѣяній св. апостоловъ ²⁾. Евангелія, такъ называемыя дѣтства, восполняющія свѣдѣнія о родителяхъ Иисуса Христа, о первыхъ годахъ жизни божественнаго младенца, всѣ болѣе или менѣе приближаются къ *Первоевангелію* (Protevangile) апостола Іакова, слѣды котораго встрѣчаются у Оригена въ III вѣкѣ, но нѣкоторые изъ его сказаній появились уже въ II вѣкѣ ³⁾. Какъ бы то ни было, но вмѣстѣ съ достовѣрными свѣдѣтельствами христіанства появились съ самаго начала подозрительныя сочиненія, трактовавшія объ ученіи и объ исторіи евангельскихъ; они произошли или отъ нетерпѣливаго любопытства вслѣдствіе молчанія св. писанія, или отъ различныхъ стремленій, проявлявшихся въ областяхъ, гдѣ процвѣтало христіанство. Апокрифы обнаруживаютъ эти различія, но они не доказываютъ того, что въ основаніе ихъ не входили общепринятое ученіе и евангельская исторія. Они не появились бы въ свѣтъ, не имѣвши основаніемъ дѣйствительной исторіи. Итакъ существованіе ихъ

¹⁾ Reuss, § 245.

²⁾ Тамъ же § 251. Статья Hofman въ Herzog, Real. Encyclop.—sur les Pseudépigraphes de l'Ancien Testament & les Apocryphes du Nouveau, XII, pag. 320, 321, 324.

³⁾ Слѣды сказаній первоевангелія Іакова встрѣчаются у Іустина мученика въ частности. (Dialog. с. Tryphon, с. 78; Apol. I, с. 32; Dial. с. Tryph. с. 47; Тамъ же с. 35).

представляетъ важное вѣдѣніе въ пользу происхожденія каноническихъ евангелій отъ апостоловъ, и въ то же время доказываетъ, что наши четыре евангелія извѣстны были съ апостольскаго вѣка, и распространены были вездѣ, гдѣ только образовались христіанскія общины ¹⁾.

Не мѣнѣе драгоцѣннымъ доказательствомъ довѣрія, которыми пользовалось апостольское преданіе въ здоровыхъ и въ нездоровыхъ развѣтвленіяхъ первобытнаго христіанства служить обращеніе еретиковъ, за недостаткомъ апокрифическихъ книгъ, къ частному устному преданію, которое они тоже производили по прямой линіи отъ апостоловъ, или отъ ихъ сподвижниковъ. Они считали себя хранителями тайнственнаго ученія, и, подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ, вивали въ души простыхъ ядь своихъ заблужденій. Такимъ образомъ Василідъ, въ первой четверти II вѣка, ссылался на свидѣтельство апостола Матеія (Matthias), и самъ называлъ себя ученикомъ Главкія (Glaucias) истолкователя апостола Петра ²⁾. Валентинъ, другой извѣстный въ эту эпоху еретикъ, былъ слушателемъ Θεодосса родственника (γυνεώριος) апостола Павла. Маркіонъ Синопскій хвалился преимуществомъ въ вѣдѣніи спасенія и въ знаніи высшей науки предъ своими соперниками въ ереси; онъ выдавалъ себя за сообщника апостоловъ или ихъ сподвижниковъ, и, вѣроятно, пользовался этою мнимою короткостію для обезпеченія своихъ частныхъ взглядовъ на противоположность между Богомъ іудеевъ — богомъ низшимъ, ревнивымъ, ограниченнымъ и высшимъ — Богомъ христіанъ ³⁾. Мнимыя разъясненія, сообщенныя симъ начальникомъ секты подъ печатію тайны, служили имъ средствомъ къ исправленію изъ устнаго преданія мало благопріятнаго имъ текста общепринятыхъ евангелій. Или дѣло было еще проце

¹⁾ Kirchofer, pag. 469.

²⁾ Hofstede de Groot, въ упомян. соч. стр. 4, 5.

³⁾ Clem. Alex. Stromates, Lib. VІІ, 17.

и подвергалось еще меньшему оспариванию,—тексту евангелій придавали мистическій смыслъ или иносказательный въ родѣ того, какой даже теперь ученики Сведенборга придаютъ книгамъ св. писанія ¹⁾. Валентиниане, на примѣръ, различали три степени ученія Иисуса-Христа: 1) ученіе обрзное (tyrique) и мистическое, 2) ученіе приточное и загадочное, 3) ученіе ясное и точное ²⁾. Различіе это вѣрно, но извѣстно, что вооружившись такими способами толкованія можно заставлятъ говорить священный текстъ то, что угодно. Сочинитель Клементинъ—религіозной повѣсти конца II вѣка, злоупотребляя толкованіемъ писаній, влагаетъ въ уста апостола Петра слова, совершенно недостойныя. Склоняясь самъ къ гностицизму, онъ выставляетъ намъ въ свою очередь того же апостола, не обращающимъ вниманія на буквальный смыслъ и толкуетъ евангеліе отъ Маттея въ смыслѣ благоприятномъ своимъ взглядамъ ³⁾.

Какъ бы то ни было, а эти поддѣлки, эти искаженія или исправленія, эти извращенія естественнаго смысла, безспорно возвышаютъ авторитетъ первобытнаго апостольскаго преданія.

А единство богослужебнаго (религіознаго) языка этихъ временъ не указываетъ ли, съ своей стороны, на господствовавшее единство вѣры? Иисусъ Христосъ и апостолы говорили вѣроятно на арамейскомъ языкѣ; офиціальныи языкъ владыкъ міра—римлянъ былъ латинскій, а между тѣмъ вся литература первобытной церкви—каноническая, апокрифическая, еретическая, была издана на греческомъ языкѣ. То, что первоначально появлялось на арамейскомъ, на сирійскомъ или на латинскомъ языкахъ, немедленно переводилось на греческій, и греческій языкъ имѣлъ высокую

1) Hofstede, pag. 43, 52, 58, 59.

2) Clem. Alex. Fragmenta.

3) T. C. Varr, Dogmengeschichte, I, A, pag. 155.

честь сдѣлаться священнымъ языкомъ христіанства, языкомъ новаго завѣта. Если бы церкви исповѣдывали различныя вѣрованія, то не стремились ли бы онѣ организовать въ національныя церкви, съ національными нарѣчіями? Такимъ образомъ произошла бы церковь палестинская, церковь египетская, церковь сирійская, церковь греческая и латинская. Но, нѣтъ; эти различія не проявляются ни въ апостольскій вѣкъ, ни въ послѣдующее время. Церкви свѣрѣпляется какъ одно тѣло на подобіе имперіи, и единство преданій неволью отражается безъ предварительнаго опредѣленія и безъ взаимнаго соглашенія—въ единствѣ богослужебнаго языка ¹⁾. То правда, что греческій языкъ новаго завѣта не есть класическій, но поэтому онъ есть самый достовѣрный ²⁾. Это разговорный греческій языкъ, натуральный, а не книжный ³⁾.—Этотъ языкъ составленъ для религіи, а преданіе тѣмъ менѣе рисковало подвергнуться испорченности на этомъ языкѣ евангелій—неподражаемомъ образцѣ гибкости и простоты.

Апостольское преданіе, подобно великой рѣкѣ, течетъ безъ перерыва въ продолженіи перваго и втораго вѣковъ. Чистѣйшія воды ея суть тѣ, которыя она воспринимаетъ отъ четырехъ евангелій, но, въ теченіи своемъ, она принимаетъ другіе не столь значительныя притоки, смѣшивающіе воды свои съ ея водами. Если она заключаетъ или воспринимаетъ нечистые притоки, которые со временемъ потеряются или исчезнутъ въ чистѣйшихъ потокахъ, то она также увеличится отдѣльными ручейками приносящими ей съ разныхъ сторонъ новыя богатства.

¹⁾ Даже въ самомъ Римѣ, въ первые три вѣка по Р. Х., греческій языкъ былъ официальный въ церкви. См. выше ст. 70, примѣч. 2.

²⁾ Grau, въ упомянут. соч. I, pag. 53.

³⁾ Quarterly Review въ упомянут. статьѣ, стр. 108, 109.

VII.

Апостолы совершили свое земное поприще. Прежде чѣмъ окончательно разстаться съ ними, прежде чѣмъ спуститься по теченію преданія въ полный II вѣкъ, кстати будетъ освѣдомиться—не упоминаетъ ли современная исторія I-го вѣка объ I. Христѣ. Древнѣйшій документъ, упоминающій о немъ, за исключеніемъ Новаго Завѣта, есть одно письмо язычника, расположеннаго къ христіанству, по имени Мара, сына Серапіона, адресованное имъ въ 74 году сыну своему Серапіону. Въ этомъ письмѣ сохранившемся на сирийскомъ языкѣ Мара величаетъ Иисуса Христа мудрымъ царемъ іудеевъ, равнымъ Сократу и Пиагору, и говоритъ что распятый продолжаетъ жить въ данныхъ имъ законахъ ¹⁾). Послѣ его мы имѣемъ очень извѣстное свидѣтельство историка Тацита и правителя Виѣннии Плинія младшаго ²⁾), потому что нельзя признать подлинными акты Пилата, которые принадлежатъ концу I-го вѣка и обнаруживаютъ христіанское свое происхожденіе ³⁾). Наконецъ историкъ Іосифъ Флавій, начавшій на 56 году жизни своей, и кончившій въ царствованіе Домиціана около 93 или 94 года большое свое сочиненіе подъ названіемъ исторія народа іудейскаго или археологія ⁴⁾). Здѣсь то находится знаменитое мѣсто, надъ которымъ изощрялось остроуміе столь многихъ критиковъ; строжайшіе изъ нихъ Эвальдъ, Гейнихенъ ограничиваются принятіемъ свидѣтельства Іосифа въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ это время, является Иисусъ, человекъ мудрый, если только должно назвать его человекомъ, такъ какъ онъ творитъ дивныя дѣла; онъ былъ учи-

¹⁾ Ewald, Christus, pag. 179—180.—Nachapostol. Zeitalter, pag. 30, 32.

²⁾ Taciti Annal. 15, 44. Plinii Ep. 10, 97.

³⁾ Ewald, Christus, pag. 180.—Hofman въ Herzog, въ уном. статьѣ pag. 326.—Tischendorf, A quelle époque & pag. 21—27.

⁴⁾ Ewald. Nachapostol. Zeitalter, pag. 103—104.

телемъ тѣхъ людей, которые съ удовольствіемъ принимали истину, и онъ увлекъ своимъ ученіемъ множество іудеевъ и множество грековъ. Онъ считался Христомъ. Пилать, по доносу народныхъ начальниковъ, приговорилъ его къ распятію на крестъ; тѣ, которые въ началѣ полюбили его, не перестали быть привязанными къ нему. И до нашего времени продолжаетъ существовать общество тѣхъ, которые отъ имени его называются христіанами ¹⁾.

Свѣтская исторія, сколько то можно по крайней мѣрѣ заключать изъ нѣкоторыхъ документовъ, уцѣлѣвшихъ отъ крушенія древняго міра, почти не знала Іисуса Христа; евангельская исторія съ своей стороны тоже почти вовсе не знаетъ древняго міра. Читая наши священныя книги, и, особливо евангелія, можно ли догадываться о томъ, что происходило въ римской имперіи? О современномъ литературномъ движеніи, о политическихъ перемѣнахъ, о взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ между собою областей имперіи, о военныхъ дѣйствіяхъ, о трудахъ современной философіи— въ нихъ нѣтъ ни слова. Этому нечего удивляться: Евангелія наши не имѣютъ притязанія повѣствовать о чемъ либо другомъ кромѣ служенія Іисуса Христа—этого кратковременнаго служенія, состоявшаго изъ нѣсколькихъ лѣтъ.

Можно ли послѣ этого удивляться, если свидѣтельства, касающіяся Іисуса Христа, такъ рѣдки и такъ скудны?—Совсѣмъ нѣтъ, если мы подумаемъ о непродолжительности служенія Іисуса Христа, о скромныхъ началахъ христіанской церкви, о смиреніи первыхъ проповѣдниковъ Евангелія.—Что значить время отъ двухъ до трехъ съ половиною лѣтъ служенія? Іисусъ Христосъ сказалъ: „не бываетъ пророкъ безъ чести развѣ только въ отечествѣ своемъ и въ домѣ

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. I, 11—Сравни въ изданіи Heinichen, томъ III, содержащій разсужденія, pag. 648. Ewald, Christus, pag. 162, 186.

своемъ ¹⁾“.—Самые братья его не вѣровали въ него.—Когда іудеи обвиняли Іисуса Христа предъ Пилатомъ, то они должны были сообщить ему о прежней жизни Его, объяснить ему тотъ родъ царскаго достоинства, о которомъ онъ говорилъ; Пилать не зналъ даже, что І. Христосъ былъ галилеянинъ. Впослѣдствіи когда апостолъ Павелъ пронесъ евангеліе о Распятомъ въ Грецію, то онъ ничуть не скрывалъ, что проповѣдь его о крестѣ есть безуміе въ глазахъ грековъ и соблазнъ въ глазахъ іудеевъ; онъ не отрицается отъ того, что онъ человекъ неизвѣстный ²⁾. Аѳиняне думали, что онъ издѣвается надъ ними, когда говоритъ о мужѣ, котораго Богъ поставилъ быть судіею живыхъ и мертвыхъ, и котораго онъ воскресилъ изъ мертвыхъ ³⁾.—Около 60-го года правитель Іудеи Фестъ, недавно прибывшій въ край, не знаетъ этого извѣстнаго Іисуса умершаго, и о которомъ Апостолъ Павелъ утверждаетъ, что онъ живъ ⁴⁾.—Тацитъ христіанскую религію называетъ *ибельнымъ суевѣріемъ*, хотя ее исповѣдуетъ чрезвычайное множество народа, а Плиній младшій называетъ ее *развращающимъ и крайнимъ суевѣріемъ*, чего нельзя бы было безъ затрудненія объяснить, если бы христіанская религія была только одною чистѣйшею моралью. Вслѣдствіе сего на апостоловъ нападали какъ на виновниковъ и зачинщиковъ этого суевѣрія; ихъ имѣли въ виду и на ихъ свидѣтельство ссылались; имъ, а не самому Іисусу Христу, еретики возымѣли мысль приписывать свои писанія. Это еще болѣе подтверждаетъ наши слова, что исторія Іисуса Христа и значеніе этой исторіи, однимъ словомъ, начала евангелія представляютъ приводящую въ отчаяніе темноту, или могутъ быть дознаны и изучены только при свѣтѣ апостольскаго преданія.—Апостолы жили десять, тридцать

¹⁾ Мате гл. XIII, ст. 57.

²⁾ I посл. къ Кор. I, 23.—II Посл. къ Кор. VI, 9.

³⁾ Дѣян. св. Апост. XVII, 31, 32,

⁴⁾ Дѣян. св. Апостол. XXV, 19.

даже шестьдесятъ лѣтъ съ своими учениками, а Иисусъ Христосъ три года съ половиною со своими, но то вѣрно сказано, что исторія Иисуса Христа отражается въ исторіи Его апостоловъ.—Слово Его отдается въ ихъ проповѣди, жизнь Его обнаруживается въ ихъ жизни, а смерть Его прославлена въ ихъ тѣлахъ. Они вмѣщаютъ сокровище въ своихъ земныхъ сосудахъ, но, не смотря на это, они богатыя многихъ.

Презрительное или индифферентное молчаніе исторіи и философіи продолжается впрочемъ и въ слѣдующемъ вѣкѣ. Моралистъ Плутархъ, спустя шестьдесятъ лѣтъ едва говорить о христіанствѣ. Маркъ Аврелій, Эпиктетъ, Авлъ Геллій дѣлаютъ только слабые намеки на христіанъ, объ Иисусѣ же Христѣ ни слова, а между тѣмъ прошло уже болѣе ста лѣтъ, какъ Иисуса Христа проповѣдывали. Еслибы христіанство было только одною болѣе или менѣе раціональною моралью, то этого молчанія нельзя было бы объяснить; школа философовъ должна бы была принять его съ восторгомъ; но для нея христіанская религія была опаснымъ суевѣріемъ, которое должно было истребить. Вслѣдствіе сего императоръ—философъ Маркъ Аврелій, поборникъ разума, считалъ себѣ за честь преслѣдовать ее, а общее мнѣніе съ своей стороны вмѣнило себѣ за честь клеветать на нее.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВТОРАЯ ГЕНЕРАЦИЯ СВИДѢТЕЛЕЙ

ОТЪ 90 ГОДА ДО 160 ГОДА ПО Р. ХР.

И. Игнатій.—Посланіе Варнавы.—Поликарпъ.—Папій.—Кодратъ.—Иустинъ мученикъ.—Поинъ.—Эрма.—Посланіе къ Діогнету.—Многочисленныя лица, пережившія вѣкъ Апостольскій.—Авторитетъ устнаго преданія при преданіи письменномъ.

II. Критическая школа и четвертое Евангеліе.—Тишендорфъ и труды его.—Цитаты изъ Евангелій въ сочиненіяхъ отцевъ церкви, въ апокрифахъ, въ сочиненіяхъ еретиковъ: Василида, Валентина, Маркіона,—въ твореніяхъ языческаго философа Цельса.—Свидѣтельство древнихъ переводовъ сирійскаго и латинскаго.—Поворотъ въ современной критикѣ.

I.

Потокъ устнаго преданія переступилъ границу втораго вѣка; онъ продолжалъ течь, но въ руслѣ, уже нѣсколько суженомъ. Благодаря четыремъ Евангеліямъ, струи его ставовятся болѣе прозрачными и менѣе расходящимися. Очевидныхъ свидѣтелей нѣтъ болѣе; начинается вторая генерация свидѣтелей, генерация преемниковъ апостольскихъ.

Она восходитъ насъ далѣе промежутка тридцати трехъ лѣтъ, обыкновенно пазначаемыхъ для одной генераціи. Въ исторіи, въ отношеніи къ свидѣтельствамъ, продолжительность одной генераціи превышаетъ 60 и даже 70 лѣтъ, такъ что съ 33 до 160 или до 170 года по Р. Хр., мы совершенно вѣрно можемъ насчитывать только двѣ генераціи свидѣтелей.—Человѣкъ, котораго дѣдъ и отецъ достигли бы восьмидесятилѣтняго возраста и вступили бы поздно въ супружество, могли бы теперь въ 1879 году подтвердить совершенную дѣйствительность происшествій, которыхъ дѣдъ былъ очевидцемъ, принимавшимъ въ нихъ живое участіе въ 1739 году, слѣдовательно за 140 лѣтъ. Между дѣдомъ его, и имъ самимъ было бы только одно посредствующее свидѣтельство... Мы могли бы доказать цифрами, что послѣдніе изъ оставшихся въ живыхъ христіане, принявшіе ученіе изъ устъ самихъ Апостоловъ, сходятъ въ могилу только отъ 130 до 140 года по Р. Хр.—Обратимся же къ нимъ и покажемъ, что въ цѣпи преданій есть всѣ звенья и эти звенья суть самага чистаго металла.

Прежде всѣхъ представляется Игнатій, преемникъ Апостола Петра въ Антиохіи, второй епископъ этого города, и вѣроятно непосредственный ученикъ этого Апостола. Онъ принялъ мученическій вѣнецъ въ царствованіе Траяна въ 107 году¹⁾). Повѣствованіе объ его мученичествѣ говоритъ, что, по прибытіи его въ столицу имперіи, что случилось въ послѣдній день общественныхъ празднествъ, онъ выведенъ былъ въ амфитеатръ, и всенародно преданъ былъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ²⁾). Дѣло идетъ, можетъ быть,

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 36.

²⁾ Martyrium Ignatii въ изданіи Patres apostolici Дресдена стр. 214.—Кавалеръ де Росси (Inscriptiones christianae, tom. I, стр. 3 п слѣд) подтверждаетъ достовѣрность повѣствованія о мученичествѣ Игнатія. Дѣйствительно, по свидѣтельству надписей этотъ знаменитый епископъ скончался въ консульство Суры и Синеціона, а исторія съ своей стороны показываетъ, что Сура и Синеціонъ были вмѣстѣ консулами въ первый разъ въ 107 году.

о великолѣпныхъ празднествахъ, данныхъ Траяномъ по случаю празднованія его побѣдъ въ Дакии; они длились четыре мѣсяца, и насчитываютъ, что въ продолженіе ихъ было убито до одинадцати тысячъ животныхъ¹⁾. Игнатій готовилъ себя къ мученичеству, во время путешествія по городамъ Азіи, Македоніи и Эпира, когда спѣшилъ отправить посланія изъ Смирны, и особливо изъ Трояды къ важнѣйшимъ церквамъ, то къ тѣмъ, которыя онъ оставлялъ за собою въ Ефесѣ, въ Магнезій, въ Филадельфій, въ Смирнѣ, то къ римской, гдѣ долженъ былъ окончить свое поприще. Личною своею бесѣдою и увѣщаніями онъ укрѣплялъ представителей сихъ церквей, и особливо предостерегалъ ихъ отъ ересей, внушая держаться апостольскаго преданія²⁾. По его словамъ вѣрующіе должны были подчиняться епископу какъ самому Іисусу Христу³⁾, а служителямъ алтаря, какъ апостоламъ⁴⁾. Епископъ есть блюститель апостольскихъ установленій⁵⁾, служители же алтаря представляютъ соборъ Апостоловъ⁶⁾. Игнатій требовалъ, чтобы христіане и особливо служители алтаря питали уваженіе къ епископу во славу Отца, Сына и Апостоловъ⁷⁾; Апостолы въ глазахъ плѣнннаго епископа служили видимыми органами св. Духа, Котораго они низводили на вѣрующихъ. Кромѣ того Игнатій еще частнѣе указываетъ на ап. Петра и Павла какъ двухъ главныхъ свидѣтелей, которыхъ должно слушать⁸⁾. Совершенно естественно, чтобы главы церквей были наиболѣе уважаемыми, и имѣли въ рукахъ своихъ власть. Въ одномъ довольно спорномъ мѣстѣ

¹⁾ Фридендери, въ упомян. соч. стр. 103, 144.—Правда, этотъ писатель говоритъ о 106 годѣ, но близость этихъ чиселъ позволяетъ сдѣлать это предположеніе.

²⁾ Посл. къ Ефес. VII, XI; — Ad Magn. XIII;—Ad Trall., XII.

³⁾ Ер. ad Trall. II.

⁴⁾ Ер. ad Smyrn. VIII.

⁵⁾ Посл. Ad Trall. VII.

⁶⁾ Посл. Ad Magn. VI.

⁷⁾ Посл. Ad Trall. XII.

⁸⁾ Посл. къ Римл. IV. Сравн. посл. къ Ефес. XII.—Посл. къ Римл. IV.—осл. Ad Smyrn. III.

Игнатій повидимому указываетъ на совершенно справедливое различіе между самою основою проповѣди апостольской, то есть собственно называемымъ Евангеліемъ, жизнію Іисуса Христа во плоти и формою этой проповѣди, именно устнымъ свидѣтельствомъ Апостоловъ. „Евангеліе, говоритъ онъ, подобно плоти Іисуса Христа, Апостолы же подобны собранію пастырей перкви“¹⁾). Однакожь здѣсь основа и форма нераздѣльны, Евангеліе и свидѣтели его составляютъ одно цѣлое, и чтобы знать Евангеліе, надобно обратиться къ тѣмъ, которые были достовѣрными его свидѣтелями, то есть, къ Апостоламъ или къ ихъ преемникамъ. Что касается содержанія Евангелія, то у Игнатія оно тоже, какое мы видѣли у Апостоловъ: страданія и воскресеніе Іисуса Христа составляютъ основу вѣры церквей²⁾). И онъ напоминая историческую основу вѣры христіанской, пишетъ къ Смирнянамъ: „Іисусъ Христосъ дѣйствительно отъ племени Давидова, Сынъ Божій, рожденный отъ Дѣвы, крещенный Іоанномъ, пригвожденный дѣйствительно за насъ плотію при Понтіи Пилатѣ и четверовластникѣ Иродѣ“³⁾). Здѣсь уже предугадывается будущій апостольскій символъ вѣры.

Посланіе Варнавы, по мнѣнію большей части новѣйшихъ ученыхъ, написано спустя долгое время по разореніи Іерусалима около 120 г.⁴⁾). Если это посланіе не бросаетъ большаго свѣта на состояніе церквей, то оно отмѣчаетъ

1) *Посл. ad Thilad.* V. Сравни. 70 Delitsch, *De inspiratione scripturae sacrae quae statuerunt Patres Apostolici Apologetae secundi saeculi*, Lipsiae, 1872, pag. 63—65.

2) *Ep. ad Philad.*, Adresse et III, VIII, IX.—*Ad Eph.* XX;—*Ad Smyrn* II, V, VII, XII.

3) *Ep. Ad Smyrn.* I;—*Ad Eph.* VII, XVIII; *Ad Magn.* XI;—*Ad Trall* IX;—*Ad. Rom.* VII.

4) Таково мнѣніе Hefele, Тишендорфа. Кейма и Фалькмара. Другіе какъ напримѣръ, Дрессель и Курцъ приписываютъ этому посланію большую древность.

въ исторіи преданія важный моментъ, по отношенію къ заимствованіямъ, имъ сдѣланнымъ изъ первыхъ двухъ Евангелій и изъ посланій Апостоловъ Павла и Петра. Читая его, можно удивляться множеству цитатъ и воспоминаній изъ перваго посланія Апостола Петра¹⁾. Не вытекаетъ ли отсюда, что это посланіе, въ которомъ не безъ основанія находятъ мысли и даже любимыя выраженія св. Апостола Павла²⁾, считалось не только подлиннымъ при жизни Варнавы, но еще представляло общепринятое въ это время ученіе?—Не было рѣчи еще о тѣхъ препирательствахъ въ нѣдрѣ церкви, вслѣдствіе которыхъ одни называли Петра, другіе Павла, а иные, можетъ быть, Іоанна. Варнава цитуетъ попеременно, не заподозрѣвая въ какомъ нибудь разногласіи, то Апостола Павла, то Апостола Петра, преимущественно же I-е посланіе Петра. И вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей новѣйшей критики цюрихскій профессоръ Кеймъ не колеблется утверждать, что „міръ мыслей, въ которомъ стоитъ это посланіе Варнавы, въ цѣломъ и въ подробностяхъ совершенно совпадаетъ съ Евангеліемъ отъ Іоанна. Наука подъ опасеніемъ отказаться отъ своего призванія должна такимъ образомъ опредѣлить связь между тѣмъ и другимъ писаніями“³⁾.

Молодой Поликарпъ, въ 107 году былъ епископомъ въ Смирнѣ въ то время когда Игнатій, оберегаемый десятью

1) I Соб. Посл. Ап. Петра IV, 4.—V, 1, упоминаемый въ IV Посл. Варнавы.—Тамъ же I, 2, II, 12.—II, 24, упоминаемые въ главѣ V.

2) Отголосокъ этого встрѣчается въ Посланіи къ Ефес. II, 10. Къ Титу 11, 14, въ главѣ III.—Въ II Посл. къ Тимоою III, 6.—IV, 3.—Въ I Посланіи къ Кор. IV, 13.—III, 1, 16.—Во II Посл. къ Кор. V, 10, 11.—Въ I Посл. къ Фессалон. V, 7, въ главѣ IV.—Въ I Посл. къ Там. I, 10—Въ Посл. къ Ефес. I, 10, въ главѣ V.—Въ Посл. къ Колосс. I, 16 въ главѣ XII.—Въ Посл. къ Римлянамъ IX, 10—12, въ главѣ XIII. Во II Послан. къ Кор. V, 17, въ главѣ XVI.

3) Geschichte Jesu von Nazara, I, pag. 141.

леопардами, проходилъ этотъ городъ¹⁾. Евсевій говоритъ²⁾, что очевидцами и служителями Господними Поликарпу, ученику Апостоловъ, вѣрево было управленіе Смирнскою церковію³⁾. Достигши преклонныхъ лѣтъ, говоритъ Иринея, онъ не уставалъ рассказывать о сношеніяхъ своихъ съ Іоанномъ и съ другими лицами видѣвшими Господа; онъ приводилъ ихъ слова, и то что онъ слышалъ касательно Іисуса Христа, Его чудесъ и Его ученія. Все это согласно было съ Евангеліями. Когда въ присутствіи его рассказывали извращенныя мнѣнія или событія, то онъ затыкалъ себѣ уши, и обыкновенно восклицалъ: „Боже мой! до какихъ временъ Ты сохранилъ меня, что я вынужденъ переносить подобныя рѣчи“, и избѣгалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, стоя или сидя, слышалъ подобные разговоры⁴⁾. Однажды, когда онъ встрѣтился съ еретикомъ Маркіономъ, и, когда тотъ сказалъ ему: „признай насъ“, Поликарпъ отвѣчалъ: „я признаю перворожденнаго отъ сатаны“⁵⁾. Никогда, присовокупляетъ Иринея, не училъ онъ ничему другому кромѣ того, чему наученъ былъ Апостолами, что передала церковь (*παράδοσις*), такъ какъ въ ней одной истина⁶⁾. Извѣстенъ прекрасный отвѣтъ его градоначальнику, на котораго, въ царствованіе Марка Аврелія, возложено было гнать христіанъ: „отрекись, ему сказано было, и поругай имъ Христова“. — „Вотъ восемьдесятъ шесть лѣтъ служу я Ему“, возразилъ онъ, „и никогда Онъ не оставлялъ меня; могу ли я поругать царя моего, Того, Который спасъ меня“?—Ему угрожаютъ преданіемъ его на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, сожженіемъ на кострѣ, — ничто не колеблетъ его. Всѣ враги имени Христова въ

1) Вотъ подлинныя слова Евсевія: „собесѣдникъ Апостоловъ Поликарпъ получилъ епископство надъ Смирнскою церковію отъ самовидцевъ и служителей Господа“.

Примѣч. пер. в.

2) Euseb. Hist. eccles., III, 36.—Срavn. Ignatii Epist. ad Rom. V.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же V, 20.—Срavn. въ изданіи Heinichen, Томъ III, стр. 136.

5) Eus. Hist. eccles. IV, 14.

6) Adv. Haer. lib. III, с. 3, 4.

Смирнѣ—язычники и іудеи приходятъ въ ярость отъ его непокорности, требуютъ чтобы Поликарпа бросили на растерзаніе дикому льву, но, какъ это оказалось невозможнымъ, то толпа настаиваетъ, чтобы его съесть живымъ. Вскорѣ затѣмъ на площади назначенной для бѣговъ и для общественныхъ увеселеній устроенъ былъ костеръ, и герой—старецъ испускаетъ духъ въ пламени¹⁾ прославляя Отца, Сына и Святаго Духа, и исповѣдуя Иисуса Христа возлюбленнаго и благословляемаго Отцемъ Сына, чрезъ Котораго мы познали Бога²⁾.

Поликарпъ преданъ былъ сожженію въ 167 году; слѣдовательно ему было 24 года въ 107 году, когда Игнатій проходилъ Смирну, спустя 15 или 17 лѣтъ по кончинѣ святаго евангелиста Іоанна. Отвѣтъ его римскому проконсулу свидѣтельствуешь, что онъ принадлежалъ къ христіанскому семейству, и что онъ съ самаго дѣтства питаемъ былъ млекою вѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, съ раннихъ лѣтъ, приводимъ былъ къ убѣвленному сѣдинами Апостолу, жившему тогда въ Ефесѣ. Изъ перваго посланія сего послѣдняго мы знаемъ, съ какимъ особеннымъ участіемъ Іоаннъ относился къ отцамъ, къ юношамъ и даже къ дѣтямъ³⁾. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Поликарпъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ, возведенъ былъ на опасную почетную степень епископа. Смирнская церковь чувствовала потребность имѣть во главѣ мужа апостольскаго и пророческаго, какъ свидѣлствуютъ акты о мученичествѣ Поликарпа⁴⁾. И молодой ученикъ Іоанновъ не обманулъ ожиданій вѣрующихъ потому, что язычники и іудеи ефескіе, накануне мученической его смерти упрекаютъ его за то, что онъ былъ главою нечестія, отцемъ христіанъ,

¹⁾ Euseb. Hist. eccles., IV, 15.

²⁾ Acta martyrii Polycarpi вѣ Patres Apostolici, Дрессела, с. XIV.

³⁾ I Соб. Посл. II, 14.

⁴⁾ Acta, с. XVI.

разрушителемъ боговъ, лицомъ научавшимъ народъ не приносить жертвъ богамъ, и не поклоняться имъ¹⁾. Особенная заботливость, съ которою Смирнская церковь описала послѣднія минуты жизни своего духовнаго пастыря, многочисленные списки этого описанія и обращеніе его среди самыхъ отдаленныхъ церквей какъ напримѣръ Лионской— все свидѣтельствуеть о великомъ личномъ авторитетѣ Поликарпа въ теченіе шестидесяти--семидесяти лѣтъ II-го вѣка. Впрочемъ и лично онъ не былъ не извѣстенъ западнымъ церквямъ; въ епископство Аникиты (Anicet) онъ совершилъ путешествіе въ Римъ для совѣщанія съ нимъ о празднованіи Пасхи. Въ теченіе епископства Поликарпова восемь епископовъ одинъ за другимъ смѣнились на епископскомъ престолѣ въ Римѣ. Въ немъ одномъ выступаетъ цѣлый сонмъ свидѣтелей:

Вскорѣ послѣ мученичества Игнатія написанное Поликарпомъ посланіе къ Филиппійцамъ представляетъ намъ также драгоценныя свѣдѣнія объ его вѣрѣ, согласныя съ рассказами Иринея. Онъ сильно возстаеть, подобно учителю своему Апостолу Іоаннѣ, противъ отрицающихъ пришествіе Іисуса Христа во плоти, не признающихъ свидѣтельства креста, извращающихъ произвольно ученіе Господа, отрицающихъ воскресеніе и судъ. Такъ учашій человекъ есть перворожденный отъ сатаны²⁾. Необходимо, говоритъ онъ, возвратиться къ слову, которое передано намъ съ начала³⁾. Многократно приводитъ онъ слова Іисуса Христа, но въ свободныхъ выраженіяхъ, указывающимъ еще на живучесть устнаго преданія⁴⁾. Онъ предостерегаетъ Филиппійцевъ противъ ложныхъ братьевъ лицемѣрно произносящихъ имя Господа, и приводящихъ въ заблужденіе людей недалководныхъ⁵⁾.

1) Тамъ же с. XII.

2) Ep. Polycarpi ad Thil. I. VII.

3) Тамъ же, VII.

4) Ep. Polycarpi ad Phil. II, VI, VII.

5) Тамъ же VI.

Симъ ложнымъ свидѣтелямъ противопоставляетъ онъ Апостоловъ возвѣстившихъ намъ лично Евангеліе (это слово *намъ*, употреблено здѣсь не для стилия). Читателей своихъ онъ отсылаетъ къ ихъ Апостолу, просвѣтителю ихъ церкви, къ блаженному и славному Апостолу Павлу, научившему ихъ слову истины, и написавшему разныя посланія, въ которыхъ вѣра ихъ можетъ находить себѣ пищу ¹⁾. Посему хотя это есть голосъ Поликарпа, но слово, которое мы воспринимаемъ изъ устъ его, есть слово вмѣстѣ Павлово и Іоанново.

Сподвижникъ Поликарпа, такой же какъ и онъ ученикъ св. Апостола Іоанна²⁾, епископъ Іерапольскій Папій, достигъ также глубокой старости, и съ своей стороны продолжилъ живой голосъ первобытнаго преданія до 165 года. По свидѣтельству пасхальной хроники—памятника V вѣка, Папій потерпѣлъ мученичество въ Пергамѣ, въ царствованіе Марка Аврелія, почти одновременно съ Поликарпомъ въ Смирнѣ³⁾. Не станемъ удивляться долголѣтію многихъ важныхъ лицъ первобытной церкви, св. Апостола Іоанна, епископа Іерусалимскаго Симеона. Поликарпа, Папія, Поеина. Исторія современныхъ миссій, представляетъ примѣры такого же долголѣтія то въ знойномъ климатѣ Индіи, то въ ледяныхъ областяхъ Гренландіи. Изъ числа пятидесяти главныхъ миссіонеровъ Восточной Индіи, въ теченіе XVIII столѣтія, шестнадцать провели въ этомъ служеніи болѣе тридцати лѣтъ, одиннадцать болѣе сорока лѣтъ, и пять болѣе пятидесяти лѣтъ. Миссіонеръ Шульце умеръ около ста лѣтъ отъ рода⁴⁾. Точно такъ же въ Гренландіи изъ числа шестидесяти—семидесяти братьевъ, въ XVIII столѣтіи подвизавшихся въ

¹⁾ Ep. Polycarpi ad Phil. III, VI.

²⁾ Irenaei Adv. Haer. V, 33, § 4.

³⁾ Статья о Papias Штейца (Steitz) въ Real-Encyclopedie Герцога (Herzog).

⁴⁾ Brawn, History of missions 3 edition I, pag. 176, примѣч. 2.

Гренландіи, шесть были на служеніи болѣе сорока лѣтъ, а одинъ прослужилъ пятьдесятъ два года ¹⁾. Древніе епископы, остававшіеся на мѣстахъ своей родины, не могли ли достигать глубокой старости особливо во II-мъ вѣкѣ подѣ благодѣтельнымъ правленіемъ Антоніиновъ, доставившихъ человѣчеству почти невѣроятнo долгій періодъ мирнаго времени?

Выраженіе живой голось, примѣненное нами къ Папію, совершенно оправдывается въ отношеніи къ нему, потому что онъ отдаетъ замѣчательное предпочтеніе устному преданію. Во введеніи къ своему толкованію словъ Господнихъ, изъ котораго Евсевій сохранилъ намъ только отрывокъ, онъ говоритъ: „въ толкованіяхъ своихъ я не премину сообщить все то, что я положительно узналъ, и твердо запомнилъ изъ устъ старѣйшинъ и за точность чего я ручаюсь.—Въ самомъ дѣлѣ я не изъ тѣхъ многихъ, которые находятъ удовольствіе въ *обилии* разказовъ; я болѣе держусь *точности* ученія; тѣмъ, которые сообщаютъ всякія ученія, я предпочитаю тѣхъ, которые передаютъ правила самаго Господа, надежныя для вѣры, и которые сами находились у источника истины. Когда я встрѣчалъ кого нибудь изъ посѣщавшихъ старѣйшинъ, я спрашивалъ о словахъ, которыя они запомнили. Что сказывали Апостолы Андрей или Петръ, или Филиппъ, или Θома, или Іаковъ или Іоаннъ, или Матѣей или кто нибудь другой изъ учениковъ Христовыхъ; что говорятъ Аристіонъ и Іоаннъ пресвитеръ—ученики Христовы; я не столько считалъ полезнымъ обращаться къ книгамъ, сколько къ свидѣтельству живаго и здраваго слова²⁾. Остановимъ ли вниманіе читатель на томъ, что послѣ употребленія прошедшаго времени: что *сказывали* Апостолы Андрей и проч., Папіій говоритъ въ настоящемъ: что *говорятъ* Аристіонъ и Іоаннъ пресвитеръ?—Слѣдуетъ допустить, что эти два ученика Христовы были еще въ живыхъ, когда Папіій писалъ объясненіе

¹⁾ Тамъ же pag. 247, примѣч. 3.

²⁾ Eus Hist. eccl. III, 39.

словъ Учителя. Имъ было болѣе девяноста лѣтъ въ началѣ II-го вѣка. Итакъ Папій, въ качествѣ современника Поликарпова, скончавшагося на восемьдесятъ шестомъ году своей жизни, могъ быть двадцати—двадцати пяти лѣтъ между 100 и 110 годами, когда еще Аристѳонъ и Іоаннъ пресвитеръ говорили. Посему его толкованіе на Евангеліа восходитъ къ этому времени; мы говоримъ на Евангеліа, потому что приведенный нами сей часъ отрывокъ изъ Евсевія, очевидно доказываетъ, что если Папій нигдѣ не упоминаетъ именно о Евангеліи отъ Іоанна, появившемся послѣднимъ, то онъ, по крайней мѣрѣ зналъ о немъ. Современный намъ германскій ученый г. Штейцъ дѣлаетъ остроумное замѣчаніе относительно перечисленія апостольскихъ лицъ, встрѣчаемыхъ нами въ указанномъ отрывкѣ. Вотъ эти лица и порядокъ, въ которомъ Папій приводитъ ихъ: Андрей, Петръ, Филиппъ, Ѳома, Іаковъ, Іоаннъ, Матеей и проч.—Между тѣмъ первые четыре: Андрей, Петръ, Филиппъ и Ѳома суть именно тѣ, которые являются въ Евангеліи отъ Іоанна, о Филиппѣ же и Ѳомѣ—говорится только въ этомъ Евангеліи. Порядокъ, въ которомъ сѣи разныя лица исчислены, соответствуетъ точь въ точь порядку, въ которомъ они попеременно являются въ четвертомъ Евангеліи. На послѣднемъ мѣстѣ у Папія стоятъ Апостолы совсѣмъ не упоминаемые у св. Іоанна, именно Матеей и другіе; и не слѣдуетъ ли предположить, что между всѣми этими другими Папій называетъ именно Матеея, потому что кромѣ Іоанна уже упомянутого онъ былъ одинъ изъ числа апостоловъ, написавшій Евангеліе?¹⁾ Эти очевидныя многократныя совпаденія не объясняютъ ли такимъ образомъ старинное преданіе, которое дѣлаетъ Папія участвующимъ въ качествѣ писца въ изданіи Евангеліа отъ Іоанна²⁾? Въ предисловіи къ одному евангельскому манускрипту находятся слѣдующія слова:

1) Godet, Temoignages eccles. sur le quatrieme évangiele pag. 8—10.

2) Тамъ же.

„Евангеліе отъ Іоанна составлено и дано Іоанномъ своей церкви еще при жизни его, какъ о томъ повѣствуетъ Папій называемый Іерапольскимъ, любимый ученикъ Іоанна, въ концѣ пятой книги своихъ истолковательныхъ книгъ. Онъ написалъ Евангеліе точно такъ, какъ Іоаннъ ему диктовалъ его“¹⁾).

Такимъ образомъ Поликарпъ Смирнскій и Папій Іерапольскій—оба ученики Іоанна, оба епископы важнѣйшихъ церквей, церквей называемыхъ апостольскими и оба мученики обвиняютъ своимъ свидѣтельствомъ промежутокъ времени между 96 и 163 годами. Это главные свидѣтели этой эпохи по близости къ источникамъ, по официальному ли своему положенію, или по продолжительности своего епископства, но не единственные; къ нимъ надобно присоединять Квадрата или Кодрата, писавшаго въ царствованіе Адріана апологію христіанства. Историкъ Евсевій ставитъ его на ряду съ предшественниками Игнатіемъ и Поликарпомъ въ числѣ извѣстныхъ учениковъ, непосредственныхъ преемниковъ Апостоловъ. Кодратъ также какъ дочери Евангелиста Филиппа, имѣлъ даръ пророчества; онъ—то упоминаетъ о существованіи еще въ его время нѣсколькихъ лицъ исцѣленныхъ или воскрешенныхъ Іисусомъ Христомъ²⁾. Слѣдовательно его свидѣтельство есть древнѣйшее, и должно относиться по крайней мѣрѣ къ первымъ годамъ этого столѣтія. Къ нему можно присоединить еще Аристида³⁾, но этотъ послѣдній принадлежалъ уже позднѣйшему времени и писалъ между 117 и 138 годами.

Послѣднія данныя переносятъ насъ въ ту эпоху, когда началъ процвѣтать человекъ, принадлежавшій къ разряду двухъ послѣднихъ апологетовъ христіанства—знаменитый

¹⁾ Tischendorf, Wan wurden unsere Evangelien verfasst? 4 Uzg. Leipzig. 1866, стр. 118—119.

²⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 37;—IV, 3.

³⁾ Тамъ же IV, 3.

Іустинъ мученикъ. Родившись въ первые годы этого столѣтія¹⁾, когда послѣдніе Апостолы сошли въ могилу, необрѣзанный и язычникъ по происхожденію²⁾, онъ блуждалъ туда и сюда ища истины по всѣмъ современнымъ философскимъ школамъ, но безъ успѣха; стоики, перипатетики, пифагорейцы, платоники—всѣ, одни за другими приводили его въ уныніе и не удовлетворяли его, пока наконецъ онъ встрѣтилъ на пути своемъ одного старца—христіанина, который указалъ ему на книги Ветхаго Завѣта. Новыя его занятія склонили его принять христіанство—это было между 130 и 140 годами. Достоинно замѣчанія, что онъ по пасхальной хроникѣ былъ родомъ изъ Flavia Neapolis, города Сиріи Палестинской, въ которомъ онъ долго проживалъ; такимъ образомъ онъ находился на самыхъ священныхъ мѣстахъ, и имѣлъ возможность близко повѣрить данныя преданія. Іустинъ, ставши христіаниномъ, бросился въ самый разгаръ борьбы; съ одной стороны въ двухъ апологіяхъ онъ мужественно защищаетъ предъ императорами дѣло гонимыхъ; съ другой стороны отстаиваетъ принятое ученіе, въ частности же божественность Іисуса Христа противъ Маркіонитовъ и противъ всѣхъ ересей³⁾. Однажды онъ состязался съ іудеемъ Трифономъ въ Ефесѣ о прообразовательномъ значеніи Ветхаго Завѣта и объ исполненіи пророчествъ на лицѣ Іисуса Христа; потомъ въ Римѣ приходитъ онъ въ столкновение съ циникомъ Кресцентомъ, и по доносамъ сего послѣдняго, въ 166 году, получаетъ мученическій вѣнецъ⁴⁾.

Свидѣтельство Іустина есть свидѣтельство челоувѣка, снѣдаемаго ревностію къ дому Божію; по своимъ занятіямъ Іустинъ становится миссіонеромъ у іудеевъ и язычниковъ, и путешествующимъ евангелистомъ, стремящимся утвердить

¹⁾ Тамъ же II, 12.

²⁾ Iustini Martyris Opera, edit. Otto. Ienae, 1847, Dialog. cum Tryphone, c. 28, 31.

³⁾ Euseb. Hist. eccles., V. 28.—IV, 11, 18.

⁴⁾ Тамъ же, IV, 16, 17.

братію въ вѣрѣ Христовой. Его встрѣчаютъ въ Палестинѣ, въ Малой Азіи, въ Италиі, и два раза въ Римѣ. Судя по славѣ его имени, по важности его свидѣтельства въ теченіе II-го вѣка, Іустинъ мученикъ былъ однимъ изъ великихъ свѣтилъ церкви своего времени, однимъ изъ самыхъ достойныхъ вѣры свидѣтелей.

Въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ Іустинъ многократно ссылается на евангельскія повѣствованія или записи Апостоловъ¹⁾). Онъ такъ дѣлаетъ въ своемъ разговорѣ съ евреемъ Трифономъ въ Ефесѣ—этомъ градѣ, прославленномъ трудами Апостоловъ св. Павла и св. Іоанна. Подумайте! Какое довѣріе должны были внушить ему эти записи!—Какой апостольскій авторитетъ должны были получить даже Евангелія отъ Марка и Луки, не написанныя непосредственно руками Апостоловъ!—Насколько содержание сихъ писаній должно было согласоваться съ основою устнаго преданія... чтобы Іустинъ имѣлъ мужество, скажу даже простодушіе, ссылаться на нихъ въ спорѣ съ іудеемъ раціоналистомъ, для котораго рожденіе Бога, сверхъестественное рожденіе челоуѣка, надежды христіанъ на распятаго челоуѣка, и сверхъ того упованіе ихъ получить еще благодать отъ Христа, были столько же соблазномъ сколько и безуміемъ!²⁾). И не менѣ замѣчательно еще то, что Іустинъ эти записи никогда не называетъ иначе какъ апостольскими. Встрѣчаются повѣствованія, какъ на примѣръ, сказаніе о кровавомъ потѣ, которымъ покрывался Іисусъ въ Геесиманскомъ саду и о которомъ повѣствуетъ только св. Евангелистъ Лука; Іустинъ, приводя это сказаніе, считалъ его такъ же апостольскимъ какъ и другія сказанія, заимствованныя имъ у Маттея и Іоанна, собственно называемыхъ Апостолами. Впрочемъ писатель этотъ коль скоро касается Вѣтхаго Зауѣта, то онъ почти всегда называетъ по имени

¹⁾ Арол. I, с. 66.—Dial. с. 100, 101, 102, 104, 106, 107.

²⁾ Dial. с. 11, 39, 48, 68.

приводимыхъ имъ писателей; но никогда не упоминаетъ именъ ни одного изъ четырехъ Евангелистовъ, ссылаясь на слова ихъ Евангелій. Подобно ему большая часть отцевъ церкви гораздо чаще опускаетъ имена составителей Евангелій нежели имена писателей книгъ Ветхаго Завета. Причина этого самая простая. Евангелія составляли одну книгу, изображающую одинъ только образъ І. Христа; обыкновенно говорили *Евангеліе*, а не Евангелія, а когда хотѣли указать на одно изъ нихъ, то употребляли общепринятое выраженіе: Евангеліе *отъ* Маттея, *отъ* Марка и т. д. ¹⁾.

Творенія Іустина даютъ очень чувствовать опасность доказательствъ заимствуемыхъ отъ умачиванія. Возьмите послѣднее, дошедшее къ намъ изъ его твореній—вторую его апологію, написанную въ 161 году; вы не найдете въ ней ни одной ссылки на Евангелія. Предположимъ, что, кромѣ этого, всѣ творенія Іустиновы были бы потеряны, не сдѣлали ли критики тотчасъ заключенія, не раструбили ли во всеуслышаніе, что Іустинъ знаменитый писатель II вѣка никогда не зналъ Евангелій, что слѣдовательно они появились позже 150 года,—или если прежде существовали, то не пользовались большимъ довѣріемъ?—Тутъ, что слово, то—невѣрность, потому что сохранились два другія его произведенія, его первая апологія, восходящая къ 147 году ²⁾ и его разговоръ съ Трифономъ, которые изобилуютъ цитатами изъ четырехъ Евангелій: Марка онъ цитуетъ въ первомъ три раза, во второмъ десять разъ,—Іоанна шесть разъ въ первомъ, восемнадцать разъ во второмъ,—не говоря уже о Маттеѣ и о Лукѣ. По тому способу какъ Іустинъ цитуетъ, чувствуетъ, что онъ близокъ къ первому источнику устнаго преданія ³⁾.

¹⁾ Dial., с. 103—70. Delitzsch въ упом. соч. стр. 77, 78.

²⁾ Volkmar, Theol. Jahrbucher, 1855.

³⁾ Keim соглашается съ этимъ въ упомян. соч. стр. 138, 139.—Riggenbach доказалъ это въ частности въ соч. своемъ Zeugnisse für das Evangelium Iohannis neu untersucht, Basel, 1866.

До сихъ поръ мы приводили свидѣтельства Восточной церкви, но Западъ имѣлъ также свидѣтелей достойныхъ вѣры—прямыхъ наслѣдниковъ апостольскаго преданія. Таковъ прежде другихъ много чтимый епископъ Лионскій Поинъ, замученный въ 171 году. Извѣстно что слово мученикъ (мученикъ) по гречески значитъ свидѣтель, а большая часть нашихъ свидѣтелей суть мученики, они то и внушаютъ довѣріе, какъ Паскаль говоритъ: „Я охотно вѣрю тѣмъ исторіямъ, свидѣтели которыхъ были замучены“¹⁾. Такъ какъ Поинъ, въ годъ кончины своей былъ девяноста лѣтъ, то онъ долженъ былъ родиться около 80 года нашей эры. Лионская церковь была въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ церквами Малой Азіи, и мы можемъ быть увѣрены, что ученіе и повѣствованія Іоанновы, и особливо его Евангеліе рано пустило корни на почвѣ Галліи²⁾.

Уже при жизни Поликарпа, Папія, Іустина мученика, Поина, появчлось на Западѣ, а вѣроятно также и въ Римѣ сочиненіе подъ названіемъ *Пастыръ*, приписываемое пресвитеру церкви, по имени Эрмѣ (Hermas). Это сочиненіе пользовалось извѣстностію въ церкви во II вѣкѣ, и иногда отводили ему мѣсто въ собраніи священныхъ книгъ. При общественныхъ богослуженіяхъ книга *Пастыръ* Ермы была всенародно читаема, однакожъ скоро перестали относиться къ ней съ такимъ уваженіемъ³⁾. Западная церковь не раздѣляла его, не смотря на то, что книга была переведена на латинскій языкъ; въ концѣ же этого столѣтія Тертуліанъ отзывается о ней въ загадочныхъ выраженіяхъ⁴⁾. Сочинитель ея, какъ кажется, жилъ въ Римѣ при первосвященникѣ, братѣ его (между 142 и 157 г.)⁵⁾ Піѣ, епископѣ римскомъ, вовемя близкое къ го-

1) Pensées, вторая часть, статья XVII, § 56.

2) Euseb. Hist. eccles. V, 1, 5.

3) Тамъ же, III, 3.

4) De pudic. c. 2, 10.

5) Patres Apostolici edit. Dressel, pag. XL.

ненію на христіанъ, немного спусти послѣ смерти послѣднихъ христіанъ, обращенныхъ проповѣдію самихъ Апостоловъ. Скупой до крайности на какія бы то ни было историческія указанія (Исуса онъ даже не называетъ собственнымъ именемъ). Ерма важенъ для насъ однакожь въ томъ отношеніи, что онъ весьма часто и почти исключительно упоминаетъ о миссіонерскомъ служеніи Апостоловъ¹⁾ и объ отвѣтственности, возлагаемой на пастырей церковей. Имя Сына Божія было уже вездѣ проповѣдано; наступилъ періодъ благоустройства и усвоенія Его ученія. *Пастырь* Ермы прежде всего говоритъ о покаяніи и случайно о крещеніи²⁾; двѣ эти черты переносятъ насъ въ средину II-го вѣка, когда возникло препирательство, извѣстное подъ именемъ *монтанизма*. То также извѣстно, что вся его терминологія напоминаетъ Евангеліе отъ Іоанна³⁾. Исуса Христа называетъ онъ дверью⁴⁾; не разъ говоритъ о виноградной лозѣ, о пастырѣ, объ овцахъ; онъ дѣлаетъ различіе между видѣніемъ царства Божія и вступленіемъ въ это царство—какъ самъ Иисусъ Христосъ тоже дѣлаетъ въ бесѣдѣ своей съ Никодимомъ, рассказанной въ 3 главѣ Евангелія отъ Іоанна⁵⁾. Съ другой стороны Ерма заимствуетъ изъ синоптическихъ Евангелій столь извѣстныя сравненія о камнѣ⁶⁾, о дѣвахъ⁷⁾, о змѣяхъ и проч. Сфера, въ которой вращается этотъ своеобразный писатель, вся наполнена воспоминаніями изъ Евангелій.

Къ этой же самой эпохѣ можно отнести одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній христіанской древности—Посланіе къ Діогнету, несправедливо приписываемое Іустину му-

¹⁾ Vis, III. с. 5.—Sim. VIII с. 3.—IX, 15, 16, 17.

²⁾ Sim. IX, с. 16.

³⁾ Кеймъ, въ упомянут. соч. стр. 143.

⁴⁾ Sim. IX, с. 12.

⁵⁾ Sim. IX с. 15.

⁶⁾ Sim. IX с. 12, 13.

⁷⁾ Sim. IX, с. 10, 11, 15.

ченику¹⁾). Въ посланіи этомъ дышетъ тотъ же духъ кроткаго, возвышеннаго, искренняго благочестія какъ и въ *Пастырѣ* Ермы, и такъ же Иисусъ Христосъ не названъ по имени своему какъ и въ *Пастырѣ*; Онъ есть истина, святое слово, возлюбленное чадо, едиnorodный Сынъ²⁾; въ немъ не упоминается даже объ Апостолахъ³⁾). Но чувствуется жизнь въ общеніи съ Учителемъ, со святыми Апостолами Павломъ и Иоанномъ, съ понятіемъ благодати Бога, которой мы должны быть подражателями, съ любовію, которою мы прежде были возлюблены и которая должна привести насъ къ любви къ правдѣ Иисуса Христа, которая покрываетъ наши неправды, и съ множествомъ выраженій и понятій, заимствованныхъ изъ Евангелій или изъ Посланій.

Большая часть апостольскихъ мужей, приведенныхъ нами въ качествѣ свидѣтелей апостольскаго преданія, какъ то: Игнатій, Поликарпъ, Іустинъ, Поениъ, стяжали себѣ славу своею славною кончиною. Въ числѣ свидѣтелей II вѣка это суть избранные образцы. Какое обиліе свѣдѣній получили бы мы, если бы писатели христіанскіе оставили намъ во всей подробности рѣчи и свидѣтельства безчисленныхъ учениковъ апостоловъ ими самими обращенныхъ и наученныхъ, и именъ которыхъ исторія не сохранила! Іустинъ мученикъ въ первой своей апологіи говоритъ о многихъ старцахъ обоого пола шестидесяти—семидесяти лѣтъ, съ дѣтства своего наставленныхъ въ ученіи Христовомъ, всегда сохранявшихъ чистоту нравовъ, и готовъ указать

¹⁾ Этотъ вопросъ разслѣдованъ во введеніи изданія d'Otto, Lipsiae 1852. Сравн. въ Real-Encyclopedie Herzogs статью Diognet, de Semisch.

²⁾ Ер. ad Diogn. VII, VIII, IX.

³⁾ Двѣ послѣднія главы о важности Евангелій и объ апостольскомъ преданіи содержать въ себѣ любопытнѣйшія мѣста, но излишніе положительныя доводы и рѣзкое отличіе слога и идей, не позволяютъ считать ихъ подлинными. Одно бѣглое чтеніе его убѣдитъ въ томъ всякаго безпристрастнаго читателя.

на нихъ во всѣхъ сословіяхъ¹⁾. Это были христіане, исповѣдывавшіе вѣру Христову съ 80 или 90 года, потому что первая его апологія относится къ 147 году. По свидѣтельству Ириней, въ началѣ II вѣка, въ Римѣ, кромѣ епископа его Климента, было много христіанъ принявшихъ ученіе отъ Апостоловъ²⁾. Въ свою очередь Климентъ Александрійскій упоминаетъ между своими наставниками достопамятныхъ и образованныхъ христіанъ родомъ изъ Греціи, Великой Греціи (южной Италіи), изъ Келесиріи, изъ Египта, изъ Ассиріи и Палестины. Изъ числа ихъ нѣкоторые были наставлены въ истинномъ преданіи святыми Апостолами Петромъ, Іаковомъ, Іоанномъ и Павломъ, какъ дитя бываетъ наставлено своимъ отцомъ³⁾. Евсевій дѣлаетъ замѣчаніе, что въ этомъ мѣстѣ Климентъ свидѣтельствуесть о своемъ почти непосредственномъ сношеніи съ Апостолами.

Видимо, что въ продолженіе первыхъ семидесяти лѣтъ II вѣка апостольское преданіе усвоилось преимущественно еще въ формѣ устнаго преданія. Послѣдняя придавала ему больше прелести, привлекательности, разнообразія. Писанное преданіе потребовало бы множества манускриптовъ, а христіане въ рядахъ своихъ считали много незнатныхъ, бѣдныхъ и простыхъ людей, не умѣвшихъ читать и не могшихъ пріобрѣсть полныхъ рукописей. Евангелія при богослуженіи читались громкимъ голосомъ, и содержаніе ихъ для большей части слушателей сливалось съ устнымъ преданіемъ. Послѣднее, давши текстъ для четырехъ Евангелій, въ свою очередь само питалось содержаніемъ ихъ страницъ. Но признанное превосходство живой проповѣди надъ проповѣдію написанною давало предпочтеніе устному преданію со стороны вѣрующихъ. Рѣдко говорили

¹⁾ Apolog. I, 15.

²⁾ Adv. Haer. III, 3. § 3.

³⁾ Clem. Alex., Strom. I, c. 1. Сравни. Euseb. Hist. eccles. V, II.

„написано“, но скорѣе: „Апостолы сказали или учили“,— или: „самъ І. Христосъ сказалъ“ подобно тому какъ и нынѣшніе проповѣдники еще повторяютъ, когда произносятъ свои оживленные рѣчи.

Сверхъ сего, устное преданіе въ II вѣкѣ имѣло чрезвычайную выгоду въ томъ отношеніи, что оно заграждало уста безчисленнымъ гностикамъ. Ересъ ожидала смерти Апостоловъ, говоритъ Евсевій, дабы смѣлѣе поднять голову. Послѣдователи Василида, Маркіона, Валентина спѣшили прикрыть мечтанія свои христіанскою одеждою; ихъ нельзя было опровергнуть или переспорить свидѣтельствами изъ священныхъ Евангелій, потому что они извращали ихъ смыслъ. Кто могъ лучше указать истинный смыслъ выраженный Апостолами въ своихъ писаніяхъ и въ словахъ Учителя, какъ не непосредственные ихъ ученики, преемники ихъ мыслей, ихъ сообщники и ихъ сподвижники ¹⁾? Они одни могли спасти дѣвство церкви и чистоту ея ученія, свидѣтельствуя о содержаніи апостольскаго преданія.

II.

Критическая школа готова вѣрить, что предпочтеніе даваемое отцами церкви II вѣка устному преданію показываетъ невеликій авторитетъ, которымъ въ ихъ время пользовались четыре Евангелія, и особливо Евангеліе отъ Іоанна. Есть ли необходимость по этому поводу исчислять причины явной антипатіи этой школы къ этому Евангелію? Можетъ быть, намъ еще представится случай бесѣдовать объ отношеніяхъ этого Евангелія къ тремъ первымъ. Достаточно будетъ теперь припомнить неотразимую ясность, съ которою въ немъ возвѣщается божественность І. Христа. Когда хотятъ низвести І. Христа на степень простаго человѣка, сына Іосифа и Маріи, іудейскаго учителя, виновника

¹⁾ Euseb. Hist. eccl. IV, 22.—Сравн. Grau въ упом. соч. I, pag. 169.

высокой нравственности,—когда хотять лишить Его трона едиnorodнаго Сына Божія, Спасителя міра, вѣчнаго Слова Божія, ясно, что Евангеліе Іоанна является преимущественно изобличающимъ такое стремленіе. Надобно, не смотря ни на что, доказать, что оно не есть писаніе Апостола, его же Іисусъ любяше, а чтобы это доказать, надобно постараться выставить, что это Евангеліе не было извѣстно церквамъ до второй половины II вѣка. Но какъ первыя три Евангелія содержать также приводящія въ затрудненіе сказанія, какъ въ нихъ повѣствуется о сверхъестественномъ рожденіи І. Христа, объ Его совершенной святости, о чудесахъ Его, объ Его назначеніи быть Врачемъ человѣчества, Судіею міра, Господиномъ субботы, то равно необходимо возможно болѣе уронить ихъ, отдвинуть ихъ какъ можно далѣе отъ времени самыхъ событій. Такимъ образомъ берутся доказывать, что они вышли не изъ подъ пера Апостоловъ, и усвоятъ себѣ право оспаривать ихъ свидѣтельства. Напротивъ для вѣрующихъ весь интересъ состоитъ въ томъ, чтобы упрочить древность Евангелій и слѣдовать методу, усвоенному ею; необходимо открыть слѣды нашихъ евангелій у писателей I и II вѣка. Конечно, это не наша вина, что мы имѣемъ подъ рукою не большое число документовъ; отъ всей души желаемъ мы открытія новыхъ рукописей, такъ какъ мы увѣрены, что онѣ приведутъ въ замѣшательство нашихъ противниковъ.

До сихъ поръ мы скорѣе предполагали, чѣмъ прочно доказывали подлинность и глубокую древность нашихъ Евангелій; но достигши до половины II вѣка—того поздняго времени, когда четвертое Евангеліе написано, если вѣрить критикѣ, и когда по ея словамъ, христіанство подверглось глубокимъ измѣненіямъ, мы можемъ и мы должны лучше окинуть взглядомъ пройденное пространство и рѣшить подлежащія вопросы. Мы задаемъ себѣ вопросъ—справедливо ли, что первыя три Евангелія встрѣтили недовѣріе въ церкви

П вѣка, и что четвертое Евангеліе оставалось для нея неизвѣстнымъ по крайней мѣрѣ до 150 года?

Въ наше время ученая Германія дала первокласнаго критика, человека глубоко проникшаго въ эти предметы, истиннаго знатока дѣла, въ лицѣ знаменитаго Тишендорфа. Жизнь его буквально посвящена была изученію текста Новаго Завѣта; онъ отыскивалъ, вырывалъ рукопись за рукописью и наконецъ открылъ манускриптъ въ Синайской обители—это сокровище, которое онъ ставитъ выше извѣстнаго алмаза Ко-хи-норъ; онъ напечаталъ нѣсколько одно за другимъ изданій Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ; его труды простерлись на всѣ тѣ отрасли древней литературы, которыя проливаютъ какой нибудь свѣтъ на исторію священнаго текста, и его изданія при такомъ изученіи удивляютъ столько же количествомъ и разнообразіемъ, сколько изяществомъ и выработкою. Человекомъ имѣющимъ право на то, чтобы его слушали въ вопросахъ объ этомъ предметѣ, точно можетъ считаться Константинъ Тишендорфъ. Было бы неразумно и опрометчиво порицать произведеніе, трудъ достойный уваженія, который этотъ почтенный ученый посвятилъ изслѣдованію времени происхожденія нашихъ Евангелій ¹⁾; но этотъ предметъ еще такъ новъ для большинства, что мы не колеблемся предложить нѣсколько крупицъ, упавшихъ отъ обильной трапезы этого опытнаго изслѣдователя. Любознательнымъ мы рекомендуемъ ознакомиться съ брошюрою Тишендорфа, переведенною на многіе языки, подъ заглавіемъ: *когда написаны были наши Евангелія?* ²⁾).

Утомительно было бы перечислять цитаты изъ нашихъ Евангелій, встрѣчающіеся у отцевъ церкви I и II вѣковъ.

1) Wann würden unsere Evangelien verfasst?.

2) Брошюра эта въ русскомъ переводѣ была помѣщена въ „Трудахъ Кіевской д. Академіи“ и „Правосл. Обзорніи“.

Выше уже мы указали на драгоценныя свидѣтельства, которыя они намъ представляютъ. Свидѣтельства эти можно обезсилить только отрицаніемъ подлинности писаній этихъ отцевъ и отнесеніемъ ихъ для этой цѣли къ позднѣйшему времени. Такое насиліе, такіе приемы смѣлой критики пыталась было примѣнить къ отеческимъ писаніямъ такъ называемая Тюбингенская школа, но попытка ея не удалась. То уже дознано, что Игнатій, Поликарпъ, Варнава, Лустинъ мученикъ, Пастырь Эрмы, христіанскіе писатели жившіе прежде 150 года, приводятъ мѣста изъ нашихъ четырехъ каноническихъ Евангелій, и изъ Евангелія Іоанна такъ же точно какъ и изъ трехъ синоптическихъ¹⁾. Открытая и обнаруженная Тишендорфомъ Синайская рукопись вмѣстѣ съ книгами Новаго Завѣта, заключаетъ греческій текстъ посланія Варнавы, между прочимъ подлинный текстъ начала этого посланія, которое извѣстно было только въ плохомъ латинскомъ переводѣ. Въ этомъ отрывкѣ находится слѣдующая цитата изъ Евангелія отъ Маттея: „есть много званыхъ, но мало избранныхъ“²⁾, которую авторъ сопровождаетъ оговоркою „какъ написано“³⁾. До тѣхъ поръ пока

¹⁾ Kirchhofer, Quellensammlung, IV—VIII, XXXV и XXXVI. Мы надѣемся, что изслѣдованія кавалера Росси въ римскихъ катакомбахъ будутъ способствовать къ подтвержденію глубокой древности если не Евангелія отъ Іоанна, то по крайней мѣрѣ христіанскихъ преданій, собранныхъ въ этомъ Евангелии. По словамъ Дебассэна (Desbassays), между символическими знаками и рисунками, восходящими въ I-му столѣтію, или въ первой половинѣ II-го, Росси открываетъ Агнца—то украшеннаго доблестями Пастыря, то представляющаго овцу, вѣренную руководству добраго Пастыря (Іоанна X, 1—16), виноградную лозу съ безчисленными вѣтвями и обремененную гроздями (Іоанн. XV, 1—16), жену Самарянскую (Іоан. IV, 1—42), евхаристію, служащую божественною пищею путнику въ настоящей жизни (Іоан. VI, 32, 62) Desbassays de Rlichemont въ упомян. соч., pag. 320, 330—333, 355, 357.—Однакожь эти пункты требуютъ подтвержденія; въ подобныхъ предметахъ не легко установить время и христіанскій характеръ рисунковъ не всегда легко опредѣлить.

²⁾ Ев. отъ Маттея, XX, 16.

имѣли только латинскій переводъ, слова эти въ глазахъ критиковъ считались замѣткою на поляхъ страницы случайно попавшею въ текстъ, а теперь дѣйствительно нашли ихъ примѣненными къ Новому Завѣту—въ литературѣ апостольской эпохи ¹⁾. Но вотъ въ первобытномъ греческомъ текстѣ встрѣчаются эти слова буквально; произвольная догадка критиковъ, бывшая въ ходу до этихъ поръ, обращается въ ничто; необходимо допустить, что таинственная оговорка „какъ написано“ усвоитъ Евангелію отъ Матѳея авторитетъ, равный авторитету Ветхаго Завѣта, и притомъ въ столь раннюю пору.

Оставимъ въ сторонѣ сочиненія отцевъ церкви; поищемъ доказательствъ въ апокрифахъ, у еретиковъ, и даже въ сочиненіяхъ враговъ христіанства языческихъ философовъ. Мы говоримъ сперва въ *апокрифахъ*; ясно, что мы разумѣемъ старѣйшіе, древность которыхъ всѣми признана. Апокрифы, о которыхъ мы прежде говорили—Евангеліе евреевъ, Евангеліе египтянъ, Евангеліе Апостола Петра, какъ мы видѣли „суть не что иное какъ компіляціи, болѣе или менѣе искусственно составленныя поддѣлки синоптическихъ Евангелій, особливо Евангелія отъ Матѳея. Мы ничего еще не сказали объ одномъ очень древнемъ документѣ, упоминаемомъ Іустиномъ мученикомъ, Тертуллианомъ и Евсевіемъ ²⁾, вообще известномъ подъ названіемъ Актовъ Пилата. Тисевдорфъ отыскалъ подлинное его названіе: *Записи о Господѣ нашемъ І. Христѣ, составленныя при Понтіѣ Пилатѣ*. Оно считается официальнымъ доведеніемъ высшей власти, составленнымъ правителемъ Іудей, о казни Іисуса Христа. Изучая внимательно это сочиненіе, открываютъ въ немъ искусно намѣченныя сближенія между описаніемъ суда надъ І. Христомъ и нѣкоторыми подробностями изъ повѣствованія св. Апостола Іоанна. Во всемъ же томъ, что касается распятія и воскресенія

¹⁾ Tischendorf, A quelle dato и проч. pag. 28, 29.

²⁾ Reuss. въ упомянут. соч. §§ 258, 259.

Господня, повѣствованіе сближается съ текстомъ трехъ первыхъ Евангелій. Неизвѣстный авторъ этого апокрифическаго сочиненія должно быть имѣлъ предъ глазами наши четыре Евангелія, и такъ какъ оно относится къ первымъ годамъ II-го вѣка, то за нимъ признають важность свидѣтельства, которое оно представляетъ безъ предвзятой цѣли¹⁾.

Апокрифы служили для цѣлей еретиковъ, какъ мы выше видѣли; сектаторы аллегорическими своими толкованіями безъ труда и не стѣсняясь заимствовали изъ текста Евангелій доказательства своего ученія. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о всѣхъ гностикахъ II-го вѣка; достаточно будетъ упомянуть о руководителяхъ Василидѣ, Валентинѣ и Маркіонѣ.

Василидъ, одинъ изъ древнѣйшихъ, жилъ между 65 и 135 годами. Современникъ въ молодости своей св. Апостолу Іоанну и послѣднимъ Апостоламъ, жившимъ въ это время, онъ написалъ въ царствованіе Адріана двадцать четыре книги толкованій на Евангелія²⁾. Судя по нѣкоторымъ отрывкамъ, сохраненнымъ епископомъ III-го вѣка Ипполитомъ, онъ конечно зналъ Евангелія отъ Луки и отъ Іоанна, т. е. именно тѣ самыя два, относительно которыхъ критика наиболѣе сомнѣвается³⁾. Такъ, послѣ словъ: „я слышалъ

¹⁾ Lipsius, въ своихъ *Pilatus-Acten kritisch untersucht*, Kiele. 1870 г. оспариваетъ древность его, и написаніе его относитъ къ времени между 326—376 годами. По его мнѣнію позднѣйшіе писатели воспользовались первоначальною темою актовъ, и составили текстъ *Никодимова* Евангелія. Lipsius утверждаетъ, что цѣль этого подложнаго сочиненія была та, чтобы уничтожить настоящіе Акты Пилатовы. Если бы это предположеніе оправдалось, то оно придало бы высокую цѣну апокрифическимъ Актамъ. Дѣйствительно должно предположить, что сіи послѣдніе не слишкомъ удаляются отъ подлинныхъ Актвъ (вся апокрифическая литература основана на принципѣ подражанія часто рабскаго); иначе они вызвали бы протесты, и не достигли бы цѣли. Они были бы близки по эпохѣ, но не по редакціи съ подлинными актами, что заставляетъ отнести ихъ къ времени указываемому Тишендорфомъ.

²⁾ Hofstede de Groot, въ упом. соч. pag. 8.

³⁾ Тамъ же pag. 9—10.

невыразимыя слова, которыя не лѣтъ есть человѣку глаголати“, онъ прибавляетъ: „какъ сказано: Духъ Святыи найдетъ на тя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя“— тутъ видѣнъ текстъ Евангелія Луки¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „писано есть въ Евангеліи: бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ“, а далѣе: „Господь говоритъ: не у приде часъ мой“). Такъ точно какъ въ посланіи Варнавы у него цитуются священныя книги съ общепринятыми формулами, „писано бо есть,—сказано бо есть и проч.“. Не лишне обратить вниманіе на то что эти мѣста у Василида касаются столь щекотливаго вопроса о сверхъестественномъ рожденіи Спасителя.

Другой извѣстный въ это время еретикъ Валентинъ, умершій около 160 года, кромѣ каноническихъ Евангелій, имѣлъ въ рукахъ своихъ еще одинъ документъ, который онъ называлъ *Евангеліемъ истины*; но все заставляетъ насъ думать, что содержаніе этой книги, въ существѣ, не отличалось отъ нашихъ Евангелій²⁾. Между тѣмъ обличитель ересей Иринеи нѣсколько позже говорилъ: „достоверность нашихъ Евангелій такова, что самые еретики заимствуютъ изъ нихъ свидѣтельства; каждый изъ нихъ, принимая ихъ за основаніе своихъ умствованій, старается употребить ихъ для подкрѣпленія своего ученія.. Ученики Валентина обильно пользуются Евангеліемъ отъ Іоанна³⁾“. Такъ, къ пророкамъ іудейскаго закона онъ Валентинъ примѣняетъ слова Іисуса Христа изъ Евангелія отъ Іоанна X, ст. 8: „Вся елико ихъ приде прежде Мене, татіе суть и разбойницы“. Система Валентина отличается терминологіею, заимствованвою имъ изъ четвертаго Евангелія; началомъ всѣхъ вещей онъ считаетъ восемь производящихъ принциповъ, которыхъ называетъ Отцомъ, Благодатію, Единороднымъ Сыномъ, Истиною,

¹⁾ Ев. отъ Луки I, 35.

²⁾ Ев. отъ Іоанна I, 9; II, 4,

³⁾ Reuss, въ упом. соч. § 245.

⁴⁾ Ads. Haer., III. 11. § 7.—Сравн. Tischendorf, pag. 15, 20.

Словомъ, Жизнію, Человѣкомъ и Церковію. Перечитайте начало Евангелія отъ Іоанна, и вы найдете эти различныя начала ¹⁾). Система Валентинова также неоспоримо доказываетъ употребленіе имъ синоптическихъ Евангелій. Мы находимъ у него равно какъ и у Василида замѣчательное мѣсто о сверхъестественномъ зачатіи Іисуса Христа—столь замѣчательное, что, по поводу его, произошелъ расколъ между учениками еретика ²⁾). Валентинъ признаетъ Бога Творца,—въ видѣ низшаго бога въ Капернаумскомъ сотникѣ, упоминаемомъ Евангелистами Матеемъ и Лукою ³⁾). Онъ полагаетъ, что женщина, страдавшая двѣнадцать лѣтъ потекою крови, и исцѣленная словомъ Господнимъ по свидѣтельству Матѳея, представляла и изображала страданіе и избавленіе двѣнадцатаго принципа его системы и проч. и проч. ⁴⁾). Изъ этихъ примѣровъ видно, что для своихъ нуждъ не было надобности сочинять новыя Евангелія; можно было древнія заставлятъ говорить то, что хотѣли. Валентинъ при цитатахъ употребляетъ общепринятое выраженіе: „писано бо есть въ св. Писаніи“. Главою секты сталъ онъ въ царствованіе Адріана (117—138 г.). Однакожь исторія показываетъ, что гностики стремились все болѣе и болѣе удалиться отъ евангельской истины по мѣрѣ того, какъ они старѣлись, или расширяли кругъ своего дѣйствія. Вѣроятно, что Валентинъ въ началѣ своего поприща старался привить ересь свою къ мощному стволу письменнаго преданія. Свидѣтельство его восходитъ къ тридцатымъ или сороковымъ годамъ втораго вѣка ⁵⁾).

¹⁾ Hofstede, pag. 23. Примѣч. 3 и 4. Irenei Adv. Haes. I c. 8. § 5.

²⁾ Hofstede, pag. 24, 25.

³⁾ Матѳ. XIII, 9. Отъ Луки VII, 8.

⁴⁾ Матѳ. XIX 20, и примѣч.

⁵⁾ Hofstede pag. 30. Употребленіе школою Валентина большей части книгъ Новаго Заветя, самаго Евангелія отъ Іоанна, посланій въ Колоссянамъ, къ Ефесянамъ между 150 и 160 годами самымъ неопровержимымъ образомъ до-

Между Валентиномъ и извѣстнымъ еретикомъ Маркіономъ синопскимъ есть та разница, указанная Тертуліаномъ, что первый пользовался, не искажая Новаго Завѣта, тогда какъ второй сильно урѣзывалъ св. Писаніе. Валентинъ по крайней мѣрѣ щадилъ его¹⁾, тогда какъ Маркіонъ, не стѣняясь ничѣмъ, отбрасывалъ въ немъ мѣста, которыхъ онъ не принималъ. Этотъ опасный еретикъ, явись въ Римъ въ 140 году, не оспаривалъ ни давности, ни подлинности Евангелія отъ Іоанна,—онъ прямо и произвольно отвергалъ содержаніе его²⁾. Онъ вполне отвергалъ рожденіе Спасителя,—считая несообразнымъ чтобы Слово, которое ратовало за добро, явилось въ видѣ чего-то сложнаго изъ духа и изъ матеріи, но онъ училъ, что въ пятнадцатое лѣто царствованія императора Тиверія, Слово низошло съ неба на землю, и поучало въ синагогахъ. Авторитетомъ для него служило только Евангеліе отъ Луки, которое онъ искажилъ, и которое называлось Евангеліемъ Маркіоновымъ³⁾. Этотъ врагъ истины противъ себя свидѣтельствуетъ также о существованіи и о достовѣрности нашихъ четырехъ Евангелій въ церкви съ самаго начала втораго вѣка.

Около половины этого вѣка христіанству пришлось защищаться отъ нападенія сильнаго противника философа Цельса; его надменное отношеніе къ христіанству проложило путь Штраусамъ XIX столѣтія. Между тѣмъ Цельсъ является

казано въ монографіи Georg Heinrici die Valentinianische Gnosis und die Heilige Schrift, Berlin, 1870.

¹⁾ De praescr. haeticorum, с. 38.

²⁾ Hofstede, p. 102, 105.

³⁾ Маркіоново Евангеліе опускаетъ повѣствованіе объ отрочествѣ, о крещеніи и объ искушеніи І. Христа, три притчи—Луки гл. XIII, ст. 1—9.—XV, 11—32.—XL, 9, 18 и сказаніе о торжественномъ вшествіи Спасителя въ Іерусалимъ XIX, 29—46. Ультравѣритическая школа утверждала, что этотъ памятникъ служилъ св. Луку матеріаломъ для написанія его Евангелія, но эта гипотеза теперь оставлена. Bang, Ritschl, Zeller одинъ за другимъ отвергли ee. Heitwig, въ упомян. соч. pag. 9.

не желаемымъ свидѣтелемъ для дѣйствительныхъ противниковъ христіанскаго преданія, потому что будучи менѣе боязливымъ и осторожнымъ, онъ нападаетъ прямо на учениковъ І. Христа,—составителей Евангелій; онъ преслѣдуетъ ихъ и осмѣиваетъ ихъ на основаніи ихъ самихъ писаній, и открываемыхъ въ нихъ ихъ вѣрованій. Онъ унижаетъ силу сихъ свидѣтельствъ, но не берется оспаривать ихъ подлинность. Онъ судитъ о христіанствѣ какъ оно есть, на основаніи того, какимъ оно было въ его время, а не по какому-то такъ называемому совершеннѣйшему Евангелію, и болѣе евангельскому нежели Евангеліе Апостоловъ. Онъ чистый, а не на половину, раціоналистъ. Онъ признаетъ или Христа апостольскаго, или не признаетъ никакого; изъ этихъ двухъ положеній онъ избираетъ одно. Никакая критическая разборчивость не препятствуетъ ему признать происхождение четырехъ Евангелій и сослаться на нихъ какъ на авторитетное свидѣтельство, признанное христіанскою церковію. „Все то, что мы излагаемъ, говоритъ онъ, мы извлекли изъ вашихъ писаній; намъ не нужно никакого другаго свидѣтельства потому, что ваше собственное оружіе поражаетъ васъ“¹⁾. Остановившись на разности текста Евангелій или лучше на гностическихъ искаженіяхъ бывшаго въ употребленіи текста, онъ упрекаетъ христіанъ за перемѣну первоначальнаго текста Евангелія на три или четыре разные фасона и даже настолько, насколько заблагоразсудится, дабы съ помощію этихъ измѣненій можно было отрицать то что имъ возражаютъ²⁾. Великій христіанскій писатель Оригенъ возстаетъ противъ такого обвиненія, и обращаетъ его на самихъ еретиковъ³⁾. Какъ бы то ни было, Цельсъ, какъ истинный Штраусъ втораго вѣка, издѣвается напимѣръ, надъ тѣмъ, что при воскресеніи

1) Tischendorf pag. 20

2) Онъ же pag. 20, примѣч. 2.

3) Orig. Contra Cels. II, с. 27.

Спасителя, одни упоминаютъ о двухъ ангелахъ у гроба Господня, другіе объ одномъ, — одни, это Лука и Іоаннъ — другіе, это Матей и Маркъ¹⁾. Онъ цитуетъ и критикуетъ по своему сказанію о поклоненіи волхвовъ, о бѣгствѣ младенца Іисуса по указанію ангела въ Египеть, о сошествіи на Іисуса Христа Духа въ видѣ голубя при крещеніи, о рожденіи Его отъ Дѣвы, борьбѣ предъ страданіемъ въ Геосиманіи, жаждѣ на крестѣ и многихъ другихъ событіяхъ²⁾. Цельсъ имѣетъ въ виду особливо Евангеліе отъ Іоанна, когда онъ нападаетъ на названіе Слово Божіе, усвоенное Іисусу Христу, когда онъ не вѣритъ, чтобы іудеи просили у Него знаменія, чтобы Господь утолялъ жажду свою у колодца Іакова, чтобы истекала кровь изъ Его тѣла на крестѣ, чтобы по воскресеніи Господь показывалъ гвоздинныя раны³⁾. Такъ какъ Цельсъ писалъ около 150 года, то слѣдуетъ, что четыре Евангелія давно уже пользовались авторитетомъ въ церкви, когда онъ отнесся къ нимъ съ такимъ участіемъ.

Но сильнѣйшее свидѣтельство о подлинности священныхъ нашихъ памятниковъ представляютъ древніе переводы сирскій и латинскій. Первый, называемый *Пешито* (*Peschito*), составленъ въ сирскомъ городѣ Едессѣ, извѣстномъ въ исторіи древней церкви, онъ относится по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ II вѣка⁴⁾. Въ Африкѣ также былъ латинскій переводъ, называемый *Itala*, который, по всей вѣроятности,

1) Ев. Матѣ. XXVIII, 2.—Марк. гл. XVI, 5.—Лука гл. XXIV, 4.—Іоанна, гл. XX, 12.

2) Tischendorf, pag. 20, примѣч. 1.

3) Tischendorf, pag. 20, примѣч. 1.

4) Tischendorf De la date de nos Evangiles, pag. 43. Это время подтверждаетъ Janichs въ своихъ Animadversiones criticae in versionem syriacum et c. Vratislaviae, 1870.—Reuss въ упом. соч. § 308 и 426.—Пешито заключаетъ въ себя всѣ книги Новаго Завета за исключеніемъ 2 посланія Ап. Петра, 2-го и 3-го посланія Іоаннова, посланія Іуды и Апокалипсиса. Отъ исторіи Егезиша знаемъ мы, что въ его время существовало сирское Евангеліе. Допустимъ, что здѣсь дѣло идетъ не о сирскомъ переводѣ, но объ апокрифическомъ

ности составленъ прежде 170 года. Въ составленіи этого перевода участвовали многіе переводчики, и въ такомъ случаѣ естественно допустить, что онъ совпадалъ съ началомъ распространенія христіанства въ Африкѣ, и былъ изданъ по почину африканскихъ христіанъ. По словамъ Тертуліана латинскій переводъ Евангелія отъ Іоанна, въ концѣ этого вѣка былъ въ такомъ значительномъ обращеніи въ Африкѣ, что вліялъ на образованіе богословскаго языка¹⁾. Другіе признаки, каковы цитаты, приводимыя Тертуліаномъ и латинскимъ переводчикомъ большаго сочиненія Иринея противъ ересей, заставляютъ предполагать, что между 190 и 200 годами латинскій переводъ четырехъ Евангелій пользовался великимъ уваженіемъ на всемъ Западѣ. Для этого же необходимо, чтобы этотъ переводъ уже существовалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ²⁾. Итакъ „то утвердившійся уже фактъ, скажемъ мы съ Тишендорфомъ, что отъ 150 до 200 года, переведены на латинскій и на сирскій языки Евангелія въ числѣ четырехъ—ни больше, ни меньше“. Этотъ фактъ бросаетъ знаменательный свѣтъ на вопросъ объ ихъ давности.

Сверхъ того Тишендорфъ замѣчаетъ, что соединеніе четырехъ Евангелій въ одинъ сборникъ, должно было послѣдовать къ концу перваго вѣка, что въ свою очередь отодвигаетъ написаніе ихъ еще дальше. Дѣйствительно, текстъ древнѣйшей рукописи, именно Синайской, переноситъ насъ

чешскомъ Евангелии на сирскомъ языкѣ; во всякомъ случаѣ намъ позволено думать сообразно съ характеромъ, свойственнымъ апокрифамъ, въ отношеніи къ каноническимъ Евангеліямъ, что Сирійское Евангеліе, подобно многимъ другимъ, было составлено по образцу уже принятыхъ документовъ.

¹⁾ Wetscott, Canon ap New Testament, p. 218, 219, 224, 225.—Сравни Reuss, § 449.

²⁾ Tischendorf, A quelle date & c. pag. 8. Сравни между прочими два сочиненія Roensch объ этомъ предметѣ—одно въ 510 страницъ подъ заглавіемъ *Itala und Vulgata*, Marburg, 1869, а другое въ 751 стран. подъ заглавіемъ *Das neue Testament Tertulians*, Leipzig, 1870.

къ половинѣ II вѣка, а внимательное и подробное изученіе этого текста показываютъ намъ, что онъ уже имѣлъ свою исторію; его измѣняли, исправляли на основаніи того, что предполагалось возможнымъ составленіе гармоніи Евангелій¹⁾. Одинъ переписчикъ, на примѣръ, измѣнилъ одно мѣсто въ Евангеліи отъ Луки по параллельному мѣсту въ Евангеліи отъ Маттея или отъ Марка; другой ввелъ вариантъ въ обратномъ смыслѣ.

Впрочемъ новѣйшая критика отступается отъ своихъ прежнихъ заблужденій. Нѣмецкій профессоръ, раціоналистъ Гольцманъ, въ новомъ своемъ сочиненіи о синоптическихъ Евангеліяхъ, говоритъ: „Въ сущности наши результаты относительно времени составленія синоптическихъ Евангелій, находятся въ удивительномъ согласіи съ данными представляемыми въ этомъ отношеніи церковнымъ преданіемъ. Евангелія наши написаны между 60—70 годами, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ помѣщаетъ ихъ канонъ“²⁾. А цюрихскій профессоръ Кеймъ подтверждаетъ также преданіе касательно четвертаго Евангелія, которое онъ относитъ къ концу I-го вѣка. Правда, ему остается только одинъ исходъ — приписывать его пресвитеру Іоанну, а не Апостолу Іоанну, но эта гипотеза ученымъ путемъ была оспариваема, и отринута. Стоитъ только противопоставить ему слѣдующій важный историческій фактъ. Слѣды Апостола Павла и память о немъ, подъ конецъ I-го вѣка, въ Малой Азіи, уже довольно изгладились. „Единственное лице, которое могло сгладить слѣды шаговъ св. Апостола Павла—это Іоаннъ, возлюбленный ученикъ Іисуса Христа, писатель четвертаго Евангелія“³⁾.

Если скорбятъ о томъ, что нѣтъ точно опредѣленныхъ данныхъ касательно времени появленія Евангелій, то не должно забывать, что они рано сдѣлались богослужебными

¹⁾ Tischendorf, A quelle époque & c, pag. 42.

²⁾ Die Syn. Evangelien, Leipzig, 1863, pag. 414.

³⁾ Godet, Comptes-rendus & pag. 20—24.

книгами, а для литургіи нѣтъ надобности знать время; въ виду авторитета ихъ она даже теряла изъ виду время ихъ написанія. Исторія всѣхъ древнихъ литургій подтверждаетъ это. Даже въ наше время появляются сочиненія современныхъ писателей безъ означенія времени и безъ введенія къ нимъ. Появляются также возобновленные изданія, въ которыхъ уже указывается время вторичнаго изданія книги, но не время ея написанія. Лишь только манускрипты, подлинныя рукописи Евангелій были истреблены, то переписчики, или новые издатели для церковнаго употребленія не заботились сдѣлать указаніе на мѣсто и годъ, чему они не придавали никакого значенія. И чтобы указать ихъ, необходимо чтобы автографы или самыя первоначальныя ихъ копіи имѣли самыя вѣрныя данныя, чего никакъ нельзя доказать. Наши четыре Евангелія относятся къ I-му вѣку; церковь съ самаго начала признавала ихъ писаніями Апостоловъ—Матѳея, Марка, Луки и Иоанна. Предметъ этотъ кажется намъ доказаннымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ТРЕТЬЯ ГЕНЕРАЦИЯ СВИДѢТЕЛЕЙ

отъ 160 до 220 года по Рождествѣ Христовѣ.

Егезипъ. — Аполлинарій. — Мелитонъ. — Діонисій Коринѳскій. — Таціанъ. — Теофилъ. — Климентаины. — Ириной. — Серапионъ. — Климентъ Александрійскій. — Тертуллианъ.

Послѣ разсмотрѣнія преданія апостольскаго въ лицѣ первыхъ его хранителей, Апостоловъ и ихъ сподвижниковъ и первыхъ ихъ преемниковъ—апостольскихъ мужей, съ слѣдующею генераціею свидѣтелей, мы удаляемся на столь значительное разстояніе отъ колыбели христіанства, что необходимо оглянуться назадъ, и обозрѣть перспективу дѣйствій, совершенныхъ первыми его шагами въ мірѣ. Мы начинаемъ этотъ третій періодъ съ царствованія императора Марка Аврелія, занимавшаго престолъ съ 161 по 180 годъ. Царствованіе его совпадаетъ съ четвертымъ кровавымъ крещеніемъ, которому подверглась христіанская Церковь. Неронъ Домиціанъ, Траянъ, Маркъ Аврелій, два неразумные и два мудрые правителя, вотъ четыре имени, означающія четыре кровавыя, но славныя эпохи въ исторіи Церкви!—Если то справедливо, что говоритъ одна арабская пословица, что чернила для ученыхъ болѣе значать чѣмъ кровь мучениковъ, то эти

слова наши прѣмненіе свое въ царствованіе Марка Аврелія, который повелѣвалъ проливать чернила первымъ и кровь послѣднимъ; но такъ какъ философія, по мнѣнію его, имѣла болѣе правъ нежели религія, то отъ философовъ онъ требовалъ чернилъ, а отъ христіанъ—крови мучениковъ. И съ тѣхъ поръ роли распредѣлялись такимъ образомъ: въ то время когда философы писали, вѣрующіе избивались.

Въ то время когда Маркъ Аврелій облакался и въ порфиру императора и въ мантию философа, епископскій престолъ въ Римѣ, въ 167 году, занималъ Сотеръ (Soter), а девять лѣтъ спустя Елевѳерій (Eleuthère). За нѣсколько времени до ихъ первосвященства, около 160 года, прибылъ въ столицу Имперіи Егезиппъ—первый извѣстный церковный историкъ изъ Малой Азіи, родомъ еврей¹⁾. По пути онъ посѣщалъ многіе города Римской имперіи, и вездѣ знакомился съ епископами. Онъ довольно долго проживалъ въ Коринѣ. Результаты своего путешествія онъ изложилъ въ пяти книгахъ своего сочиненія извѣстнаго подъ названіемъ: *Воспоминанія о церковныхъ дѣлахъ*. Изъ устъ всѣхъ епископовъ онъ слышалъ одно и то же ученіе²⁾, и свидѣтельствовалъ, что въ каждомъ городѣ и въ каждомъ преемствѣ епископовъ это ученіе было согласно съ ученіемъ закона, пророковъ и Господа Иисуса Христа; въ свою очередь онъ подтвердилъ непреложное содержаніе преданія Апостольской проповѣди³⁾. Что критическимъ чутьемъ Егезиппъ не всегда владѣеть, что можно усомниться въ нѣкоторыхъ чудесныхъ разказахъ, имъ передаваемыхъ, это нисколько не ослабляетъ впечатлѣнія совершенно чистаго единства въ ученіи, которое онъ вынесъ изъ своихъ посѣщеній Церквей. Безспорно, что исторія его оказала великую услугу, если не по изложенію и стилю, то, по крайней мѣрѣ, по вѣрности, когда она такъ скоро приобрѣла въ Церкви полное довѣріе,

1) Егезиппъ въ Real-Encyclopedie Herzog's, V, Pag. 649. 650.

2) Euseb. Hist. eccles. IV, 22.

3) Euseb. Hist. eccles., IV... Тамъ же, IV, 27.

и когда Евсевій съ такимъ обиліемъ пользовался ею. Послѣдній сознается, что онъ часто заимствовалъ у своего предшественника: восемь разъ приводитъ онъ слово въ слово отрывки изъ его сочиненія. Изъ книги Егезиппа онъ приводитъ списки Римскихъ и Коринѣскихъ епископовъ. Егезиппъ списалъ ихъ на мѣстѣ, и въ частности въ отношеніи къ Риму онъ заявляетъ положительно, что списалъ подлинный списокъ. По свидѣтельству Александрійской хроники Егезиппъ около 180 года сошелъ съ поприща.

Современниками Егезиппа были: Клавдій Аполлинарій, епископъ Іерапольскій, Мелитонъ, епископъ Сардійскій и Діонисій, епископъ Коринѣскій. Аполлинарій между другими многочисленными сочиненіями, сохранившимися ко времени Евсевія, написалъ двѣ книги объ истинѣ, и одинъ трактатъ противъ ереси Монтанистовъ, возникшей въ Фригіи въ половинѣ II вѣк.:¹⁾ Монтанисты, ученики Монтана, родъ иллюминатовъ своего времени; утверждали, что они вдохновлены непосредственно отъ Святаго Духа. Утѣшитель, или, какъ они его именовали, Параkletъ (Paraclet), заимствуя названіе у ев. Іоанна, говорившій устами ихъ пророковъ и пророчицъ, ставилъ ихъ выше всякой власти и даже самаго Священнаго Писанія, или Апостольскаго преданія. Наравнѣ со всѣми сектами, которыя, въ теченіе вѣковъ, заявляли подобныя же притязанія, Монтанисты упивались духовною гордостію, и вслѣдствіе своихъ преимуществъ, начавши духомъ, кончали плотію. Ясно, что епископы находились въ большомъ затрудненіи въ виду подобныхъ противниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какой почвѣ могли они вступить съ ними въ борьбу? Аполлинарій это испыталъ. Въ Анкирѣ (Ankyra) въ Галатіи онъ велъ съ ними пренія, тянувшіяся въ теченіе многихъ дней²⁾. По просьбѣ мѣстнаго духовенства, онъ обѣщалъ письменно изложить

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. IV, 27.

²⁾ Тамъ же.

доводы, которыми онъ поражалъ своихъ противниковъ; но онъ сознавался, что ему не легко было исполнить данное обѣщаніе не потому, чтобы онъ затруднялся изобличить ложь и засвидѣтельствовать истину, но изъ боязни и опасенія, какъ бы не показалось кому, что онъ привносилъ что-нибудь чуждое въ евангельское ученіе Новаго Завѣта, между тѣмъ какъ желающій жить по закону евангельскому не можетъ ни прибавлять къ нему, ни отнять отъ него что-либо ¹⁾). Другими словами—не подтверждается ли этимъ самымъ, что преданіе Апостольское установилось, и установилось письменно? Пиша новое сочиненіе, опасались посягнуть на общепринятую истину.

Однакожь Клавдій Аполлинарій отклонился отъ своего принципа, написавъ къ гонителю христіанъ апологію въ ихъ зациту. Сподвижникъ его, Сардійскій епископъ, Мелитонъ сдѣлалъ то же самое ²⁾). Сочиненіями послѣдняго пользовались наравнѣ съ сочиненіями Иринея для подтвержденія ученія о челоувѣчествѣ и божествѣ Иисуса Христа ³⁾). Въ это же время процвѣталъ Коринескій епископъ Діонисій, неутомимый защитникъ православія, постоянно вооруженный для борьбы съ ересями всѣхъ оттѣнковъ наставленіями, обличеніями и исправленіями. Извѣстны были посланія его къ Лакедемонянамъ, къ Аѳинянамъ, къ Никомидійцамъ, къ Гортинской Церкви вмѣстѣ съ другими Церквами Критскими, къ Амастрійцамъ и къ другимъ Церквамъ Понта, къ Кноссіанамъ, къ Римлянамъ — не говоря уже о посланіяхъ его къ частнымъ лицамъ ⁴⁾). Его письма имѣли значеніе епископскихъ посланій; ихъ прочитывали всенарод-

¹⁾ Euseb. Hist. eccles., V, 16.

²⁾ Тамъ же, IV, 13, 26.

³⁾ Тамъ же, V, 28.

⁴⁾ Тамъ же, IV, 23.

но въ церквахъ, даже поддѣлывали ихъ и извращали.—Какъ между Церквами, такъ и между епископами существовала взаимная заботливость и взаимный надзоръ. Одни у другихъ постоянно освѣдомлялись объ успѣхахъ или новыхъ видахъ ересей, и взаимно укрѣпляли себя въ строгой вѣрности учению и наставленіямъ апостольскимъ.

Если мы упоминаемъ здѣсь о Таціанѣ апологетѣ, то не потому чтобы мы приравнивали его къ только что упомянутымъ дѣятелямъ; мы не скрываемъ того, что онъ перешелъ къ враждебной сторонѣ, и подъ конецъ жизни увлекся гностицизмомъ. Но онъ былъ составителемъ перваго свода соглашенія евангельскихъ сказаній, а потому было бы неразумно утверждать, что Евангеліе отъ Іоанна было написано въ 150-мъ году! Осмѣлился ли бы Таціанъ, спустя двадцать лѣтъ, послѣ его появленія, поставить его наравнѣ вмѣстѣ съ тремя синоптическими Евангеліями, если бы Церковь уже съ давняго времени не освятила этого соединенія? ¹⁾ Современникъ его Антиохійскій епископъ Теофилъ, съ своей стороны, на основаніи четырехъ Евангелій составилъ послѣдовательную исторію Господа Іисуса Христа съ присоединеніемъ къ ней объясненій ²⁾.

Теперь надлежало бы остановиться на бесѣдахъ Климентовыхъ (*Homélies Clementines*), написанныхъ во второй половинѣ втораго вѣка, которыя, отражая на себѣ еретическія движенія, непосредственно не доказываютъ существованія въ Церкви одного неоспоримаго авторитета. Но доказываютъ ли онѣ отсутствіе этого авторитета въ отношеніи къ писаніямъ Новаго Завѣта, къ четвероевангелію?... Любопытная вещь!—Климентины, какъ часто называютъ ихъ, заключаютъ въ себѣ многочисленныя ссылки на Евангелія

¹⁾ Euseb. Hist. eccles., IV, 29.

²⁾ Hieronymi Ep. 121 ad Algas. c. VI.

Недавно нашли въ Римѣ окончаніе этихъ бесѣдъ, заключающее въ себѣ повѣствованіе объ исцѣленіи слѣпорожденнаго, и тѣмъ разрушили смѣлые выводы критической школы, готовой вывести доказательства изъ умачиванія, особливо противъ Евангелія отъ Іоанна ¹⁾). И не смотря на это, сочинитель Климентинъ не ссылается на письменное свидѣтельство; ибо едва ли въ этомъ смыслѣ должно истолковывать коротенькій стихъ, въ которомъ Апостолъ Петръ наставляетъ вѣрующихъ жителей Берита въ распознаваніи книгъ ²⁾). Скорѣе все заставляеть насъ думать, что письменному преданію не довѣрялъ анонимный писатель. Ошибка избранныхъ Моисеемъ семидесяти старѣйшинъ состояла въ томъ, что они письменно изложили наставленія, полученные ими отъ пророка Предвѣчнаго; чрезъ это самое они подвергли ихъ всѣмъ случайностямъ измѣненія, а подъ конецъ и искаженія. По его мнѣнію, настоящій Ветхій Заветъ не заслуживаетъ уваженія; лице, придумавшее, какой бы то ни было догматъ, можетъ найти въ немъ мѣста въ подтвержденіе своихъ взглядовъ ³⁾). Единственный возможный авторитетъ это пророкъ истины, который знаетъ все и во всякое время, который самъ безъ грѣха, и который знаетъ всѣ вещи и безъ всякаго предварительнаго изученія ⁴⁾). Этотъ истинный пророкъ—Исусъ Христосъ, который вразумляетъ насъ отличать въ Священномъ Писаніи (т. е. въ книгахъ Ветхаго Завета) истинное отъ ложнаго ⁵⁾)... Но какимъ способомъ достигнуть до точнаго познанія ученія истиннаго пророка? Тутъ необходимо обратить вниманіе на истинно любопытныя

1) Clementis Romani quae feruntur Homiliae viginti, издание Dressel. gottingae, 1853. Homil. XIX, 32.

2) Тамъ же Hom. VII, 12.

3) Clem. Rom. Hom. III. 3.

4) Id. II.

5) Idem. 49.

приключенія гражданина римскаго, мнимаго Климента для отысканія истины. Повѣривъ слухамъ, принесеннымъ изъ Іудеи въ Римъ путешественниками, и выслушавъ нѣсколько проповѣдей, сказанныхъ всенародно въ столицѣ, Климентъ уѣзжаетъ въ Александрію, гдѣ онъ находитъ подтвержденіе того, что явившійся въ Іудеѣ, и прославившійся своими чудесами есть Сынъ Божій ¹⁾. Въ Александрии его представляютъ ученигу Іисуса, называемому Варнавою, который рассказываетъ ему дѣйствительно просто и безъ умствований, что содѣлалъ и говорилъ на его глазахъ Сынъ Божій, и вызываетъ изъ толпы окружавшихъ его многочисленныхъ свидѣтелей для подтвержденія дѣйствительности повѣствуемаго ²⁾. Потомъ Климентъ садится на корабль и отплываетъ въ Кесарію, гдѣ встрѣчаетъ Петра, отличнѣйшаго изъ учениковъ того чловѣка, который явился въ Іудеѣ ³⁾. Петръ послѣ наставленія предлагаетъ ему сопровождать его въ Римъ, и дорогою воспользоваться уроками истины, которую онъ отправляется проповѣдывать ⁴⁾. Климентъ принимаетъ предложеніе. Остальная часть книги посвящена разсказу о проповѣдяхъ ап. Петра, направленныхъ противъ ереси, олицетворенной въ Симонѣ волхвѣ. Петръ, непосредственный ученикъ Іисуса Христа, одинъ истинный апостолъ языковъ, занимаетъ первое мѣсто и представленъ основателемъ Римской общины и первымъ ея епископомъ ⁵⁾... Въ свою очередь Петръ посылаетъ въ сокращенномъ видѣ проповѣди свои епископу Іерусалимскому Іакову, и убѣждаетъ его сообщать это ученіе лицамъ надежнымъ, испытаннымъ. „Нѣтъ истины внѣ подлиннаго преданія; одно правило слѣдуетъ соблюдать относительно единства Божія и образа

¹⁾ Hom. I, 6, 7.

²⁾ Clem. Rom. I. 9.

³⁾ Id. 15.

⁴⁾ Id. 16.

⁵⁾ Clem. Rom. Hom. Epistola Clementis ad Iacobum.

жизни; это правило истины, преданіе, вышедшее отъ насъ, которымъ все должно изъяснять^а. Эти слова дышатъ исключительно привязанностію къ преданію, и къ преданію письменному по содержанію, но устному по формѣ. Надобно видѣть, съ какою точностію Іаковъ исполняетъ предписанія Апостола Петра; книги Петровы онъ сообщаетъ своимъ старѣйшинамъ подъ печатію самыхъ торжественныхъ обязательствъ. „Эти предосторожности, прибавляетъ онъ, необходимы для охраненія отъ совращенія съ пути тѣхъ, которые, ищутъ истины; слѣдуетъ опасаться, чтобы книги не были искажены или не подали бы повода къ безразсуднымъ истолкованіямъ“¹⁾:... Кромѣ того въ Климентинахъ встрѣчаются лица, упоминаемыя въ Евангеліяхъ: Закхей, Хананейская жена и дочь ея и друг... Новъ особенности обращаетъ на себя вниманіе значеніе, усвоенное прежде всего Апостоламъ Петру и Іакову, а потомъ Варнавъ, Закхею и другимъ очевидцамъ жизни и дѣлъ Іисуса Христа, затѣмъ уваженіе, которымъ пользуется преданіе, и преимущественно устное преданіе.—Господство его не кончилось еще со II-мъ вѣкомъ; если заблужденіе проникало, то только подъ видомъ толкованій. Разногласія не было относительно метода; для дознанія истины, обращались къ Апостольскому преданію.

Теперь пришла пора указать на древнѣйшаго, наиболѣе уважаемаго и доблестнѣйшаго бойца за преданіе Апостольское Лионскаго епископа Иринея, родившагося около 140 года, посвященнаго въ епископа въ 178, и умершаго въ 202 году. Онъ не былъ родоначальникомъ преданія, какъ обвиняютъ его; еще за долго до него привыкли ссылаться на преданіе. Но онъ первый систематически установилъ принципы въ отношеніи къ этому предмету, обозначилъ вопросы, и отмежевалъ закрытое поле, на которомъ должна была происходить битва между вѣрованіемъ Церкви

¹⁾ Clem. Rom. Hom. Conteltatio pro iis qui libr. accipiunt, I—V.

и ересью.—До него предметъ не былъ опредѣленъ.—Тертуліанъ, писавшій скоро послѣ него въ Карфагенѣ, считаетъ его мастеромъ дѣла. Неопредѣленность настроенія умовъ стала невыносимою; необходимо было во что бы то ни стало опредѣлить область преданія, уяснить смыслъ Священныхъ Писаній, указать на единственные достовѣрные источники преданія.

Въ этомъ отношеніи Иринеи оказалъ огромныя услуги Церквамъ. Этимъ онъ въ послѣдующихъ вѣкахъ заслужилъ необыкновенное довѣріе; Евсевій же ставитъ его выше всѣхъ предшествовавшихъ писателей ¹⁾.

Вотъ его принципы: „если бы споры касались второстепенныхъ пунктовъ, говоритъ Ліонскій епископъ, то должно прибѣгать къ древнѣйшимъ Церквамъ, къ тѣмъ, среди которыхъ жили Апостолы; и отъ нихъ узнавать, что есть яснаго и опредѣленнаго въ данномъ вопросѣ. Если апостолы не оставили намъ сочиненій своихъ, то слѣдуетъ держаться того самого преданія, которое они завѣщали тѣмъ, которымъ ввѣрили управление Церквами“ ²⁾. Иринеи писалъ во время двѣнадцатаго Римскаго епископа Елевѳерія, и утверждалъ, что преданіе со временъ апостольскихъ сохранилось въ церкви ненарушимо съ проповѣдію истины до него и его сподвижниковъ ³⁾. „Около 177-го года, говоритъ онъ, мы можемъ исчислить тѣхъ епископовъ, которые въ Церквахъ поставлены были Апостолами, и тѣхъ, которые заступили ихъ мѣсто до нашего времени, которые не учили ни чему подобному тѣмъ бреднямъ, которые предъявляютъ намъ гностики. Если бы Апостолы имѣли какія-нибудь таинственныя и тайныя свѣдѣнія, то они не преминули бы сообщить ихъ лицамъ, которымъ они ввѣ-

¹⁾ Euseb. Hist. eccles., IV, 21.

²⁾ Adv. Haer. lib. III, 4, § 4.

³⁾ Тамъ же, 3, § 3.

ряли пропеченіе о самыхъ Церквахъ“ ¹⁾). Было бы слишкомъ длинно, прибавляеть онъ, перечисляеть рядъ епископовъ всѣхъ Церквей. Укажемъ только на преданіе величайшей и древнѣйшей, извѣстной всѣмъ, Церкви Римской, основанной и устроенной именитѣйшими Апостолами Петромъ и Павломъ, на преданіе, возвыщенное всему міру, и дошедшее къ намъ по преемству слѣдовавшихъ одного за другимъ епископовъ“ ²⁾).

Неужели Иринеи защищаль тутъ свой санъ, свою власть или личный авторитетъ? Не выступали ли тутъ іерархическіе интересы, а цѣль Евангельской истины не была ли на заднемъ планѣ? Не бесполезно напомнить при этомъ, что Иринеи писалъ во время гоненія на христіанъ, въ виду костра... Но стоить послушать его самаго, какъ онъ въ письмѣ своемъ къ еретикъ Флорину въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ напоминаетъ ему, что тутъ дѣло идетъ о самомъ существѣ Евангеція, о преданіи, касающемся жизни, дѣлъ, ученія Господа Иисуса: „все твое ученіе, Флоринъ, не есть здоровое, ово не согласно съ вѣрованіемъ Церкви, и принципающихъ его повергаетъ въ крайнее нечестіе, этого ученія не передали тебѣ предшествовавшие намъ пресвитеры, сподвижники Апостоловъ. Еще въ дѣтствѣ я видѣлъ тебя въ Азій у Поликарпа, какъ ты добивался его расположенія къ себѣ, потому я предпочитаю приводить воспоминанія скорѣе того времени нежели позднѣйшаго. Наставленія, приобрѣтенныя въ дѣтствѣ, усваиваются нами и вѣрываются въ самую душу, а посему я могу указать тебѣ даже мѣсто, гдѣ сидѣлъ блаженный Поликарпъ и разговаривалъ, могу указать тебѣ всѣ входы и исходы, описать образъ его жизни, его наружность, бесѣды съ народомъ, обращеніе съ Иоанномъ, какъ онъ самъ рассказывалъ, и съ другими самовидцами Господа... По милости Божіей я и тогда уже внимательно

¹⁾ Adv. Haer. lib. III, § 1.

²⁾ Тамъ же, lib. III, 3. § 2.

слушалъ эти рассказы Поликарпа и записывалъ ихъ не на бумагѣ, но въ сердцѣ своемъ, и теперь благодать Божія помогаетъ мнѣ всегда сохранять ихъ въ свѣжей памяти¹⁾. Посему Иринею имѣлъ полную возможность написать сочиненіе объ Апостольской проповѣди—до насъ, къ сожалѣнію, не дошедшее, которое онъ посвятилъ брату своему Маркіану²⁾.

Одна и единственная только генерація свидѣтелей, имѣвшая представителемъ своимъ Поликарпа, отдѣляла епископа Лионскаго, писавшаго около 180 года, отъ самихъ Апостоловъ. Иринею воспитывался въ Малой Азіи, въ мѣстахъ прославленныхъ св. Апостоломъ Іоанномъ, подъ руководствомъ его сподвижника и ученика. По свидѣтельству въ некоторыхъ писателей онъ даже родился еще при жизни Іоанна и изъ Азіи онъ вынесъ на Западъ, въ глубь Галліи, неизгладимыя воспоминанія о мысляхъ и словахъ Апостоловъ, а особливо послѣдняго изъ Апостоловъ, его же любяше Іисусъ. Нельзя оставаться равнодушнымъ при мысли объ этомъ, устроенномъ Провидѣніемъ, соприкосновеніи Западной Европы съ столицею Азійскаго христіанства—Ефесомъ³⁾. Пространства исчезаютъ, времена тоже сближаются: шестьдесятъ только лѣтъ отдѣляютъ служеніе Іоанново отъ служенія Иринея; кажется будто на главу епископа Лионскаго Иринея сходить благословеніе убѣденнаго съдинами Апостола. Конечно, мы стоимъ не на почвѣ легенды, но на почвѣ исторіи. Преданіе объ этомъ исходитъ изъ кореннаго источника.

Современникъ Иринея и Виктора римскаго, Серапіонъ, восьмой епископъ Антиохійскій, въ царствованіе императора Коммода (180—192 г.) посланіями своими имѣлъ подоб-

1) Euseb. Hist. eccles. V, 20.

2) Тамъ же, V, 26.

3) См. Wiltsh. Kirchliche geographie, Berlin, 1846, I, pag. 40.

ное же вліяніе на Востокъ. Онъ свидѣтельствуеъ, что ересь Докетовъ во многихъ пунктахъ согласовалась съ истиннымъ ученіемъ Господа, но въ другихъ¹⁾ отдалялась отъ него. Въ письмѣ своемъ къ Карику и Понтію онъ воздаеъ должное предшественнику своему Клавдію Аполлинарію. Это письмо подписано значительнымъ числомъ епископовъ однихъ съ нимъ мыслей относительно монтанизма; то были: мученикъ Аврелій, Кириій, Элій Публій, Юлій, епископъ поселенія Девельты во Фракіи²⁾. Не было въ обычаѣ, чтобы окружныя посланія епископовъ христіанскихъ митрополій служили выраженіемъ ихъ единичнаго, личнаго мнѣнія. Были ли эти посланія обращаемы къ одному или къ нѣсколькимъ церковнымъ округамъ, они считались исшедшими отъ цѣлой группы Церквей, расположенныхъ около одной извѣстной Апостольской Церкви. Преданіе было нѣкоторымъ образомъ коллективное: говорили скорѣе Церкви, чѣмъ сами епископы.

Намъ остается выслушать еще двухъ главныхъ свидѣтелей, подвизавшихся вмѣстѣ съ Иринеємъ, уважаемыхъ и почитаемыхъ дѣятелей втораго вѣка, сочиненія которыхъ въ значительной части сохранились—Климентъ Александрійскаго и Тертулліана Карфагенскаго. Первый написалъ главное свое сочиненіе подъ названіемъ *Stromates* около 194 года, второй, родившись около 160 года въ Карфагевѣ, обращенъ былъ въ христіанство въ 185 году, и перешелъ къ Монтанистамъ около 199 года. Оба, по происхожденію Африканцы, писали и говорили въ одно время и умерли почти въ одно время, между 216 и 220 годами. Но одинъ изъ нихъ служить выразителемъ восточнаго генія греческой философіи, направленія идеалистическаго со всеми его тонкостями, другой является представителемъ западнаго генія римской юриспруденціи, направленія реальнаго во всей его

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. V, 22; VI, 12.

²⁾ Euseb. Hist. eccles. V, 19.

суровости. Повидимому африканское солнце влекло одного къ слекулятивности другого къ витійству. Между тѣмъ оба они сходятся на почвѣ общаго отвращенія къ язычеству, общей привязанности къ Апостольскому преданію и общаго недовѣрія ко всякаго рода знанію себѣ представленному. Отличія только видовыя: тогда какъ первый анализируетъ и разбираетъ, другой раздражается гнѣвомъ и наноситъ удары внезапно. Климентъ христіанскій философъ, Тертуліанъ христіанскій адвокатъ; тутъ, хотя два голоса но одинъ звукъ.

Мы уже выше говорили, что Климентъ заимствовалъ прямо изъ источника, бесѣдуя съ непосредственными учениками Апостоловъ. Убѣжденіе его было таково: „вооружаться противъ церковнаго преданія и усвоить взгляды еретиковъ, значило губить въ себѣ свойство человека Божія и вѣрующаго въ Господа. Напротивъ кто, слушая Св. Писаніе, избѣгаетъ этихъ заблужденій, и посвящаетъ жизнь свою истинѣ, тотъ изъ человека, какимъ онъ былъ, становится нѣкоторымъ образомъ божимъ. Учитель нашъ Господь многократно и многообразно всегда наставляетъ насъ чрезъ пророковъ и чрезъ *Евангеліе* и чрезъ *блаженныхъ Апостоловъ*. Мы вѣримъ слову Господа, которое надежныѣ всѣхъ доказательствъ, и которое сказать правду, есть единственное доказательство. Въ этой то наукѣ одни, только познакомившіеся со Св Писаніемъ, суть вѣрующіе; другіе, пошедшіе далѣе, ищущіе основъ истины, суть настоящіе гностики, люди знанія“¹⁾. „Но тутъ еще то божественное преданіе, которое мы приняли и пользуемся имъ, преданіе, согласное съ ученіемъ Господа, есть хранилище, полученное нами отъ Учителя посредствомъ Апостоловъ“²⁾. Какъ одного только Бога мы такъ же исповѣдуемъ единую древнюю и вселенскую

¹⁾ Clem. Alex. Strom. Lib. VII, 16, § 95.

²⁾ Тамъ же, Lib. VI, 15, § 124.

Церковь, Церковь, отличную по своему происхожденію и превосходству, приводящую предопредѣленныхъ праведниковъ по дѣйствию и по началу къ единству вѣры¹⁾. „Еретическія секты называются именемъ своихъ основателей; одна изъ нихъ хотя пыталась было прикрыться авторитетомъ Апостола Маттея, но какъ было единое ученіе Апостоловъ, то такъ же хранилось и одно только преданіе“²⁾.

Прочность Апостольскаго преданія, единство этого преданія, авторитетъ этого преданія, согласіе Церковной вѣры съ этимъ преданіемъ—все эти пункты Климентъ защищаетъ съ неодолимою силою. Онъ такъ же отстаиваетъ ихъ въ виду Грековъ и Іудеевъ, ставившихъ въ упрекъ христіанству многочисленность его сектъ. Климентъ указываетъ имъ, что самые же Греки и Іудеи не отказываются философствовать и іудействовать по причинѣ безконечнаго разнообразія философскихъ и іудейскихъ мнѣній. Не смотря на различіе медицинскихъ школъ, они спѣшатъ къ медику во время болѣзни; заблужденіе не доказываетъ отсутствія истины; оно должно поощрять стремленіе къ истинѣ точно также, какъ сорныя травы не препятствуютъ садовнику воздѣлывать огородныя овощи. Какъ ложь обманщиковъ не освобождаетъ честныхъ людей отъ соблюденія даннаго слова, такъ точно не подобаётъ, чтобы мы какимъ бы то ни было образомъ преступали уставъ церковный, или не хранили основныхъ истинъ нашей вѣры, и въ частности особливо, если другіе отвергаютъ ихъ³⁾.

Правда, Климентъ Александрійскій заимствовалъ многія мѣста изъ апокрифической книги—проповѣди Апостола Петра и др. апокрифовъ⁴⁾, изъ которыхъ онъ приводитъ

¹⁾ Тамъ же, Lib. VII, 17, § 107.

²⁾ Тамъ же, § 108.

³⁾ Clem. Alex., Strom. Lib. VII, 15, § 29—91.

⁴⁾ Тамъ же, Lib. VI, 5, § 39—41, 43, 128.—Lib. VII, 11, § 63.—Nemo Patrum majore licentia usus est in citandis authoribus, sive sacris, sive ethnici-

сомнительныя преданія. Но онъ полагаетъ разницу между *преданіями* ходячими и могущими заключать въ себѣ среди огромной кучи сора нѣсколько частицъ чистаго золота и *преданіемъ* по превосходству содержащимъ въ себѣ правило, между разными *писаніями*, носящими вѣрно или невѣрно имена Апостоловъ, и *Писаніемъ* въ особенности, божественными писаніями, Евангеліемъ (То εὐαγγέλιον), единственнымъ хранилищемъ истиннаго преданія, основаніемъ Церкви единой и вселенской.

Наконецъ ораторъ Карфагенскій Тертуліанъ, раздраженный разъединившими Церковь ересями, выражается еще болѣе категорически. Въ рѣчахъ его видѣнъ адвокатъ, требующій доказательствъ, и въ свою очередь готовый представить ихъ. „Я съ давняго времени, говоритъ онъ, владѣю источниками, восходящими ко времени самыхъ дѣятелей, къ самымъ героямъ событій; я самъ преемникъ Апостоловъ; что они завѣщали, что они совершили, что съ клятвою провозгласили для вѣры, того и самъ держусь¹⁾. Итакъ хотите ли вы въ этомъ дѣлѣ вашего спасенія удовлетворить свое любопытство? Обратитесь къ Церквамъ Апостольскимъ, къ тѣмъ Церквамъ, въ которыхъ самыя каеэды Апостоловъ стоятъ еще на своихъ первоначальныхъ мѣстахъ, въ которыхъ подлинныя ихъ Посланія читаются всенародно—передавая голосъ и воспроизводя черты каждаго изъ нихъ. Отправляйтесь въ Ахаію, и здѣсь въ Коринѣ: Если вы не далеко отъ Македоніи, то предъ вами Филиппы, Солунь.—Если вы можете проникнуть въ Азію, то предъ вами Ефесъ. Если вы придете въ Италію, тамъ Римъ... Какъ счастлива эта Церковь, которой Апостолы передали всецѣло запечатлѣнное своею кровію уче-

cis, cum ei in more sit non integra authorum verba semper recitare, sed pro arbitrio suo nunc contrahere nunc de suo inserere, alia omittere, alia variis modis mutare“. Wottonus, Comment. ad I. Clem. IX приведенное въ Patrum Apostol. Opera. Prolegomena стр. XVIII.

¹⁾ De praescr. haeret., 37.

ніе!... Посмотримъ же, что она сама приняла, чему учила, что утверждала съ общаго съ Африканскими Церквами согласія? ¹⁾). Преданіе, первое по времени, по порядку то самое, которое происходитъ отъ Господа І. Христа, есть истинное ²⁾). Если ереси утверждаютъ, что начало ихъ восходитъ ко временамъ Апостольскимъ, и что онѣ происходятъ отъ Апостоловъ, потому что онѣ возникли при Апостолахъ, то мы можемъ сказать имъ: покажите намъ происхожденіе вашихъ Церквей, разверните предъ нами списокъ вашихъ епископовъ съ самаго начала и въ такомъ порядкѣ, чтобы первый вашъ епископъ имѣлъ учителемъ и предшественникомъ или одного изъ Апостоловъ или такого изъ Апостольскихъ людей, который пребылъ вѣрнымъ Апостоламъ. Въ Апостольскихъ Церквахъ всегда имѣются списки. Смирнская Церковь предъявляетъ, что Поликарпъ былъ поставленъ Апостоломъ Іоанномъ, равно какъ Римская свидѣтельствуетъ что Климентъ былъ рукоположенъ Апостоломъ Петромъ. Точно такъ же всѣ прочія Церкви указываютъ какъ на основателей и охранителей Апостольскаго наслѣдія, на лицъ возведенныхъ въ санъ епископовъ Апостолами ³⁾).

Въ другомъ мѣстѣ энергическій изобличитель еретиковъ утверждаетъ, что ученіе Апостоловъ и ученіе І. Христа одно и то же. „Если никто не зналъ Отца кромѣ Сына и того, которому Сынъ открылъ Его, то Сынъ не могъ вѣрить откровеніи своихъ никому другому кромѣ Апостоловъ, посланныхъ имъ въ міръ на проповѣдь. Но что они проповѣдовали тоже самое, что Господь І. Христосъ открылъ имъ, въ этомъ, повторяю, можно увѣриться, обратившись только къ Церквамъ, основаннымъ самими Апостолами, которымъ они проповѣдывали, какъ они говорятъ, лично, живымъ словомъ, или своими Посланіями. Если же это такъ,

¹⁾ De praescr. haeret., 36.

²⁾ Тамъ же, 14, 31.

³⁾ De praescr. haeret. 32.

то несомненно, что должно признать истиннымъ учение, согласное съ учениемъ этихъ Апостольскихъ Церквей—матерей и источниковъ вѣры, потому что это учение представляетъ преданіе, изшедшее отъ Бога къ І. Христу, отъ І. Христа къ Апостоламъ, и отъ Апостоловъ къ Церквамъ.—Съ другой стороны должно отвергнуть какъ ложное всякое учение, противное той истинѣ, которая исповѣдуются Церквами, которая отъ Церквей восходитъ къ Апостоламъ, отъ Апостоловъ къ І. Христу, и отъ І. Христа къ Богу¹⁾).

Такимъ образомъ Аполлинарій Терапольскій, Діонисій Коринѣскій, Сераціонъ Антиохійскій, Иринаей Лугдунскій, Климентъ Александрійскій, Тертуллианъ Карфагенскій служатъ свидѣтелями порвоначального преданія, перешедшаго къ намъ изъ устъ Апостоловъ чрезъ посредство ихъ ближайшихъ учениковъ. Всѣ они, принадлежа уже къ третьей генерациі, подтверждаютъ совершенное согласіе перешедшаго къ нимъ устнаго преданія съ преданіемъ, записаннымъ въ четырехъ Евангеліяхъ—даже едва различаютъ эти два вида преданія. Четыре Евангелія составляютъ главное хранилище—единственную сокровищницу исторіи Спасителя. „Прежде всего, говоритъ Тертуллианъ, мы исповѣдуемъ, что памятники Евангельскіе написаны Апостолами, которымъ самъ Господь ввѣрилъ право проповѣдать Евангеліе всей твари. Если въ числѣ ихъ есть только Апостольскіе ученики подъ которыми Тертуллианъ разумѣетъ собственно учениковъ Апостольскихъ а не самихъ сподвижниковъ Апостольскаго служенія, (напримѣръ Марка и Луку), то они не суть единственные свидѣтели, они суть свидѣтели совместно съ Апостолами и послѣ Апостоловъ. Проповѣдь учениковъ была бы подозрительною, и могла быть внушаема стремленіемъ къ славѣ, еслибы не была основана на авторитетѣ учителей-свидѣтелей, что я говорю? на самомъ Иисусѣ Христѣ, который далъ

¹⁾ De praescr. haeret. 21.

Апостоламъ званіе Учителей. Короче сказать, изъ числа Апостоловъ Іоаннъ и Матеей напечатлѣваютъ у насъ вѣру; затѣмъ Апостольскіе сподвижники Лука и Маркъ възгрѣваютъ ее¹⁾. „Авторитетъ Апостольскихъ Церквей охраняетъ Евангелія потому, что чрезъ посредство этихъ Церквей они дошли къ намъ; я говорю въ особенности объ Евангеліяхъ отъ Іоанна и отъ Матеея, но мнѣ не безъизвѣстно то, что усвоятъ Ап. Петру Евангеліе, обнародованное Маркомъ, равно какъ знаю и то, что привыкли считать Павловымъ Евангеліе, изданное Лукою²⁾. И по поводу искаженій, которыми еретики Маркіонъ подвергъ Евангелія, краснорѣчивый Кареагенскій юристъ дастъ слѣдующее замѣчательное правило: „если считаютъ самымъ истиннымъ свидѣтельство самое древнее, а древнѣйшимъ то, которое восходитъ къ источнику, источникомъ же здѣсь служатъ Апостолы, то равнобѣрно слѣдуетъ признать, что освященное въ Церквахъ Апостольскихъ есть то самое, чему учили Апостолы“³⁾. У Тертуліана Евангеліе неразлучно съ Апостольскимъ преданіемъ, а это послѣднее блюдетъ въ Церквахъ, основанныхъ Апостолами.

ГЛАВА IV.

АПОСТОЛЬСКОЕ ПРЕДАНИЕ

въ концѣ втораго вѣка.

I. Тексты преданія.—Признавіе Церковію II вѣка авторитета большей части книгъ Новаго Завѣта, особливо же четверо-евангелія.—Забота ея о сохраненіи первоначальнаго текста.—Варианты Евангелій; средство къ открытію оригинальнаго текста.

1) Adv. Marc. IV, 2.

2) Тамъ же, IV, 5.

3) Adv. Marc. IV, 5.

II. Памятники преданія. А) *Ученіе имъ впрованіе Церкви II вѣка.*—Единство ученія отъ 150 до 220 года, доказательство единства Апостольскаго преданія.—Спеціальныя памятники, подтверждающіе его.—Символь Апостольскій.—Исповѣданіе вѣры при совершеніи таинства крещенія.—Апостольское преданіе о божествѣ Іисуса Христа, въ борьбѣ съ Эвіонитами и гностиками.—Христіанство, какъ религія историческая.

В) *Богослуженіе въ Церкви II вѣка.* Празднованіе воскреснаго дня въ воспоминаніе воскресенія Іисуса Христа—и Пасхи въ память страданія и воскресенія Спасителя.—Виды богослуженія.—Двѣ части въ первоначальномъ богослуженіи.—Часть гоимлетическая или назидательная: псалмы и духовныя пѣснопѣнія, чтеніе Св. Писанія, проповѣдь, молитвы.—Часть евхаристическая.—Святое причащеніе—главная сторона богослуженія древней Церкви.—Литургія св. Марка.

III. *Хранители преданія.*—Быстрое образованіе первобытной Церкви.—Авторитетъ епископовъ,—его значеніе въ первое время христіанской жизни.—Заботы Епископовъ о сохраненіи преданія.

Заключеніе. Частыя сношенія между собою первобытныхъ Церквей.—Провинціальныя соборы.—Православіе Церкви II вѣка.—Апостольское христіанство есть единое истинное Христіанство.

Теперь намъ остается собрать въ одно цѣлое разныя черты, бросающія свѣтъ на состояніе христіанской Церкви въ концѣ II-го вѣка. Мы увѣрены, что изъ этого общаго цѣлага вынесется впечатлѣніе замѣчательнаго единства между разными Церквами этого времени, ихъ главами и ихъ знаменитѣйшими представителями, а вслѣдствіе того и впечатлѣніе полнѣйшаго согласія относительно Евангельскаго преданія, касающагося великихъ христіанскихъ событій,—лица, служенія, жизни, смерти и воскресенія Господа нашего Іисуса Христа.

Тексты преданія, памятники преданія, хранители его — подъ такими заглавіями представимъ три главныхъ отдѣленія нашего предмета.

§ 1. *Тексты преданія.*

Канонъ Новаго Завѣта окончательно былъ заключенъ въ IV вѣкѣ¹⁾; но этимъ не исключалось въ послѣдующее время повтореніе недоумѣній касательно нѣкоторыхъ книгъ, бывшихъ спорными въ первое время христіанской жизни²⁾. Вначалѣ, между христіанами было нѣкоторое разномысліе касательно относительной важности нѣкоторыхъ книгъ Новаго Завѣта; но въ замѣнъ того согласіе первоначальныхъ Церквей касательно подлинности и важности тѣхъ или другихъ священныхъ книгъ пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе значенія. Касательно четвероевангелія единомысліе всегда было полнѣйшее и абсолютное. Ученые самыхъ противоположныхъ странъ Иринеи Лионскій, Климентъ Александрійскій и Тертуллианъ Карфагенскій, единодушно принимаютъ четыре Евангелія, Дѣянія св. Апостоловъ, тринадцать посланій Апостола Павла, первое соборное посланіе Петра и Іоанна и Апокалипсисъ. Они различаютъ два сборника, изъ которыхъ одинъ они называютъ *Евангельскимъ*, а другой *Апостольскимъ*, и оба соединяютъ подъ общимъ именемъ *διάθηκη* или Завѣтъ³⁾.—Отрывокъ рукописи II вѣка, найденный въ Римѣ Муратори (Muratori), представляетъ списокъ священныхъ Писаній, признанныхъ въ его время каноническими. Списокъ не имѣетъ начала; онъ начинается сказаніемъ о Евангеліи отъ Луки, которое составитель отрывка называетъ третьимъ Евангеліемъ.—О четвертомъ Евангеліи отъ Іоанна говоритъ нѣсколько подробнѣе и писателя его назы-

¹⁾ Reuss. въ упом. соч. § 351.

²⁾ Grae, въ упомянут. соч. II, pag. 506, 507.

³⁾ Лакманъ (Lachmann), цитуемый Гейнхеномъ въ изданіи Истор. Евсев. Ш, стр. 662, 663, примѣч. 3.

ваетъ свидѣтелемъ очевидцемъ. Онъ такъже замѣчаетъ, что хотя Евангелія по сказаніямъ различаются между собою, но они согласны во всѣхъ главныхъ событіяхъ жизни Спасителя ¹⁾.— Впрочемъ нѣтъ необходимости настаивать на авторитетѣ четвероевангелія въ концѣ II-го вѣка, когда еще въ самомъ началѣ этого столѣтія всѣ четыре Евангелія не только были цитуемы, но пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Мы указываемъ на это обстоятельство просто для засвидѣтельствованія того, что, не смотря на появленіе нѣкоторыхъ апокрифическихъ Евангелій, преданіе Церкви не измѣнялось. Одни наши четыре каноническія Евангелія почитались апостольскими.

Еще любопытнѣе видѣть ревностную заботливость Церквей о сохраненіи своихъ рукописей. Попытки еретиковъ искажать тексты и свое новое ученіе закрѣплять Священнымъ Писаніемъ заставляли христіанъ II вѣка особенно заботиться о судьбѣ своихъ памятниковъ.— По поводу апокалипсическаго звѣринаго числа Иринея говорить, что во всѣхъ достойныхъ уваженія и древнихъ рукописяхъ находится то же самое число; причемъ ссылается на свидѣтельство тѣхъ, которые видѣли Іоанна лицомъ къ лицу; извѣстно, что въ древнихъ рукописяхъ числа выражаются греческими буквами ²⁾. Въ концѣ II вѣка еретиковъ Артемона, Θεодота и другихъ, отрицавшихъ божественность І. Христа, одинъ изъ современныхъ писателей, имени котораго Евсевій не называетъ, потому что и самъ не зналъ его, клеймитъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „они безстыдно извращали Священное Писаніе, отвергали древнее правило вѣры, и не при-

¹⁾ Kirchofer, въ упомянут. соч. стр. 1 и 2.—Отсылаемъ читателей нашихъ въ прекрасному и ученому сочиненію о канонѣ Muratori, напечатанному въ „Neutestamentliche Studien“ de I. Chr. M. Laurent, Gotha, 1866, стр. 197—209.

²⁾ Euseb. Hist. eccles., V, 8.

знавали І. Христа. Они не смотря на то, что говорить Священное Писаніе, но всячески старались посредством хитросплетенныхъ силлогизмовъ подтвердить свое ученіе, отрицающее божественность І. Христа. Когда имъ противопоставляютъ изреченіе божественнаго Писанія, то они пытаются извлечь изъ него какой нибудь видъ силлогизма. Пренебрегая Священнымъ Писаніемъ Божиимъ, они занимаются геометріею; какъ земные, они говорятъ земное, и не знаютъ грядущаго свыше... Они не побоялись наложить свои руки на божественное Писаніе утверждая, что они его исправили. Въ этомъ легко убѣдиться. Кому угодно будетъ собрать находящіяся у каждаго изъ нихъ списки и сличить ихъ между собою, тотъ найдетъ, что они во многомъ не согласны, по крайней мѣрѣ списки Асклепідота несогласны съ списками Θεодота. Такихъ списковъ можно достать много, потому что ученики каждаго ересеначальника одинъ передъ другимъ наперерывъ спѣшили снимать копія съ текста, по ихъ мнѣнію, исправленнаго, а по нашему, обезображеннаго.—Невѣроятно, чтобъ они сами не сознавали преступности такой дерзости!—Они или не вѣрятъ, что божественное Писаніе изречено Св. Духомъ, и чрезъ то становятся невѣрующими, или считаютъ себя учителями мудрѣ Св. Духа, а это что другое, какъ не бѣснованіе?—Они не могутъ не признать себя виновниками этой дерзости, потому что списки написаны ихъ руками; поелику не въ такомъ видѣ они получали писаніе отъ тѣхъ, которые ихъ оглашали, и они не могутъ указать подлинниковъ, съ которыхъ сняли копія“¹⁾... Можно полагать, что если всѣ каноническія книги Новаго Завѣта подвергались такимъ извращеніямъ, то Евангелія должны были еще болѣе пострадать отъ ножницъ еретиковъ, потому что споръ касался лица Спасителя, и выраженіе *грядущій свыше* показываетъ, что особенно нападали на Евангеліе отъ Іоанна.

¹⁾ Euseb. Hist. eccles., V, 23.

Выше мы привели мѣсто изъ Тертулліана, изъ котораго видно, что въ Церквахъ постоянно читали подлинныя писанія Апостоловъ ¹⁾. Не должно ли подѣ подлинными разумѣть собственноручныя ихъ Посланія? ²⁾—Какъ бы то ни было, цитаты Отцевъ II вѣка свидѣлствуютъ, что рукописи сохранялись съ тщательнѣйшею заботливостію, наблюдали съ религіозною ревностію, чтобы въ копии ничего другаго не вносилось кромѣ подлиннаго текста. Съ какимъ уваженіемъ относились къ тексту четвероевангелія, если епископъ Ириней, по поводу одного изъ своихъ сочиненій, обращался съ слѣдующими словами къ будущимъ его переписчикамъ: „Заклинаю тебя, переписчикъ этого сочиненія, именемъ Господа нашего І. Христа и днемъ славнаго Его будущаго пришествія; когда Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ: сличи свой списокъ и тщательно исправь по тому подлиннику, съ котораго ты списывалъ. Перепиши также это заклинаніе и внеси его въ свой списокъ“ ³⁾. Не очевидно ли, что при таковой постановкѣ, при такихъ обычаяхъ и предостереженіяхъ, Церкви во II вѣкѣ повсюду обладали одинаковыми списками четвероевангелія? Съ этой стороны единство Евангельскаго преданія не представляетъ и тѣни сомнѣнія.

Но возражать намъ, что скажете вы о ста двадцати пяти тысячахъ варіантовъ, открытыхъ въ греческомъ текстѣ Новаго Завѣта? На одно четвероевангеліе падаетъ ихъ.

¹⁾ Тамъ же, pag. 2 5—9.

²⁾ M. Pivaine, Authenticity of the Neu Testament стр. 30. замѣчаетъ, что не стоило приглашать любопытныхъ посѣтить Коринтскую, Филиппскую и другія Церкви, если бы они тамъ находили только копии подлинниковъ, а не самыя подлинники. Копія съ Посланія къ Филиппійцамъ были и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Филиппъ, и списки съ Посланій къ Коринтянамъ, тоже находились въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Коринфеа.

³⁾ Euseb. Hist. eccles. V, 20.

около сорока тысяч¹⁾). Увѣрены ли вы въ томъ, что еще во II-мъ вѣкѣ въ Церквахъ употреблялся текстъ Новаго Заѣта подлинный, опредѣленный, общепринятый?... Къ счастью на подобный вопросъ мы можемъ отвѣчать утвердительно, и прибавимъ еще, что, несмотря на тысячи вариантовъ, вошедшихъ современемъ, легко отыскать настоящій перво-бытный текстъ. Его удобно можно возстановить, сдѣлавши сводъ всѣхъ Евангельскихъ мѣстъ, приведенныхъ Отцами Церкви II вѣка, которые преимущественно употребляли греческій языкъ. Апостольскіе мужи, Густивъ мученикъ, Ириней, Климентъ Александрійскій, доставляютъ въ этомъ от ношенія значительный контингентъ. Къ нимъ можемъ при соединить древніе переводы, сдѣланные по первоначальному тексту, Сирскій, Италійскій (Itala), принадлежащіе II-му вѣку²⁾). Наконецъ есть у насъ нѣсколько весьма древнихъ рукописей, текстъ которыхъ во многихъ пунктахъ большею частію неважныхъ, разнится отъ обыкновеннаго греческаго текста. Если эти рукописи подтверждаютъ текстъ отеческихъ цитатъ или древнихъ переводовъ, то, не колеблясь, можно заключить, что онѣ представляютъ настоящій, перво-бытный текстъ. Знаменитая Синайская рукопись въ большей части случаевъ согласна съ Ватиканскою и съ другими памятниками, относящимися ко II-му вѣку³⁾). Вообще христіанская вѣра не боится множества открытыхъ вариантовъ, и имѣя въ виду ихъ, считаетъ священною обязанностію отыскать чистѣйшій текстъ. Послѣдній не рѣдко уничтожаетъ темноту, выясняетъ совершенную точность Евангельскихъ повѣствованій, и облегчая труды изслѣдованія

¹⁾ Tischendorf, quelle époque & pag. 39. Reuss, въ упомянут. соч. §§ 955—365.

²⁾ Tischendorf, Nov. Text ex Sinaitico Codice, Lipsiae 1865, pag. LXIX. Roensch, Das neue Testament Tertullians.

³⁾ Hertwig, въ своихъ Tabellen zur Einleit. ins Neue Testament, pag. 4—8 представляетъ списокъ съ означеніемъ времени древнѣйшихъ рукописей Новаго Заѣта.

ученыхъ, можетъ способствовать къ укрѣпленію вѣры въ слабыхъ.

Представимъ нѣсколько примѣровъ. Въ Евангеліи отъ Луки (IV, 43, 44) въ общепринятомъ текстѣ говорится, что Иисусъ Христосъ проповѣдывалъ въ синагогахъ *Галилейскихъ*; въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ рукописяхъ читается: „въ синагогахъ *Иудейскихъ*“; при принятіи этого чтенія устраняется возраженіе, будто св. Лука не упомянулъ о проповѣди Иисуса Христа въ Иудеѣ ¹⁾.—Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается (Іоан. IV, 5) *Сихемъ* вмѣсто *Сихарь* — названія, принятаго и въ Синайскомъ и въ Ватиканскомъ текстахъ. Но при чтеніи Сихемъ непонятно, почему жена Самарянская въ самый дневной жаръ пришла къ Іаковлеву колодезю, лежавшему въ получасовомъ разстояніи отъ Сихема, города, славившагося обиліемъ водъ и ключей; тогда какъ, напротивъ того, городъ Сихарь лежитъ далѣе къ сѣверу и его крайніе дома стояли недалеко отъ Іаковлева колодезя. Ясно, что знакомство съ текстомъ по рукописямъ облегчаетъ нѣкоторыя затрудненія въ пониманіи ²⁾.

Обращеніе къ самому источнику Евангелій доказываетъ, что единство преданія выражалось даже въ самыхъ словахъ текста. Послѣ сего, кажутся грезящими тѣ, которые говорятъ о недостоверности Евангелія отъ Іоанна, и о появленіи четвертаго Евангелія около половины II-го вѣка. Конечно, въ такомъ случаѣ, опираются уже не на вѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ.

§ 2. Памятники преданія.

А) Ученіе или вѣра Церкви во II вѣкѣ.

Согласіе Церквей такъ ясно вынаружившееся въ предшествующіе періоды, во времена апостоловъ и ихъ преемниковъ, еще явственнѣе выступаетъ въ третьемъ періодѣ.

¹⁾ Казрагі, въ упомянут. соч. стр. 111.

²⁾ Казрагі, въ упомянут. соч., стр. 107—108.

Церкви являются вполне единодушными въ исповѣданіи общей вѣры въ событія и въ истинны Евангельскія. Видимое дѣло, что ученіе еще не отдѣлилось отъ Евангельской исторіи; лукавыя упорныя нападки со стороны ересей побудили Церковь изложить свою вѣру въ формѣ символовъ, и эти первыя образцы символовъ отличаются простотою и фактичностью сравнительно съ тѣми, которые позже изложены были на Никейскомъ и другихъ послѣдующихъ соборахъ. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія, потому что оно показываетъ, что христіане первыихъ вѣковъ не обольщались идеями, какъ обыкновенно трактуетъ о нихъ теорія миеа, но скорѣе ихъ сердце, ихъ совѣсть, ихъ разумъ были пленяемы историческимъ явленіемъ необычайной красоты; они ею были поражены; да иначе и быть не могло; такое ученіе какъ христіанское, — безумное, судя по человѣчески, могло ли въ комъ нибудь возбуждать удивленіе, если бы не опиралось на факты, завѣренныя неопровержимыми свидѣтельствами?—А эти самыя факты столь необычайныя, столь странныя, такъ несогласныя съ человѣческою мудростію, могли ли занять мѣсто въ исторіи челоуѣчества, если бы самою вѣскостію своею волей не волей не поработали умъ и сердце народа Іудейскаго и современной Апостоламъ генераціи?—Памятники II-го вѣка, по штилю своему, историческаго характера; въ нихъ нѣтъ ничево спекулятивнаго; они передаютъ событія, засвидѣтельствованныя глазами и испытанныя руками.—По примѣру св. Апостола Іоанна писатели 2 вѣка не восходили въ темныя области мысли, не спорили, напримѣръ, о божественности Іисуса Христа, не увѣрившись напередъ, что лѣсница, по которой поднимаются, касается почвы и имѣетъ основаніемъ своимъ область фактовъ.

Уже Егезиппъ, въ половинѣ II вѣка, переходя изъ одного города въ другой, и бесѣдуя лично съ епископами, свидѣтельствуетъ, что вездѣ господствуетъ одно ученіе ¹⁾.

¹⁾ Euseb. Hist. eccl. IV, 22.

Вѣрующіе, гонимые въ Лугдунѣ (Лионѣ) и Вьеннѣ, пиша около 177 года къ азійскимъ и фригійскимъ Церквамъ, привѣтствуютъ ихъ, какъ раздѣляющихъ одну и ту же вѣру въ искупленіе и ту же надежду. Такимъ образомъ Востокъ и Западъ подаютъ другъ другу руку ¹⁾. Въ это время въ Римѣ уже сосредоточивался центръ христіанства, и преданія Рима приобрѣтали авторитетъ въ имперіи и въ Церкви.

Въ одномъ апокрифѣ, безспорно древнемъ, найденномъ Евсеіемъ въ архивѣ Едесской Церкви и изданномъ первоначально на Сирскомъ языкѣ, передается содержаніе Апостольскаго преданія Ц-го вѣка ²⁾. Это родъ протокола, въ которомъ записано посѣщеніе Едесса Апостоломъ Ѡаддеемъ вслѣдствіе взаимной переписки между Едѣскимъ царемъ Авгаремъ и Иисусомъ Христомъ. Чудеснымъ образомъ исцѣливши царя, св. Ѡаддей объявляетъ ему, что на другой день онъ возвѣститъ ему слово жизни, и онъ проповѣдалъ ему „о пришествіи Иисуса Христа, о Его посланничествѣ, о причинѣ, по которой Отецъ небесный послалъ Его; о силѣ Его дѣлъ, объ изглаголаныхъ имъ въ мірѣ тайнахъ, о власти, съ которою Онъ совершалъ дѣла, о новомъ Его ученіи, объ умаденіи, обнищаніи и униженіи по вѣшнему челобѣу, и о томъ, какъ смирилъ Себя и умеръ, какъ умалилъ Свое божество, былъ распятъ, сошелъ во адъ, сокрушилъ ограду отъ вѣка неразрушимую, потомъ воскресъ и совоздвигъ мертвыхъ, почившихъ отъ начала міра, — какъ сошелъ одинъ, а восшелъ къ своему Отцу съ великимъ множествомъ людей, — какъ возсѣдаетъ одесную Бога и Отца.. и опять придетъ со славою и силою судить живыхъ и мертвыхъ“ ³⁾.

Подобное же свидѣтельство встрѣчается въ безыменномъ фрагментѣ, открытомъ въ прошедшемъ столѣтіи въ Римѣ Кардиналомъ Муратори, по имени его названномъ

¹⁾ Тамъ же, V, 1.

²⁾ Reuss, въ упомянут. соч. § 266.

³⁾ Euseb. Hist. eccles. I, 13.

„фрагментомъ Муратори“. Сочинитель этихъ нѣсколькихъ строкъ замѣчаетъ, что четыре Евангелія совершенно согласны повѣствуютъ о рожденіи Иисуса Христа, Его страданіяхъ, Его воскресеніи, Его бесѣдахъ съ учениками своими и Его двоякомъ пришествіи—одномъ въ смиреніи и въ униженіи, а другомъ въ могуществѣ и съ царскою славою¹⁾. Этотъ отрывокъ написанъ въ 170 годахъ и по сему неизвѣстный писатель его передаетъ всеобщее вѣрованіе своего времени въ единство вѣры. Въ противномъ случаѣ онъ скорѣе отмѣтилъ бы пункты кажущагося разногласія между каноническими Евангеліями.

Три главныя христіанскіе писателя конца II-го вѣка такъ же вполне согласны въ существенныхъ пунктахъ исповѣдуемой вѣры. Иринеи говоритъ, что у многихъ варварскихъ народовъ существуютъ Церкви, въ которыхъ вѣрующіе во Христа, не имѣя ни бумаги, ни чернилъ, ни письменъ, сохраняютъ древнее преданіе, и обладаютъ спасеніемъ, начертаннымъ на скрижаляхъ ихъ сердець—Св. Духомъ. „Они вѣруютъ въ единого Бога, сотворившаго чрезъ Иисуса Христа Сына Божія небо и землю и все содержащееся въ нихъ. Сынъ Божій, движимый полною любовію къ созданію своему, благоволилъ родиться отъ Дѣвы—соединя въ лицѣ своемъ человека съ Богомъ; Онъ пострадалъ при Понтіи Пилатѣ, воскресъ, вознесся во свѣтъ, придетъ во славу для спасенія искупленныхъ и суда нечестивыхъ, и для преданія вѣчному огню извратителей истины и поносителей Его Отца и Его пришествія“. Къ сему Иринеи прибавляетъ, что „всякое ученіе, противное этому древнему Апостольскому преданію, должно внушать живѣйшій ужасъ“²⁾.

Климентъ Александрійскій въ увѣщательной своей рѣчи къ грѣшамъ заканчиваетъ пространное обличеніе идолопоклонства слѣдующимъ пламеннымъ воззваніемъ: „Вѣрь о человекъ,—вѣрь въ Того, который вмѣстѣ есть человекъ и

¹⁾ Kirchhofer, въ упомянут. соч. pag. 1. 2.

²⁾ Adv. Haer. lib. III, 4, § 2.

Богъ; вѣръ въ живаго Бога. Который страдалъ и Которому поклоняются“ ¹⁾).

Тертуллианъ приводитъ правило вѣры, хранимое его современниками: „безусловно есть только одинъ Богъ; нѣтъ другаго кромѣ Создателя міра, извлекашаго изъ ничтожества все своимъ Словомъ, которое Онъ произнесъ прежде всякаго созданія. Слово это, именуемое Сыномъ Его. во имя Бога, въ разныхъ образахъ являлось патриархамъ, слышано было всегда пророками, наконецъ снизошло въ Дѣву Марію, зачато Святымъ Духомъ и силою Бога Отца приняло плоть въ ея утробѣ, родилось отъ нея и жило подъ именемъ Иисуса Христа; потомъ повѣдало новый законъ, новыя обѣтованія о царствіи небесномъ, совершило чудеса, было распято, въ третій день воскресло, вознеслось на небо, гдѣ сидитъ одесную Отца, Который вмѣсто Его ниспослалъ Духа Святаго, астающаго вѣрующихъ; оно придетъ со славою для собранія святыхъ въ вѣчныя обители, и доставленія имъ наслажденія небесными обѣтованіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ для суда нечестивыхъ на неугасаемый огонь послѣ воскресенія тѣхъ и другихъ и облеченія въ плоть“. Тертуллианъ прибавляетъ, что это правило вѣры, которое, по его словамъ, очевидно пользовалось всеобщимъ признаніемъ, установлено Иисусомъ Христомъ, и никогда не подвергалось сомнѣнію среди вѣрующихъ ²⁾).

Послѣ подобныхъ свидѣтельствъ не возможно объяснить себѣ опасенія христіанъ, отвергающихъ Апостольское происхожденіе символа вѣры Апостоловъ ³⁾). Допустимъ, что въ настоящей своей формѣ этотъ символъ происходитъ не

¹⁾ Clem. Alex. Protrept, X.

²⁾ De praescr. haeret. 13.

³⁾ Reuss въ упомянут. соі. § 279, говоритъ, что этотъ памятникъ, чисто библейскій, огню не схоластическій, безспорно принадлежитъ глубокой древности, и заслуживаетъ носимое имъ названіе.

прямо отъ Апостоловъ. Но не очевидно ли для того, кто прослѣдилъ цѣпь преданій, что въ Церкви, съ самаго начала, было правило вѣры, происшедшее отъ Апостоловъ, и въ которомъ ковечно излагалось ученіе о сверхъестественномъ рожденіи Спасителя, Его воскресеніи, Его вознесеніи на небо и второмъ пришествіи? Если не хотять знать содержанія символа, то лучше объявить себя бблыпимъ еретикомъ, нежели еретики первыхъ вѣковъ, и абсолютно отказаться не только отъ истолкованія христіанскихъ событій, сдѣланнаго Апостолами, но и отъ самаго свидѣтельства Апостоловъ. Не скажутъ ли ученые XIX столѣтія, что они лучше Апостоловъ изложатъ минувшія событія и уяснятъ ихъ значеніе? Но такое притязаніе было бы уже слишкомъ смѣлымъ и противнымъ началамъ здоровой критики.

Вступленіе въ церковь новообращающихся въ христіанство чрезъ таинство св. крещенія обыквенно сопровождалось публичнымъ предварительнымъ исповѣданіемъ вѣры. Крестились большею частію взрослые, потому ли что новообращаемые, по возрасту своему, принадлежали къ этому классу веофитовъ, или потому, что христіане старались въ послѣдніе дни жизни принять это возраждающее и спасающее св. таинство.—Крещеніе было печатію извѣстной, а не какой либо неопредѣленной вѣры. Послушаемъ на этотъ разъ Иустина мученика свидѣтеля достовѣрнаго, потому что онъ самъ принялъ Евангеліе уже въ зрѣломъ возрастѣ; по всей вѣроятности онъ описываетъ свое собственное вступленіе въ Церковь Христову, когда говоритъ: „вѣрующіе т. е. тѣ, которые вполнѣ убѣждены въ истинахъ, имъ внушенныхъ и преподанныхъ и которые обязались вести установленный образъ жизни, учатся молиться, и постыясь испрашиваютъ у Бога прощенія своихъ прежнихъ грѣховъ. Засимъ мы сопровождаемъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ есть вода, и тамъ они принимаютъ тотъ же родъ возрожденія, который мы сами прошли; они погружаются въ воду во имя Бога—Отца и Вседержителя, во имя Іисуса Христа Спасителя на-

шего, и во имя Духа Святаго, по слову Господа учившаго: если вы не родитесь снова, не увидите въ царство небесное¹⁾. Мѣсто это въ связи со многими другими наставленіями Отцевъ Церкви указываетъ на составъ Апостольскаго символа, который былъ только формулою при совершеніи таинства крещенія. Символь вѣры въ такомъ видѣ, въ какомъ мы и теперь еще его читаемъ, распадается на три отдѣльныя части, начинающіяся такъ: вѣрую во единого Бога Отца.... вѣрую въ единороднаго Его-Сына Иисуса Христа... вѣрую въ Духа Святаго. Этотъ символъ вѣры объединяетъ вѣру нашихъ Церквей съ вѣрою первобытной Церкви, и состоитъ изъ одного перечня важнѣйшихъ историческихъ христіанскихъ событій, сдѣлавшихся предметомъ христіанскаго богословія въ послѣдующее время. Но присоединеніе вѣрующихъ къ Церкви въ глубокой древности совершалось посредствомъ исповѣданія его въ первоначальной простой формѣ. Обыкновенно крестили желающихъ только тогда, когда они произносили исповѣданіе вѣры по ученію Апостоловъ. Безъ этого не допускали къ участию въ важнѣйшемъ христіанскомъ священнодѣйствіи, таинствѣ св. причащенія. Іустинъ мученикъ подтверждаетъ это, говоря: „къ принятію евхаристіи допускается только тотъ, кто исповѣдуетъ тѣ истины, которымъ мы его наставили, кто крестился во имя оставленія грѣховъ возраждающимъ крещеніемъ, и кто живетъ такъ, какъ Христосъ заповѣдалъ²⁾“. Спустя сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, Тертуліанъ, защищая таинство крещенія противъ еретиковъ, считавшихъ его излишнимъ, утверждаетъ, что одной вѣры недостаточно, и опредѣляетъ свойство вѣры, которая предшествуетъ и сопутствуетъ крещенію. „Когда человѣкъ исповѣдуетъ какъ сущность вѣры рожденіе, страданіе и воскресеніе Иисуса Христа, то ее утверждаютъ въ немъ таинствомъ, запечатлѣва-

¹⁾ Апол. I. 61.

²⁾ Апол. I, 66.

ють печатью крещенія и этимъ самымъ какъ бы одѣваютъ его въ одежду вѣры ¹⁾“. Тертуллианъ весьма ясно различаетъ предварительное крещеніе, какъ бы Іудейское, совершенное учениками Іисуса Христа при жизни своего учителя, сходное съ крещеніемъ Іоанна Предтечи, и собственно крещеніе Христіанское, которое за тѣмъ послѣдовало. „Подъ послѣднимъ, говоритъ онъ, я разумѣю крещеніе во имя Отца, и Сына и Св. Духа; оно не могло быть совершаемо учениками Іисуса Христа въ то время, когда они еще сами были наставляемы.—надлежало, чтобы Учитель прежде вошелъ въ полноту славы своей; дѣйственность этого крещенія не совмѣщала еще въ себѣ двойнаго залога, представляемаго намъ страданіемъ и воскресеніемъ Іисуса Христа; наша духовная смерть могла быть поправа только страданіемъ Іисуса Христа, и жизнь наша не могла быть восстановлена безъ Его воскресенія“ ²⁾).

Церковь II вѣка знала, чему она вѣровала. Чѣмъ болѣе удалялись отъ времени и отъ театра событій, тѣмъ болѣе сосредоточивались въ самихъ себѣ. Вѣра укрѣплялась. Заботливо охраняемая при жизни Апостоловъ и первыхъ ихъ учениковъ, она должна была принять оболочку и сконцентрироваться въ самой себѣ, чтобы не испариться. Такимъ образомъ возникавшія движенія среди Церкви вызвали въ ней настоятельную необходимость позаботиться о своемъ устройствѣ.

Церкви предстояло защищаться съ разныхъ сторонъ. Одни во имя узкаго консерватизма хотѣли возвратить христіанство въ тѣсныя рамки раціоналистическаго іудаизма. Это были эвѣониты, находившіе себѣ нѣкоторую опору въ христіанахъ іудейскаго происхожденія. Составляя крайнюю правую сторону въ Церкви, эти люди прошедшаго проявляли между собою извѣстные оттѣнки ³⁾. Будучи вра-

¹⁾ De Baptismo, 13.

²⁾ De Baptismo, 11.

³⁾ Euseb. Hist. eccles., III, 27.

гами прогресса, они отрицали въ христіанствѣ совершенно новое откровеніе Божіе, а въ Іисусѣ Христѣ воплощеніе божества. Они очень хорошо чувствовали, что іудейскія традиціи, славное прошедшее іудейскаго народа, его надежды на возстановленіе, его мечты о всемірной монархіи должны были померкнуть и исчезнуть предъ новымъ свѣтиломъ.

Историкъ Евсевій говоритъ о нихъ, что они вѣрили во Христа какъ въ простаго человѣка, родившагося отъ Іосифа и Маріи и возвышавшагося своею нравственностію. Для спасенія недостаточно было вѣрить во Христа, и по вѣрѣ располагать свою жизнь,—необходимо было еще соблюдать законъ. Такъ учили Θεодотіонъ Ефесскій и Агила Понтійскій—оба іудейскіе прозелиты, которыхъ Иринея обвиняетъ въ расположенности къ мнѣнію эвѣонитовъ и въ невѣрной передачѣ слѣдующаго мѣста изъ книги пророка Ісаи: „вотъ молодая женщина будетъ беременна и родить сына“¹⁾. Другіе, болѣе свободнаго направленія, получившіе образованіе по всей вѣроятности въ философской Александрійской школѣ, не отрицали безсѣменнаго зачатія І. Христа отъ Святаго Духа и отъ Дѣвы,—исповѣдывали даже Его предсуществованіе въ состояніи Слова или божественной Мудрости, но настаивали на сохраненіи культа, установленнаго Закономъ Моисеевымъ. Подобно выше упомянутымъ они соблюдали субботу и всѣ іудейскія постановленія, и вмѣстѣ съ христіанами чествовали день воскресенія Спасителя²⁾. Эти эвѣониты и между ними извѣстный Симмахъ, современникъ Оригена, отвергали авторитетъ нашихъ четырехъ Евангелій. Они пользовались однимъ Евангеліемъ Маттея, по причинѣ написанія на еврейскомъ языкѣ. Но еще древніе эвѣониты и на это Евангеліе дѣлали жестокія нападки вслѣдствіе первыхъ его двухъ главъ, повѣствующихъ о сверхъестественномъ рожденіи Іисуса Христа. Они предпочитали ему,

¹⁾ Euseb. Hist. eccles., V, 8.

²⁾ Тамъ же, III, 28.

какъ мы выше замѣтили, Евангеліе къ Евреямъ, въ которомъ лице Иисуса Христа выставлено въ драпировкѣ утонченнаго іудейскаго раввина, и въ которомъ отличіе Закона отъ Евангелія сглажено по возможности ¹⁾).

Понятно, что позже, въ Римѣ, нѣкоторые еретики, крайніе приверженцы догмата о единствѣ Божіемъ—Артемонъ и Θεодотъ кожевникъ утверждали, что ученіе о чистомъ и простомъ человѣчествѣ Иисуса Христа принадлежитъ первымъ временамъ Церкви. Они имѣли дерзость утверждать, что всѣ ихъ предшественники и всѣ Апостолы такъ вѣровали и учили, что древнее это ученіе продолжалось до первосвященства Виктора—тринадцатаго преемника апостола Петра въ Римѣ, и что около 202 года папа Зефиринъ первый извратилъ истину. Упорство въ этомъ мнѣніи одной секты эвѣонитовъ и даже въ нѣдрѣ Церкви одного кружка эвѣонитовъ во второмъ вѣкѣ, на первый взглядъ, кажется, оправдывало такое заявленіе ²⁾. Климентины представляютъ притязанія, узкость взглядовъ и суевѣрія этого кружка въ концѣ II вѣка ³⁾. Но всѣмъ этимъ ересямъ древняя вселенская Церковь ⁴⁾ противопоставляетъ свидѣтельство преемниковъ Апостоловъ своихъ епископовъ, преданія, которыя она ставитъ основаніемъ при наставленіи оглашаемыхъ, символы, читаемые въ слухъ христіанами, или исповѣдуемые неопитами, богослуженія и цѣснопѣнія, въ которыхъ ова выражаетъ сущность своей вѣры. Всего же болѣе ссылается она на Новый Заветъ, на таинственное четвероевангеліе, какъ на главный памятникъ христіанскаго преданія. Замѣчательно, что Игнатій, въ одномъ изъ выше приведен-

1) Euseb. Hist. eccles., V, 17.

2) Тамъ же, V, 28.

3) Ном. II, 19;—III, 5, 25, 51;—VII, 4, 8, 12;—VIII, 7;—XI, 16, 30, 35;—XII, 4.

4) Каколическая значить вселенская, а вселенская Церковь была нѣкогда церковью-матерью, центральною церковью, въ противоположность ересямъ—*нашимъ* Церквию.

ныхъ мѣсть, выставилъ на видъ сверхъестественное рожденіе Иисуса Христа. Въ символахъ вѣры, приводимыхъ Иринеємъ и Тертуллианомъ, такъ же стоитъ этотъ членъ, столь важный въ ученіи о божествѣ Иисуса Христа. Въ этомъ отношеніи преданіе замѣчательно ясно, опредѣленно и сильно. Церковь ни въ чемъ не потворствовала ереси, и не допускала относительно этого предмета извѣстной свободы мнѣній.— Устное преданіе и преданіе письменное совершенно согласны между собою. Допускались различія въ мнѣніяхъ во второстепенныхъ вопросахъ, но не въ вѣрѣ въ чудесное рожденіе Спасителя. И анонимный историкъ, 3-го вѣка, цитуемый Евсеіемъ, очевидно служить только выраженіемъ голоса вселенской Церкви—голоса двухъ вѣковъ, которыми мы теперь занимаемся, когда со столь рѣдкою энергіею изобличаетъ Артемонъ и Θεодотъ: „это—люди, которые не уважаютъ ни Іустиновъ, ни Мильтіадовъ, ни Таціановъ, ни Климентовъ, ни многихъ другихъ писателей, согласно исповѣдающихъ І. Христа Богомъ. Притомъ кому не извѣстны творенія Иринея, Мелитона и другихъ, въ которыхъ Христосъ именуется Богомъ и человѣкомъ? А сколько въ древности написано вѣрующими братіями псалмовъ и пѣснопѣній, прославляющихъ Иисуса Христа, какъ Слово Божіе и Бога!... Но они безстыдно извратили божественное Писаніе,—отвергли правила древней вѣры и не признавали Иисуса Христа; они не смотрятъ на то, что говоритъ Св. Писаніе, но неутомимо стараются открыть какой нибудь видъ умозаключенія для подтвержденія своего безбожнаго ученія“¹⁾.

Единодушіе въ протестахъ и чувство сознанія истины одинаково высказываются въ провинціяхъ и въ городахъ христіанскихъ въ продолженіе всего II вѣка, когда дѣло касается противодѣйствія гностицизму. Противъ этой незаконнорожденной философіи, стремившейся воспользоваться влеченіемъ къ христіанству, и самой подняться на завидную

¹⁾ Euseb. Hist. Eccles. V, 28.

ступень религии, маскируясь христіанскими выраженіями и превращая факты въ идеи. церковь не переставала выставлять на видъ чисто и существенно историческій характеръ своей вѣры. Ея Иисусъ Христосъ былъ не идеаль, не анонимная эманация божества, не временное проявленіе его. Ея Иисусъ Христосъ былъ родившійся отъ Дѣвы Маріи, распятый при Понтіи Пилатѣ—и Иродѣ тетрархѣ, по сказанію Игнатія жившій въ плоти, ѣвшій и пившій съ своими учениками, страдавшій во плоти, и воскресшій съ плотію. Пусть считаютъ эти члены христіанскаго символа матеріальными и грубыми, тѣмъ не менѣе они вѣрны и соответствовали унаслѣдованнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ первоначальной Церкви. На этой библейской почвѣ событій разсѣяныя повсюду христіанскія Церкви тѣмъ тверже скрѣплялись въ единствѣ вѣры. Какая-то высшая, божественная сила руководила ими въ изложеніи ихъ вѣрованій. Защищая событія, Церковь хорошо знала, и глубоко была убѣждена, что она отстаивала цѣлую догматику, всю совокупность ученія и идей, которыхъ эти событія были конкретною формою. Гностики показывали видъ, что они признаютъ событія по крайней мѣрѣ на словахъ; но они къ нимъ примѣшивали изобрѣтенія своей великой такъ ложно названной науки. Религію нравственной усовершенности они замѣняли религію неподвижности—дуализмомъ или пантеизмомъ. Богъ любви, спасающій Христосъ, свободное спасеніе человѣчества, царство Божіе поглощались въ вѣчной борьбѣ между двумя враждебными ихъ началами, или въ роковой игрѣ силъ, истекавшихъ отъ ихъ бога—бездны, бога безъ сознанія и безъ воли, а слѣдовательно безъ любви и безъ святости.

Религіей фактовъ, религіей историческою—вотъ чѣмъ было христіанство! Церковь не могла допустить, чтобы у нея былъ отнятъ этотъ характеръ; не отказавшись отъ своего назначенія быть хранительницею и свидѣтельницею истины.— Во второй главѣ перваго посланія къ Коринтеянамъ, девятый

стихъ гностики истолковывали въ свою пользу¹⁾). Если имъ вѣрить, ихъ доктрины были именно тѣми благами, общанными праведнымъ, о которыхъ Апостоль Павелъ говоритъ: *ихъ же око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце чело-вѣка не взыдоша, яже уготована Богъ любящимъ его*. Историкъ Егезипъ, мужъ древнѣй и Апостольскій, еще въ 160 году замѣчалъ этимъ книжникамъ, что этимъ они обвиняютъ во-лжи божественныя Писанія и самаго Господа Исуса Христа, который напротивъ того говоритъ: блаженны очи видящія то, что вы видите, и блаженны уши слышащія то, что вы слышите²⁾).—Онъ противопоставляетъ имъ явное свидѣтельство Священныхъ Писаній, въ числѣ которыхъ находились эти самыя Посланія Апостола Павла, смыслъ которыхъ они искажали; онъ ссылается на свидѣтельство глазъ, которые видѣли, и ушей, которыя слышали, другими словами—на свидѣтелей жизни Исуса Христа, или жизни Апостоловъ³⁾). — Егезипъ требуетъ фактовъ: его почва есть почва исторіи.

Очевидно, что онъ не отъ себя лично говоритъ. Единство преданія въ церкви П вѣка такъ очевидно, что Тертуліанъ вынуждаетъ гностиковъ объяснить ему столь знаменательное единство. „Пусть такъ; предположимъ, что, въ вѣкѣ апостольскій, всѣ введены были въ обманъ, что Святой Духъ не нисходилъ ни на какую Церковь, хотя Онъ посланъ былъ Исусомъ Христомъ для руководства въ истинѣ и испрошенъ у Отца небеснаго для наставленія въ истинѣ. Допустимъ, что этотъ ниспосланный Богомъ, этотъ

¹⁾ Photius Bibl. cod., 232.

²⁾ Ев. отъ Луки гл. X 234.

³⁾ Бауръ торжествуетъ! Въ этомъ мѣсѣ виднѣтъ онъ обвиненіе, высказанное Эвонитомъ Егезипомъ противъ измѣнника и ложнаго учителя Павла!—Paulus, der Apostel Jesu Christi, zweite Auflage, pag. 253. 254.—У ученика Баура Hilgenfeld-а читаемъ, что „Апокалиптика и гностики вслѣдуются въ идеѣ откровенія того, что было скрыто“.—Die Jüdische Apokalypyk, 1857. pag. 287.

намѣстникъ Христовъ, не выполнилъ цѣли своего посланія. Но вѣроятно ли, чтобы такое множество Церквей и Церквей извѣстныхъ условились между собою принять сообща одно и тоже заблужденіе.—Многія направленія не приводятъ къ одному согласному исходу; Церкви должны были разнообразиться въ заблужденіи. Но нѣтъ: когда единство ученія подтверждается многими вѣрующими, это значитъ, что ученіе согласно было съ преданіемъ, а это не есть признакъ заблужденія“¹⁾).

Доводы Тертуллиана вполне основательны.

В) Церковное Богослуженіе во II вѣкѣ.

Вѣрованія какой бы то ни было Церкви рано или поздно обыкновенно излагаются въ символахъ, служащихъ выраженіемъ общаго сознанія вѣрующихъ. Нельзя представить устроющуюся Церковь, которая не постаралась бы уяснить то, что она исповѣдуетъ, и не опредѣлила бы пунктовъ, отличающихъ ее отъ предшествовавшихъ вѣрованій. Если выработка такъ называемыхъ формулъ нѣсколько запаздываетъ, то Церковь находитъ болѣе простой и болѣе живой способъ выразить свою вѣру. Здѣсь опытъ все рѣшаетъ. Естественно, что обрядовое богослуженіе предшествуетъ составленію и изданію символа во всѣхъ религіозныхъ исповѣданіяхъ: богослуженіе есть повтореніе или представленіе усвоенныхъ чрезъ религію событий; богослуженіе равносильно вынаживанію и преимущественно дѣйствуетъ на глазъ, говоритъ уху въ выраженіяхъ болѣе доступныхъ и понятныхъ, нежели отвлеченное изложеніе вѣры. Внимательное изученіе формъ священнодѣйствій богослуженія христіанской Церкви въ первые два вѣка докажетъ окончательно авторитетъ, которымъ пользовалось, и пользовалось единственно Апостольское преданіе.

¹⁾ De proscr. haeret., 28.

И прежде всего существенная статья этого преданія, составлявшая основу первой проповѣди Апостоловъ—въ Іудейской ли землѣ или въ странахъ языческихъ,—статья о воскресеніи Іисуса Христа вступаетъ съ такою силою въ вѣрованіе новыхъ учениковъ Христовыхъ, что служитъ поводомъ къ перемѣнѣ въ соблюденіи дня покоя. Хотя этотъ переворотъ былъ тихій и постепенный, тѣмъ не менѣе глубокой и знаменательный. Дѣло касалось того, чтобы Церковь на фронтонѣ зданія своего начертала достославную увѣренность въ воскресеніи Главы своего. Какъ лучше могла бы она провозгласить эту истину міру и предъ міромъ, какъ не перенести на первый день недѣли день воскресенія Спасителя, собранія вѣрующихъ и соединенное съ ними богослуженіе Создателю?—Каждый разъ, когда допрашивали христіанъ о побужденіяхъ, заставлявшихъ ихъ собираться въ первый день недѣли, они отвѣчали, что въ этотъ день Господь Іисусъ Христосъ воскресъ, и святость этого дня такъ живо почувствовалась, что въ скоромъ времени онъ былъ переименованъ и изъ дня солнца (die solis) сталъ днемъ Господнимъ. Книги Новаго Завѣта уже указываютъ на эту перемѣну; св. Ап. Павелъ, пиша къ Коринѣянамъ въ 56 году, совѣтовалъ имъ отлагать для милостины въ каждый первый день недѣли, сколько позволить каждому его состояніе, и напоминалъ имъ, что онъ уже прежде установилъ этотъ обычай въ церквахъ галатійскихъ¹⁾. Три года спустя, когда Апостоль находился въ Троадѣ, на берегу Малой Азіи, ученики его въ первый день недѣли собрались для преломленія хлѣба, и св. Апостоль Павелъ продлилъ проповѣдь свою до полуночи²⁾.—Прошло нѣсколько лѣтъ и писатель Апокалипсиса описываетъ, какъ онъ восхищенъ былъ духомъ въ день Господень³⁾. Замѣчатель-

¹⁾ I Посл. къ Кор. XVI, 1, 2.

²⁾ Дѣян. св. Ап. XX, 7.

³⁾ Апок., I. 10.

но при этомъ то, что въ духѣ Апостола это видѣніе тѣсно связывалось съ его религіозными вѣрованіями. Іоаннъ слышитъ и видитъ Воскресшаго, ему вѣщавшаго: „и живый, и былъ мертвъ, и се живъ во вѣки вѣковъ“¹⁾). Посему богослуженіе въ воскресный день посвящалось не мертвому. Увѣримся же въ томъ, что явленіе Воскресшаго въ этотъ самый день связывалось съ воспоминаніемъ объ Его воскресеніи; не хотѣлъ ли Онъ такимъ образомъ фактически освятить прославленіе перваго дня недѣли подтвержденіемъ преданія, которое Онъ началъ, явись своимъ ученикамъ, извѣстному Өомъ, носемъ дней спустя по воскресеніи? Второй Глава рода человѣческаго, второй Адамъ, не желалъ ли освятить новое созданіе, котораго Онъ былъ виновниковъ, соединеніемъ съ днемъ присноблагословеннымъ, когда смерть была попорана, и Онъ, начальникъ жизни, явился во славу?

Достовѣрно, что Церковь всецѣло была проникнута этими чувствованіями. Правитель Виенниі, Плиній Младшій, противникъ христіанства, донося императору Траяну о заблужденіяхъ христіанъ ввѣренной ему провинціи, въ началѣ втораго вѣка писалъ, что у нихъ есть обычай въ назначенный день, до восхода солнца, собираться и славословить въ своихъ пѣснопѣніяхъ Христа какъ Бога²⁾). Около этого же времени Игнатій мученикъ въ посланіи своемъ къ жителямъ Магнесіи случайно упоминается о перемѣнахъ, введенныхъ въ богослуженіе новыми надеждами христіанина. „Мы не празднуемъ болѣе субботу, говоритъ онъ, но мы живемъ жизнію Господа, тою жизнію, для которой вознесся Тотъ, Который есть наша жизнь“³⁾). — Тутъ заключается не передаваемая игра словъ, но намекъ на празднованіе воскреснаго.

1) Апок. гл. I, ст. 18.

2) *Soliti stato die ante lucem convenire, carmenque Christo quasi Deo, dicere secum invicem. Ep. ad Trajanum.*

3) *Ep. ad Magnes. IX.*

дня, какъ дня богослуженія, ясенъ для знакомаго съ греческимъ языкомъ. Варнава въ своемъ посланіи говоритъ, что христіане съ радостію празднуютъ восьмой день, въ который Иисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ ¹⁾). Но самымъ точнымъ образомъ упоминаетъ объ этомъ днѣ Іустинъ мученикъ въ апологіи, писанной въ 147 году. Въ этомъ сочиненіи рассказываетъ онъ, что въ такъ называемый день солнца всѣ живущіе въ городахъ и въ весяхъ собираются вмѣстѣ. „Мы собираемся, говоритъ онъ, въ день солнца потому, что это есть первый день, въ который Богъ создалъ міръ, по своему изволенію преобразуя тьму и матерію, и въ этотъ же день Господь нашъ Иисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, ибо Онъ былъ распятъ въ навечеріе субботы, въ наутріе же послѣ субботы, т. е. въ день солнца, Онъ явился Апостоламъ своимъ и ученикамъ, и училъ ихъ тому, что мы вамъ изложили для вашего назиданія“ ²⁾). Іустинъ обращенъ былъ въ христіанство изъ язычества, или по крайней мѣрѣ изъ школъ языческой философіи; онъ посвящалъ свою апологію императору языческому, въ которой точно описывалъ обычаи, бывшіе въ ходу между христіанами, на которыхъ клеветали. Отсюда-то тѣ драгоцѣнныя подробности, которыя онъ сообщаетъ о богослуженіи древней Церкви. Такимъ же образомъ объясняется языческое названіе дня днемъ солнца; Іустинъ не могъ говорить о днѣ Господнемъ, обращаясь ко врагу вѣры. Значеніе воскреснаго дня было выяснено епископомъ Сардійскимъ Мелитомъ, современникомъ Іустина; извѣстно, что онъ написалъ разсужденіе о воскресномъ днѣ ³⁾, хотя не извѣстно содержаніе его. Даже самыя еретики Эвѣониты выражали уваженіе къ этому дню—особенно дорогому для сердца христіанина. Строго

¹⁾ Ep. Barnabae. XVI.

²⁾ Apol. I, 67.

³⁾ Euseb. Hist. eccles. IV, 26

придерживаясь иудейства и Закона Моисеева, желая новое вино Евангелія влить въ ветхіе сосуды иудаизма, храни субботу и множество другихъ иудейскихъ обычаевъ, они при всемъ этомъ соблюдали дни Господни подобно всемъ обществу христіанъ—именно въ память воскресенія Господня¹⁾. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить одну особенность: христіанскія собранія для богослуженія, говоритъ Плиній, происходили преимущественно утромъ до восхода солнца. Почему?—Конечно потому, что Господь Іисусъ Христосъ воскресъ рано утромъ²⁾.

Тертуллианъ въ свое время (150—220) говоритъ объ установленіи празднованія воскреснаго дня какъ вообще всѣми уже принятого. „Въ день солнца (dies solis), говоритъ онъ, мы предаемся радости. Мы считаемъ грѣхомъ поститься, или съ приклоненіемъ колѣнъ молиться въ день Господень. Каждый восьмой день для христіанина есть праздничный день“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ этотъ же писатель утверждаетъ, что всѣ дни Господни, что въ каждый часъ и во всякое время можно крестить; если между днями есть разница въ чествованіи ихъ, то ея нѣтъ по отношенію къ благамъ, которыя они приносятъ“⁴⁾. Изъ вышеприведенныхъ мѣстъ очевидно, что въ глазахъ Тертуллиана празднованіе воскреснаго дня сопровождалось бѣльшею торжественностію только по воспоминаніямъ. Этотъ день былъ выдѣленъ воскресеніемъ Господнимъ; соблюдать его значило прославлять и провозглашать снова это великое событіе христіанскаго преданія.

Но нигдѣ вѣра древней Церкви не выступаетъ, не выражается явственнѣе какъ въ установленіи празднованія Пасхи христіанской. Не извѣстно точно то особенное че-

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 27.

²⁾ Ante lucem.

³⁾ Apoiog. 16.—De corona, 3.—De Idolol., 14.

⁴⁾ De Bap. 19.

ствование, которымъ первые христіане окружали это религиозное праздненство. Первоначально Пасха была почти единственнымъ у нихъ праздникомъ, дми прославляемымъ; ее называли праздникомъ по преимуществу. Около нея группировались всѣ преданія Церкви, въ ней находили свое олицетвореніе самыя драгоценныя и самыя трогательныя воспоминанія вѣры.

Въ древнія времена еще не отмѣчаютъ, какъ бы это слѣдовало, сравнительно болѣе важнаго и болѣе общаго значенія Пасхи. Было два событія, къ которымъ она одинаково могла относиться, и относилась,—два событія, близкія по времени и по своему внутреннему взаимному отношенію. Такими событіями были смерть Иисуса Христа, истиннаго пасхальнаго агнца, и Его воскресеніе въ наутріе послѣ субботы ¹⁾. Теперь мы сосредоточиваемъ свое благоговѣніе и вниманіе ва второмъ изъ этихъ событій; болѣе одухотворенная древняя Церковь въ богослуженіи своемъ, не раздѣляла этихъ двухъ великихъ воспомнаній, которыми соотвѣтствовали двѣ великія истины спасенія. Въ памятникахъ и въ обычаяхъ, восходящихъ до этой эпохи, все указываетъ на твердость и на единство преданія о значеніи смерти и воскресенія Господа Иисуса Христа.

Это единство преданія со II-го вѣка даже подало поводъ къ преніямъ о Пасхѣ. Повидимому было предопредѣлено, чтобы ученіе, нравственность, богослуженіе, благочиніе устроились только вслѣдствіе не рѣдко горячихъ преній въ нѣдрѣ Церкви. То же самое случилось съ праздникомъ Пасхи. Одни скорѣе настаивали на первомъ событіи Пасхи, которое сближало ихъ съ преданіемъ іудейскимъ, и склонялись праздновать закланіе Иисуса Христа, какъ пасхальнаго агнца Новаго Завѣта; другіе скорѣе присоединялись ко второму событію—къ воскресенію Христову, и этимъ

¹⁾ Ebrard. въ упомянут. соч. pag. 1179

отличали свою Пасху отъ іудейской. Такимъ образомъ первые въ опредѣленіи дня празднованія Пасхи держались іудейскаго преданія, и праздновали этотъ праздникъ, какъ подвижной, въ тѣ дни недѣли, на которые падало четырнадцатое число мѣсяца Нисана ¹⁾. Вторые заботились о томъ чтобы праздникъ Пасхи совпадалъ съ воскреснымъ днемъ возстанія Господня изъ мертвыхъ, не обращая вниманія на дни мѣсяца. Такимъ образомъ у нихъ всѣ воскресные дни были небольшими пасхами, а пасхальное воскресенье было великою пасхою, собственно такъ называемою Пасхою. Слѣдствія этихъ различій отражались на предшествовавшемъ празднику постѣ. Малоазійскія Церкви, придерживаясь прежняго образа жизни, полагали, что слѣдуетъ прекращать постъ въ день закланія Агнца т. е. въ четырнадцатый день луны; другія же христіанскія Церкви и между ними Палестинскія и Римская полагали, что слѣдуетъ продолжать постъ до дня воскресенія, считая Пасхою, какъ говоритъ Евсевій, таинство воскресенія Христова изъ мертвыхъ ²⁾. Между тѣмъ Иринеи остроумно замѣчаетъ, что разногласіемъ въ постѣ утверждается согласіе вѣры ³⁾.

Эти пренія прошли три послѣдовательныя ступени; тонъ и приемы преній принимали по временамъ болѣе или менѣе острый характеръ. Сначала споръ завязался въ 162 году между представителемъ Малоазійскихъ Церквей Поликарпомъ Смирнскимъ и представителемъ Римской Церкви Авикитою; потомъ въ 170-мъ году распря возобновилась между Мелитономъ Сардійскимъ и Аполлинаріемъ Іерапольскимъ; затѣмъ довольно сильная распря повторилась въ 198 году со стороны западныхъ Церквей, въ царствованіе императора Коммода, между Поликратомъ Ефесскимъ и Викторомъ Римскимъ ⁴⁾.

¹⁾ Это былъ четырнадцатый день послѣ полноудія, слѣдовавшаго за весеннимъ равноденствіемъ.

²⁾ Euseb. Hist. eccles., V, 23.

³⁾ Тамъ же, 24.

⁴⁾ Тамъ же V, 23—25.

Сначала тѣ и другіе ссылались на устное преданіе Церкви. Поликарпъ соблюдалъ четырнадцатое число Нисана вмѣстѣ съ Іоанномъ ученикомъ Господнимъ и съ другими Апостолами, которыхъ онъ посѣщалъ ¹⁾. Нѣсколько позже Поликрать Ефесскій, сославшись на свидѣтельство нѣсколькихъ епископовъ и мучениковъ Азійскихъ, писалъ Виктору Римскому слѣдующее: „Всѣ они праздновали Пасху по Евангелію въ четырнадцатый день, ни въ чемъ не отступая отъ правила вѣры, но во всемъ держась его; такъ поступаю и я, Поликрать, наименьшій изъ всѣхъ васъ, и поступаю по преданію своихъ родственниковъ, которыхъ былъ наслѣдникомъ. А изъ родственниковъ моихъ считается семь епископовъ, а я восьмой, и они всегда праздновали Пасху въ тотъ день, въ который народъ Іудейскій очищаетъ дома свои отъ всякой закваски. Вотъ, братія моя, шестьдесятъ пять лѣтъ живу я о Господѣ въ согласіи съ братією всего міра; я прочиталъ все священное Писаніе, и угрозы не боюсь“ ²⁾. Епископъ Римскій и современникъ Поликарпа Аникита, съ своей стороны, объявлялъ, что онъ желаетъ и обязанъ слѣдовать обычаямъ предшествовавшихъ ему пастырей ³⁾. Преемникъ его Викторъ велъ пренія съ высокоуміемъ и съ нетерпимостію, весьма часто отличавшими Римскій престолъ. Онъ помышлялъ только объ отлученіи Азійскихъ Церквей изъ общества христіанскаго, и этимъ навлекъ строгій, заслуженный выговоръ Иринея Ліонскаго ⁴⁾.

Та и другая сторона считала себя поступающею по тексту Евангельскому. Одни ссылались на имя Апостола Іоанна и другихъ извѣстныхъ Апостоловъ; другіе, въ особенности Римскіе христіане, не выставляя имени Апостола, основывались на древнемъ преданіи, начало котораго могло

1) Euseb. Hist. eccles. V, 24.

2) Тамъ же V, 24.

3) Тамъ же V, 25.

4) Тамъ же. Сравни. Ebergard, въ упомянут. соч. pag. 1182.
Апостольское преданіе.

восходить къ устраивавшимъ Римскую Церковь Апостоламъ Павлу и Петру. Но въ такомъ случаѣ было ли существенное разногласіе между Апостолами—Иоанномъ съ одной и Петромъ и Павломъ съ другой стороны?—Нимало. Очевидно, что Иоаннъ, который въ писаніяхъ своихъ представляетъ намъ Іисуса Христа какъ истиннаго пасхальнаго Агнца ¹⁾, въ христіанской Пасхѣ прежде всего видѣлъ закланіе Агнца Божія, очищающаго грѣхи міра. По самому естественному сдѣленію идей, онъ продолжалъ соблюдать четырнадцатое Нисана, тотъ самый день, въ который Іудеи приносили въ жертву пасхальнаго агнца. Не придавая этому никакой особенной важности, онъ одинъ своимъ примѣромъ внушилъ ученикамъ своимъ праздновать Пасху въ этотъ день. И такъ какъ благодать искупленія въ его глазахъ выражалась въ очищеніи грѣховъ чрезъ святую жертву, то онъ прекращалъ постъ скорби и печали со дня смерти Господней. Апостолы же Павелъ и Петръ, обнимая своимъ взоромъ всѣ три дня—страданія, погребенія и воскресенія Іисуса Христа, служившіе помимо своей исторической дѣйствительности, еще символами судебъ христіанина, который умираетъ со Христомъ, погребается съ Нимъ, воскресаетъ и возсѣдаетъ въ царствіи небесномъ ²⁾,—соединили праздникъ Пасхи съ днемъ возстанія Господня изъ мертвыхъ, какъ днемъ, завершающимъ всѣ чаянія и ожиданія христіанина. Римская Церковь унаслѣдовала это преданіе, увѣковѣчила его, и продолжила приготовительный постъ до навечерія пасхальнаго воскресенія.

Текстъ четвероевангелія могъ подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, приведшимъ къ разногласію. Такъ какъ въ Евангеліи отъ Іоанна сказано, что Іисусъ Христосъ умеръ прежде вкушенія пасхальнаго агнца ³⁾, то читавшіе

¹⁾ Ев. отъ Іоанна гл. I, 29, 36. Апокал. V, 6, 8, 12, 13 и друг. Мы приводимъ свидѣтельство Іоанна Крестителя какъ соотвѣствующее мысли Евангелиста, который не отрицалъ бы его, еслибы не считалъ согласнымъ съ своимъ взглядомъ.

²⁾ Посл. къ Римл. VI, 4—9;—къ Ефес. II, 5, 7; I Посл. Петра I, 3, 4, 18, 21.

³⁾ Ев. отъ Іоанна XVIII, 28; XIX, 31.

эти слова въ Малой Азіи, находили въ нихъ подтвержденіе вѣры Іоанна, видѣвшаго въ І. Христѣ закланнаго агнца, и потому они соблюдали съ Іудеями празднованіе четырнадцатаго Нисана. Напротивъ того первые три Евангелія ясно говорятъ, что І. Христосъ вкушалъ пасхальнаго агнца со ученики своими ¹⁾. Это слѣдовало понимать такъ: Іисусъ Христосъ вмѣстѣ съ учениками своими принялъ участіе въ приготовительной трапезѣ (вечерѣ), называемой иногда Пасхою, но Онъ не вкушалъ пасхальнаго агнца ²⁾. Но читавшіе въ Римѣ первые три Евангелія, въ особенности Евангелія Марка и Луки, написанныя сподвижниками ап. Петра и Павла, легко могли понять евангельскій текстъ такъ, что Іисусъ Христосъ вкушалъ отъ пасхальнаго агнца. Для нихъ не настояла необходимость какъ для читателей ев. Іоанна выводить такое заключеніе, что Іисусъ Христосъ самъ послужилъ священной жертвою. Между смертію Іисуса Христа и іудейскимъ установленіемъ закланія агнца они могли не подмѣчать таинственнаго и знаменательнаго отношенія; ихъ взоръ останавливался на заключительномъ актѣ искупительной жертвы, на возстаніи изъ мертвыхъ въ третій день. Пасхою для нихъ было самое воскресеніе, и торжественнымъ днемъ для нихъ служилъ первый день недѣли—воскресенье.

Поятно, что эти отличія въ частностяхъ вмѣсто ослабленія авторитета Апостольскаго преданія показываютъ намъ, что вліяніе его простиралось даже до установленія формъ богослуженія. Самое предпочтеніе одного Апостола предъ другимъ продолжается въ Церквахъ, и то, что съ началъ

¹⁾ Ев. отъ Мате. XXVI, 17, 19; отъ Марка XIV, 1, 12, 14. Ев. отъ Луки XXII, 1, 8, 11—16.

²⁾ Gaspari, въ упом. соч. стр. 173, 176. По преданіямъ египетскихъ христіанъ Ипполита и Итальянцевъ, Аполлинарія Гернопольскаго и Климента Александрійскаго, Іисусъ Христосъ не вкушалъ пасхальнаго агнца; Онъ самъ былъ жертвою. (Гамъ же, стр. 181—185).

было только слѣдствіемъ отличія учениковъ по индивидуальности, по характеру и по воспоминаніямъ, современемъ грозило стать основой расколѣвъ. Намъ кажется, что нельзя было заявлять большаго уваженія къ апостольскому ученію. Уваженіе это граничило уже какъ бы съ подобострастіемъ.

Вѣра древней Церкви уже столь наглядная въ выборѣ праздничныхъ дней выражается и высказывается еще болѣе близкимъ и положительнымъ образомъ въ разныхъ дѣйствіяхъ богослуженія. Въ теченіе минувшихъ столѣтій оно состояло изъ двухъ явственно отличавшихся частей, гомилетической или поучительной и евхаристической; каждая изъ нихъ, по своему, свидѣтельствовала о содержаніи христіанскаго вѣроученія. Вотъ въ чемъ состояли эти двѣ части богослуженія.

Первую половину служенія посвящали пѣнію священныхъ пѣснопѣній. Апостолъ Павелъ указываетъ на Коринтянъ, когда они, собравшись, по начинанію одного изъ присутствующихъ, воспѣвали духовныя пѣнія ¹⁾). Онъ приглашаетъ Ефесянъ и Колоссянъ „назидать себя псалмами и славословіями и пѣснопѣніями духовными, поя и воспѣвая въ сердцахъ своихъ Богу ²⁾ Господу“. Вѣроятно, что псалмы, употреблявшіеся въ Иудейской Церкви, служили существенною частію этихъ священныхъ пѣснопѣній. Въ нихъ не было еще ничего специально христіанскаго.—Первыя произведенія новой вѣры продолжали сохранять извѣстный колоритъ Иудейскій. Гебраизмы въ мысляхъ и въ выраженіяхъ встрѣчаются въ обиліи, напримѣръ въ пѣсняхъ Маріи, Захаріи, Анны, которыя Церковь усвоила себѣ безъ сомнѣнія при самомъ ихъ появленіи. Нота христіанская звучитъ явственнѣе, когда мы подходимъ къ побѣднымъ пѣснямъ откровенія (Апокалипсиса) св. Іоанна. Въ этой книгѣ нѣтъ почти ни одной главы, которая не дала бы драгоцѣннаго матеріала для зараждавшейся литургіи.

¹⁾ I Посл. къ Кор. XIV. 26.

²⁾ Посл. къ Ефес., V. 19.—Посл. къ Колос. III, 16.

Во всякомъ случаѣ, по образцу этихъ хвалений (аллилуія), этихъ пѣснопѣній, воспѣвавшихъ или славу или дѣйствія благодати, образовалось послѣдовавшее въ Церкви слово-словіе. Могла ли она принять или заимствовать эти выраженія поклоненія и хваленія, еслибы усматривала въ нихъ какіе-нибудь слѣды идолопоклонства, суевѣрія или заблужденія?—Да обратятъ вниманіе на значеніе подобныхъ симъ мѣстъ: „достоинъ ты взять книгу и снять съ нея печати: ибо ты былъ закланъ, и кровію своею искупилъ насъ Богу изъ всякаго колѣна и языка, и народа, и племени; и содѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему.... Достойнъ Агнецъ закланный принять силу и богатство, и премудрость, и крѣпость, и честь, и славу и благословеніе¹⁾.— „Царство міра сдѣлалось царствомъ Господа нашего и Христа Его, и будетъ царствовать во вѣки вѣковъ“²⁾). Можно ли представить себѣ, чтобы подобныя рѣчи остались незамѣченными или не наказанными въ вѣкъ апостольскій, на глазахъ Апостоловъ, еслибы онѣ не служили выраженіемъ вѣры?.. Еслибы молчаливое согласіе Церкви не доказывало того, что она въ этихъ пѣснопѣніяхъ встрѣчала точное выраженіе своей вѣры, то свидѣтельство заносчиваго и ученаго язычника, правителя Плинія могло бы завѣрить въ этомъ. Онъ говоритъ, что христіане между собою восхваляютъ въ пѣсняхъ Христа какъ Бога („*canunt dicere Christo quasi Deo*“). Эти слова не указываютъ ли, дѣйствительно, на отголосокъ высокихъ пѣснопѣній Откровенія св. Іоанна, воспѣтыхъ христіанами въ Виѳиніи, въ одномъ или двухъ дняхъ разстоянія отъ того Ефеса, въ которомъ угасалъ Апостоль Іоаннъ, творецъ этихъ пѣснопѣній?... Спустя сто лѣтъ, Климентъ Александрійскій и Тертуллианъ не разъ упоминаютъ о гимнахъ, воспѣваемыхъ въ

¹⁾ Откров. св. Іоанна V. 9, 10, 12.

²⁾ Тамъ же XI, 15.

собраніяхъ, раздѣленныхъ на два хора, славословіяхъ или аллилуія, которыми означалось окончаніе литургійныхъ молитвъ ¹⁾. Смотри потому, что для частнаго назиданія пѣніе входило въ употребленіе, можно заключать, что въ это время Церковь имѣла довольно богатое собраніе пѣснопѣній ²⁾, главнымъ предметомъ которыхъ было прославленіе Господа Иисуса Христа. Когда еретики Артемонъ и Θεодотъ около 180 года утверждали, что Спаситель былъ простой, обыкновенный человѣкъ, то приводимый Евсеіемъ писатель Швѣка порицалъ ихъ съ жаромъ явваго негодованія въ слѣдующихъ словахъ: „сколько въ древности написано вѣрующими братіями псалмовъ и пѣснопѣній, въ которыхъ Иисусъ Христосъ именуется Словомъ Божиимъ, и прославляется Его Божество“ ³⁾. Отнимите у Иисуса Христа божество, источникъ вдохновенія изсякнетъ, угаснетъ священное пламя.—Одинъ германскій берлинскій ученый богословъ Дорнеръ замѣчаетъ, что между сирійскими гностиками нвились поэты, каковы Валентинъ и Вардесанъ, въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ Игнатій Антіохійскій проповѣдывалъ божество Иисуса Христа, между тѣмъ какъ лира Эвіонитовъ оставалась безгласною и бесплодною такъ же, какъ и ихъ богословіе. У гностиковъ, не смотря на ихъ заблужденія, была мистическая воспримчивость и чувство божественнаго; напротивъ Эвіониты подавлялись раціонализмомъ, и не возвышались надъ грубостію вульгарной мудрости ⁴⁾. Изъ II вѣка дошли до насъ два дивныхъ памятника священной поэзіи—это *Трисвятое* и *Слава въ вѣмнихъ Богу*; изъ послѣдняго приводимъ здѣсь нѣсколько

¹⁾ Harnack, Der christliche, Gemeindegottesdienst, Erlangen. 1854, pag. 259, 360.—

²⁾ Harnack. въ утом. соч., стр. 360. примѣч. 2.

³⁾ Euseb. Hist. eccles., V, 28.

⁴⁾ Entwicklungsgeschichte der Lehre von der Person Christi, zweite Aufl., erster Theil pag. 293.

мѣсть: „Боже вѣчный, Агиче Божій, Сыне Отець, вземляй грѣхи міра, помилуй насъ... Яко ты еси единъ святъ, Ты еси единъ Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца“ ¹⁾). При наступленіи вечера христіанинъ читалъ другое пѣсно-пѣніе. „Радуйся! Свѣте Тихій святяга славы, безсмертнаго Отца небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христе! пришедше на западъ солнца, видѣвши свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа, Бога! Достоинъ еси во вся времена бѣть быти гласы преподобными, Сыне Божій, животь даай, тѣмъ же міръ ты славить“ ²⁾).—Еще достойны вниманія два пѣснопѣнія Климента Алаксандрійскаго, помѣщенныя въ заключеніи его рассужденія, извѣстнаго подъ названіемъ „Педагогъ“. Не столь содержательныя по ученію, они тѣмъ не менѣе дышатъ глубокою любовію, полнымъ упованіемъ и пламеннымъ благоговѣніемъ древней Церкви къ прославленному своему Главѣ. Древнія пѣснопѣнія христіанской Церкви проникнуты самыми возвышенными догматическими представленіями.

Но главное мѣсто въ первой части богослуженія занимало публичное чтеніе Священнаго Писанія, а еще бѣльшее—проповѣдь, служившая его истолкованіемъ. Про-повѣдь была непосредственнымъ продолженіемъ древняго устнаго преданія, писанія же Апостоловъ заняли первое мѣсто уже тогда, когда, по времени, преданіе отдалилось отъ своего начала. Въ началѣ должность чтеца была низшею, а первенство принадлежало проповѣднику или пророку, но современемъ роли перемѣнились, и лице, которому поручалось чтеніе священныхъ книгъ, получило первенство предъ проповѣдникомъ ³⁾) Въ Апостольскій вѣкъ прежде всего чи-

¹⁾ Подлинникъ этого пѣснопѣнія вечерняго помѣщенъ у Liddon-a, The divinity of our Lord and Saviour Iesus-Cbrist, 4-te edition, London, 1869 pag 386.

²⁾ Liddon въ томъ же сочиненіи pag. 387.

³⁾ Harnack, въ улом. соч. стр. 307.

тали книги Ветхаго Завѣта; дѣло касалось утвержденія основъ вѣры, и эти основы находили въ свидѣтельствѣ пророковъ о посланничествѣ Иисуса Христа. Безъ всякаго взаимнаго соглашенія, какъ бы по естественному побужденію, христіане къ чтенію пророковъ присоединили чтеніе Посланій Апостоловъ; одна Церковь пересылала ихъ къ другой, въ особенности если такая передача рекомендовалась и дѣлалась обязательною ¹⁾). Въ свою очередь Евангелія заняли подобающее имъ мѣсто и чтеніе ихъ сдѣлалось составною частію богослуженія; необходимо было оживить память о Спасителѣ, пришествія Котораго ожидали. Очень скоро стали различать два рода Писаній въ Новомъ Завѣтѣ: *Евангелія* и *Апостолы*; подъ Евангеліями разумѣли наше четвероевангеліе, подъ апостоломъ апостольскія посланія. Игнатій въ одномъ письмѣ дѣлаетъ ясный намекъ на этотъ обычай, когда уподобляетъ Евангеліе плоти Иисуса Христа, а Апостоловъ совѣту пресвитеровъ Церкви, прибавляя: „мы также повинujemyся пророкамъ“ ²⁾). Іустинъ мученикъ упоминаетъ о чтеніи достопамятностей Апостольскихъ. Что подъ этимъ названіемъ разумѣются Евангелія, въ этомъ никто не сомнѣвается, но остается еще узнать, не соответствуетъ ли такъ же это названіе всѣмъ писаніямъ, вышедшимъ изъ-подъ пера Апостоловъ ³⁾). Какъ бы то нибыло въ богослуженіи своимъ способомъ выражалось Апостольское преданіе на столько же, на сколько оно само имъ питалось. Между элементами усвоенными и вновь вводимыми господствовало совершенное согласіе; въ противномъ же случаѣ разногласіе тотчасъ осуждалось бы.

Проповѣдь служила естественнымъ орудіемъ для поступленія новыхъ элементовъ, сродныхъ съ первобытнымъ преданіемъ. Такая-то черта изъ жизни Иисуса Христа, до

¹⁾ I Посл. къ Θεссалоник. V, 7 — Посл. къ Колосс. IV, 16.

²⁾ Ad Philad., V. — Сравни. Hagbasck, pag. 243, примѣч. 2.

³⁾ Hagbasck, тамъ же.

тѣхъ поръ обойденная, приводилась по воспоминанію; такое-то раскрытіе ученія предлагалось; такое-то примѣненіе дѣлалось. Но свобода проповѣди была дѣломъ неизвѣстнымъ. Св. Апостоль Павелъ наказываетъ Церквамъ держаться его указаній: „и такъ, братія, пишетъ онъ къ Фессалоникійцамъ, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ, или посланіемъ нашимъ“¹⁾). Извѣстны столь точныя правила поведенія, которыя онъ преподаетъ ученикамъ своимъ Тимоѳею и Титу относительно ученія²⁾). Ученіе Апостольское (*дидахѣ апостоловъ*) составляло необходимое основаніе всякаго поученія. Въ первомъ вѣкѣ богослуженіе было дѣломъ сравнительно свободнымъ; проповѣдь говорилась въ различное время; конечно, все происходило въ порядкѣ и съ должнымъ приличіемъ, но ничего не было установленнаго. Дѣла смѣнялись по мѣрѣ того, какъ Апостолы сходили съ поприща, и угрозы ереси понуждали Церковь придать всему извѣстный видъ. Проповѣдь при Іустинѣ мученикѣ во II вѣкѣ уже подчинялась извѣстнымъ правиламъ; не осмѣливались болѣе полагаться на одно устное преданіе, но обращались къ писанному слову и читали Апостоловъ и пророковъ³⁾). Все шло къ принятію одного общаго для всѣхъ правила.

Іустинъ мученикъ говоритъ, что послѣ проповѣди вѣрующіе одновременно всѣ встаютъ и читаютъ молитвы⁴⁾). Нѣсколько позже, Иринеи въ сочиненіи своемъ о Пасхѣ объясняетъ, почему христіане по воскресеньямъ, и въ промежутокъ времени между Пасхою и Троицынымъ днемъ молятся, не становясь на колѣни. Начало этого обычая восходило ко временамъ Апостольскимъ. Совершеніе молитвы въ такомъ положеніи было для христіанъ знаменіемъ воскресенія

1) II Посл. къ Фессал., II, 15.—Посл. къ Колосс. III, 16.

2) I Посл. къ Тим. IV, 6.—II къ Тим. I, 13.—III, 14.—Посл. къ Титу, I, 9.

3) Нагаск, въ упомян. соч. стр. 245.

4) Апол. I, 67.

Иисуса Христа, благость Котораго освободила ихъ отъ грѣха и отъ смерти, которую они заслужили¹⁾). Тертуллианъ свидѣтельствуесть о существованіи такого же обычая и въ Африканскіхъ Церквахъ²⁾, и согласное свидѣтельство этихъ писателей подтверждаетъ общность этого обычая во всей христіанской Церкви. Даже самое это положеніе вѣрующихъ служило знакомъ твердой и радостной вѣры въ воскресеніе Иисуса Христа. Вѣровали не только какъ въ событіе, но какъ спасительное дѣло, исполненное Господомъ для спасенія грѣшниковъ. Впрочемъ намѣреніе первыхъ христіанъ приносить молитвы съ колѣнопреклоненіемъ въ другихъ случаяхъ вытекало изъ обычая. Обыкновенно молились на колѣнахъ въ теченіе недѣли—утромъ и вечеромъ, и въ особенности при исповѣди, выражая самымъ положеніемъ тѣла состояніе грѣхопаденія³⁾). Содержаніе общественныхъ молитвъ разнообразилось до безконечности; молитвы первой части богослуженія преимущественно состояли изъ испрашиванія прощенія грѣховъ и благодатнаго заступленія⁴⁾).

Вторая часть богослуженія состояла въ совершеніи Евхаристіи. Въ Апостольское время христіане собирались ежедневно, преломляли хлѣбъ по домамъ, и устроили общественныя трапезы, извѣстныя подъ именемъ агапъ; но злоупотребленія не замедлили появиться въ Церквахъ. Эти собранія, установленныя для объединенія христіанъ болѣе крѣпкими узами братской любви, произвели грустныя столкновенія. вмѣсто того, чтобы удѣлять часть отъ своихъ благъ, христіане, даже при богослуженіи, высказывали различіе по сословіямъ и имуществу, и потому Святый Апостоль Павелъ въ Посланіи своемъ къ Коринтянамъ выражаетъ опасеніе, какъ бы вслѣдствіе собраній своихъ они не сдѣлались хуже⁵⁾). По мѣрѣ того, какъ число христіанъ увеличивалось,

¹⁾ Iriuaei Fragmenta, edit. Stieren. pag. 828, 829.

²⁾ De Cor. militis. 3.—Alt, Der Christliche Cultus. Berlin, 1851, pag. 160.

³⁾ Alt. въ упом. соч. стр. 161, примѣч. 2.

⁴⁾ Harnack, въ упомина. соч. pag. 252.

⁵⁾ I Посл. къ Кор. гл. XI, ст. 18—22.

агапы становились болѣе и болѣе неудобноисполнимыми; сдѣлалось необходимымъ отдѣлить ихъ отъ таинства причащенія. Значительное преобразование послѣдовало въ началѣ II вѣка, если не въ первоначальномъ характерѣ Св. Вечери, то, по крайней мѣрѣ, въ образѣ ея совершенія. Благоговѣйнымъ чувствомъ христіанскимъ высоко поставленная, она сдѣлалась главнымъ и центральнымъ актомъ богослуженія послѣ выдѣленія ея отъ унижавшихъ ее соблазновъ на агапахъ. Игнатій, Іустинъ мученикъ и Иринея согласно свидѣтельствуютъ, что Святая Вечера въ древней Церкви христіанской составляетъ такое дѣйствіе богослуженія, въ которомъ выражаются всѣ ея вѣрованія. „Въ ней-то Церковь провозглашаетъ свою вѣру въ историческое событіе воплощенія Сына Божія и искупленія Имъ міра, совершеннаго Имъ однажды навсегда—черезъ принесеніе Имъ самаго себя въ искупительную жертву,—затѣмъ вѣру свою въ дѣйствительное присутствіе благодати и въ дѣйственное дѣло Христа, прославляемаго въ средѣ общества вѣрующихъ какъ на землѣ, такъ и на небесахъ, словомъ—вѣру въ истинно присущаго Христа, и дѣйствующаго въ Церкви своей—дондеже Онъ придетъ“¹⁾.

Игнатій укоряетъ нѣкоторыхъ еретиковъ своего времени въ томъ, что они уклоняются отъ причащенія и отъ молитвы, и не исповѣдуютъ въ причастіи тѣла Іисуса Христа, Который пострадалъ за наши грѣхи, и Котораго Отецъ небесный воскресилъ²⁾. Надобно видѣть, съ какою настойчивостію онъ еще подтверждаетъ вещественность тѣла Христова,—при обличеніи сектъ, отвергавшихъ ее, и дѣйствительность единенія вѣрующаго со Христомъ. Ефесяне, къ которымъ онъ пишетъ, суть Богоносцы, храмосцы, Христоносцы, святоносцы³⁾. Онъ постоянно перечисляетъ

¹⁾ Harnack, въ упом. соч., pag. 312, 313.

²⁾ Ad Smyrn., VII.

³⁾ Θεοφόροι, ναοφόροι, χριστοφόροι, ἁγιοφόροι (Ad Eph. IX. богоносцы, храмосцы, Христоносцы, святоносцы).

основныя истины христіанской вѣры: рожденіе Иисуса Христа, распятіе, погребеніе, воскресеніе въ плоти¹⁾. Но въ какомъ же дѣйствиі богослуженія всѣ эти историческія истины нагляднѣе воплощаются и предстаютъ глазамъ вѣрующихъ, какъ не въ совершеніи св. Вечери?... Іустинъ мученикъ выражается сколько мистически, столько же и дѣйствительно: „мы не считаемъ составныхъ частей св. вечери обыкновеннымъ хлѣбомъ и виномъ, но такимъ же образомъ какъ Иисусъ Христосъ Спаситель нашъ, воплощенное Слово Божіе, воспріялъ плоть и кровь для спасенія нашего, такимъ же образомъ мы знаемъ, что благословенные словами оставленной Имъ намъ молитвы хлѣбъ и вино, которыми, по пресуществленіи, питаются наша кровь и наше тѣло, есть тѣло и кровь сего воплощеннаго Иисуса Христа. Потому что Апостолы въ оставленныхъ ими намъ писаніяхъ, называемыхъ Евангеліями, учатъ, что Христосъ совершилъ предъ ними такое установленіе: принявъ хлѣбъ, и возблагодаривъ, сказалъ: „сіе творите въ мое воспоминаніе... Сіе есть тѣло мое,... и также взявъ чашу и возблагодаривъ, сказалъ: сія есть кровь моя“²⁾. Приведемъ еще свидѣтельство ученика Поликарпова и св. Іоанна—Ириней—этого жителя Востока, изъ Малой Азіи переселишагося на Западъ въ Галлію. Вотъ въ какихъ словахъ онъ выражается отъ своего ли собственнаго имени, или отъ имени Церкви о святомъ причастіи: „мы предносимъ Господу Богу благословенные хлѣбъ и чашу—воздавая Ему благодареніе за то, что Онъ повелѣлъ землѣ производить сіи плоды для нашего питанія.—По совершеніи жертвоприношенія мы призываемъ Святаго Духа, прося Его претворить эту жертву—хлѣбъ въ тѣло Христово, чашу въ кровь Христову, дабы вкушающіе отъ этихъ видимыхъ знаковъ получали прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчную; посему тѣ, которые приносятъ эти

¹⁾ Ad Eph., XVIII;—Ad Magn. XI. XV.

²⁾ Apol. I, 65.

дары въ воспоминаніе Господа Иисуса Христа, не причастны върваніямъ Іудеевъ, но духовнымъ своимъ служеніемъ заслуживаютъ названіе сыновъ мудрости¹⁾. Если изготовленная чаша и естественный хлѣбъ принимаютъ слово Божіе, если евхаристія становится тѣломъ Христовымъ (ибо этими самими элементами образуется и питается вещество нашего тѣла), то какъ можно говорить, что тѣло не можетъ воспринимать дара Божія, который есть жизнь вѣчная, тѣло, говорю, питаемое тѣломъ и кровію Господа, и дѣлающееся членомъ Господа²⁾?

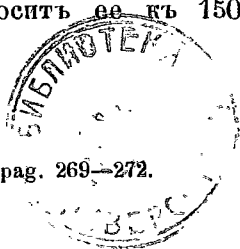
Встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Іустина мученика и При ея указанія позволяютъ съ достаточною точностію возстановить порядокъ совершенія Святаго Причастія около половины II вѣка. Богослуженіе начиналось нѣкоторыми предварительными дѣйствіями, каковы: взаимное братское лобзаніе и приношеніе даровъ т. е. хлѣба и вина, предназначенныхъ для совершенія таинства; затѣмъ слѣдовали хвалебныя и благодарственныя молитвы Богу за благодѣянія и благотворенія твари, далѣе произносилась молитва объ освещеніи даровъ, о претвореніи хлѣба и вина въ тѣло и въ кровь Христовы. Изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Іустина мученика узнаемъ, что въ этой молитвѣ воспоминались главныя событія спасительнаго искупленія—именно воплощеніе и страданіе Сына Божія³⁾. Послѣ этого Святые Дары раздавались приобщавшимся, и богослуженіе заключалось молитвою и окончательнымъ благословеніемъ.

Но мы не съумѣемъ лучше воспроизвести богослуженіе II вѣка, какъ представивъ въ переводѣ литургію, извѣстную подъ именемъ литургіи св. Марка, бывшую въ употребленіи въ Александрійской Церкви. Бунзенъ относитъ ее къ 150

1) Fragmenta, edit. Stieren, pag. 854, 855.

2) Adv. Haer. V, 2, § 3.

3) Apol. I. 66. Сравни. Harnack, въ упомин. соч. pag. 269—272.

году нашей эры. По словамъ его она употреблялась при жизни непосредственнаго ученика св. Апостола Иоанна Понтика, и онъ видитъ въ ней истинно Апостольскую красоту и простоту ¹⁾).

Евхаристія.

Да будетъ Господь со всеми вами!

И со духомъ твоимъ.

Горь имъимъ сердца!

Мы вознесли ихъ ко Господу.

Благодаримъ Господа!

Достойно и праведно есть.

Благодаримъ Тебя, Господи, за Твоего возлюбленнаго Иисуса Христа, ниспосланнаго къ намъ въ сіи послѣдніе дни, Спасителя и Испытателя, Ангела Твоего Совѣта, Слово исшедшее отъ Тебя, Которымъ Ты по своей волѣ сотворилъ все. Ты ниспослалъ Его съ неба въ утробу Дѣвы Маріи. Онъ воспринялъ плоть и родился изъ утробы Ея. Святыи Духъ нарекъ Его Сыномъ Твоимъ для того, чтобы Онъ исполнялъ волю Твою, и своею сильною десницею составилъ Тебѣ народъ. Онъ страдалъ для освобожденія страждущихъ людей, уповающихъ на Тебя. По собственной волѣ Своей Онъ былъ преданъ на смерть, чтобы разрушить смерть, и сокрушить узы сатаны, чтобы попать подъ ноги свои адъ, и высвободить святыхъ Твоихъ, возстановить порядокъ и повѣдать міру воскресеніе.

Для сего Иисусъ Христосъ, принявъ хлѣбъ и возблагодаривъ, сказалъ: „Примите, ядите, сіе есть тѣло мое, за васъ ломимое; также взявъ и чашу, сказалъ: сія есть кровь моя, за васъ проливаемая; сіе творите, когда только будете пить ее въ мое воспоминаніе“.

¹⁾ Bunsen, Hippolytus and his age. London, 1852, IV, pag. 153, 161, 164.

Жертвоприношеніе и освященіе народа и Даровъ.

Итакъ въ воспоминаніе о смерти Его и о воскресеніи Его мы возносимъ этотъ хлѣбъ и эту чашу съ благодареніемъ за то, что Ты сподобилъ насъ явиться предъ Тобою и исполнить жертвоприношеніе. Молимъ Тебя, просимъ Тебя ниспослать Святаго Твоего Духа на приношенія этой Церкви. Благоволи Господи освятить всѣхъ, имѣющихъ приступить къ нимъ, дабы они исполнились Духа Святаго, укрѣпили свою вѣру въ истинѣ, и стали славить и величать Тебя въ Сынѣ Твоемъ Исусѣ Христѣ, Которому, какъ и Тебѣ, да будетъ слава и сила въ святой Церкви и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Народъ. Какимъ Онъ былъ, каковъ есть, и какимъ будетъ изъ рода въ родъ, и изъ вѣка въ вѣкъ. Аминь.

Діаконъ. Всѣ стоящіе, преклонитесь.

Особенное благословеніе преклоненнаго народа.

Боже вѣчный! Ты, который вѣдаешь тайны душъ! народъ Твой преклонился предъ Тобою, и повергъ предъ Тобою огрубѣвшее свое сердце и свою плоть. Благоволи Господи обратить взоръ свой отъ святаго жилища Твоего, и благослови сихъ мужей и сихъ женщинъ, укрѣпи ихъ силою десницы Твоей, и будь имъ защитою въ страданіяхъ. Охраняй ихъ тѣлеса и души. Усиди въ нихъ и въ васъ вѣру и страхъ къ Твоему единокровному Сыну, чрезъ котораго Тебѣ, а равно Ему, и Святому Духу да будетъ хвала и слава, всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Діаконъ. Встанемъ.

Епископъ. Святыи со святыми.

Народъ. Единъ святъ, Отецъ.

Единъ святъ, Сынъ.

Единъ святъ, Духъ.

Епископъ. Господь да будетъ со всѣми вами!

Народъ. И со духомъ твоимъ!..

Благодарственное пѣснопѣніе.

(Вѣрующіе подходятъ, и причащаются).

Молитва послѣ причастія.

Господи Боже нашъ! властитель вселенной, Отецъ Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, благословимъ Тя за благодать Твою, по которой Ты сподобилъ насъ быть участниками въ святомъ Твоемъ таинствѣ,—да не будетъ оно намъ въ судъ или во осужденіе, но да послужитъ скорѣе къ обновленію въ насъ души, тѣла и духа чрезъ едиnorodнаго Сына Твоего, Которому и проч.

Народъ. Аминь.

Пресвитерь. Господь да будетъ со всѣми вами!
(Благословеніе послѣ причащенія).

Заключительная молитва освященія.

Господи вѣчный! правитель всего сущаго, Отецъ Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, благослови присутствующихъ здѣсь рабовъ и рабынь Твоихъ. Будь имъ покровомъ, помогай имъ и охраняй ихъ силою Ангеловъ Твоихъ. Сохрани ихъ и укрѣпи въ страхъ предъ величіемъ Твоимъ; просвѣти ихъ, дабы ихъ помыслы были обращены на Твои дѣла и даруй имъ благодать—вѣрить въ исходящую отъ Тебя истину! Даруй имъ миръ, сохрани ихъ отъ грѣха и отъ гнѣва во имя едиnorodнаго Сына Твоего, Которому и проч.

Народъ. Аминь.

Епископъ. Господь да будетъ со всѣми вами!

Народъ. И со духомъ твоимъ!

Діаконъ. Отыдите съ миромъ.

(Тѣмъ оканчивается Евхаристія).

Послѣ этого возможно ли безпристрастному наблюдателю оспаривать продолжительность и авторитетъ Апостольскаго преданія, когда мы видимъ, что празднованіе воскресенія установилось съ самаго начала—въ память воскресенія Господа Иисуса Христа, Пасха праздновалась во всѣхъ церквахъ въ воспоминаніе страданій и вмѣстѣ воскресенія;

пѣснопѣнія духовныя, проповѣдь и молитвы проникнуты содержаніемъ Евангелій, и наконецъ Святая Вечеря сдѣлалась средоточіемъ богослуженія; непрерывнымъ священнодѣйствіемъ Христовымъ, и Его дѣйствительнымъ присутствіемъ среди своихъ?—Апостольское преданіе, съ своей стороны, стало плотію въ нѣдрахъ древней Церкви. Никогда она не молится, не воспѣваетъ, не слушаетъ проповѣди слова Божія, не величаетъ и не прославляетъ святыхъ таинствъ, не повторивъ выдающихся чертъ изъ жизни Главы своего, и не засвидѣтельствовалъ снова вѣчной своей признательности къ свидѣтелямъ земной жизни Христовой.

§ 3. Хранители преданія.

Въ первобытныхъ Церквахъ весьма рано установилось церковное благоустройство. Въ подтвержденіе можно привести множество свидѣтельствъ изъ писаній Новаго Завета, начиная съ книги Дѣяній св. Апостоловъ, въ которой мы видимъ Апостола Павла, обращающагося съ рѣчью къ собравшимся въ Милетѣ пресвитерамъ Ефесскимъ, затѣмъ изъ Пастырскихъ Посланій и двухъ небольшихъ Посланій св. Апостола Іоанна. Наше увлеченіе пресвитеріанскою системою, наши предразсудки противъ различныхъ другихъ системъ, не препятствуютъ намъ признать съ самыхъ первыхъ временъ установленія епископскаго чина; хотя мы знаемъ, что епископство первобытной Церкви нимало не походило на деспотическую іерархію Римской Церкви. Епископы были облечены неоспоримою властію; члены Церкви не были исключены ни изъ совѣщательныхъ собраній, ни отъ участія въ избраніи должностныхъ лицъ церковныхъ¹⁾. На соборѣ Іерусалимскомъ, описанномъ въ пятнадцатой главѣ Дѣяній св. Апостоловъ, Апостолы и пресвитеры вмѣ-

¹⁾ Дѣян. св. Апост., VI, 5;—XV, 22—25.—XVI 4.—I Посл. къ Кор. V 4.—2 Посл. къ Кор. VIII, 19.—Bickell, Geschichte des Kirchenrechtes. Giessen 1843, I, pag. 26, 27.

стѣ со всею Церковію выслушиваютъ донесеніе о спорѣ, возникшемъ въ Антиохіи по поводу обрѣзанія. Съ общаго согласія отправляютъ они въ Антиохію повѣренныхъ, которымъ поручено было сообщить рѣшенія, постановленныя Апостолами, пресвитерами и братією¹⁾. Хотя Апостолъ Павелъ имѣлъ характеръ и приемы главы и учителя, но онъ ни въ чемъ не стѣснялъ Церквей; сіи послѣднія, по своему свободному выбору, назначаютъ уполномоченнаго для сопутствія Апостолу и для доставленія въ Іудею пожертвованій отъ Ахаіи и отъ Македоніи²⁾. Между основателями Церквей и братією существуетъ тѣсная солидарность; народъ христіанскій, на половину, вмѣстѣ съ лицами руководящими становится поручителемъ за вѣрность Евангельскаго преданія. Клиръ самъ по себѣ не составлялъ Церкви; Церкви въ цѣломъ своемъ составѣ подавали рѣшающій голосъ. Но очевидно, что Апостолы и преемники ихъ были представителями благоустройства и стояли на охранѣ церковныхъ общинъ отъ увлеченія ложнымъ ученіемъ. Они давали новой христіанской общинѣ приличный видъ; полагали первыя начала благочинія, начертали первыя правила для управленія.

Повсюду были поставлены блюстители порядка и руководители общинъ съ именемъ епископовъ, имъ усвоеннымъ. Въ исполненіи ихъ обязанностей имъ помогалъ совѣтъ, называвшійся совѣтомъ старѣйшинъ или пресвитеровъ³⁾. Повсюду заботились о сохраненіи именъ и о порядкѣ преемства поставленныхъ епископовъ, дабы чрезъ посредство ихъ можно было взойти до самыхъ основателей Церквей—до Апостоловъ, или до непосредственныхъ апостольскихъ учениковъ. Ученіе христіанское воплощалось въ лицѣ сихъ

¹⁾ Дѣян. св. Ап. XV, 22—23.

²⁾ 2 Посл. гл. VIII, 19.

³⁾ I Посл. къ Тим. IV, 14.—Ignatii Epistulae, ad Eph. IV.—ad Magn. II, VI, VII, XIII.—Ad Trall., II, III, VII, XIII.—Ad I bilad., III, IV, VII, VIII.—Ad Smyru. VIII. Ad Polyc. VI, VII.

списковъ; естественно, что главами правящими въ Церквяхъ дѣлались главы обладавшія и призванныя, отъ которыхъ, какъ отъ нѣкоего хранилища—можно было заимствовать источникъ здраваго преданія. Еще въ первомъ столѣтїи между 80 и 90 годами, Климентъ Римскій, пиша изъ Рима къ Коринтянамъ, употребляетъ такіе термины, которые предполагаютъ если не доказываютъ существованіе опредѣленной церковной организаціи. А гдѣ Церковь имѣла болѣе средствъ знать желанія Апостоловъ какъ не въ этомъ городѣ—Коринѣ, о духовныхъ выгодахъ котораго св. Апостолъ заботился съ такою нѣжностію? —, Апостолы, говоритъ Климентъ, ставили въ городахъ епископами первыхъ новообращенныхъ, а діаконами тѣхъ, которые еще только воспринимали вѣру ¹⁾). Предвидя несогласія, они поставили епископовъ и діаконівъ, и установили, чтобы по смерти ихъ другіе испытанныя лица заступили ихъ мѣсто въ служенїи. Въ началѣ сїи назначенія сдѣланы были Апостолами, или, съ согласія всей Церкви, другими уполномоченными лицами (какъ напр. Титомъ, Тимоеемъ). Епископы были начальниками, принятыми или утвержденными братією.—Вѣра епископа была выраженіемъ вѣры всей его паствы, а сїя послѣдняя въ свою очередь сообразовалась съ ученіемъ своего представителя, но всегда подъ условіемъ строгаго согласія съ Апостольскимъ преданіемъ. Климентъ Римскій выставляетъ все неприличіе раскола, раздиравшаго самую твердую и древнѣйшую Коринтскую Церковь изъ-за личныхъ споровъ—припоминая, что, между сими разрозненными христіанами господствовало единство ученія ²⁾).

Отъ Климента Римскаго до посланій Игнатія успѣхъ былъ замѣтенъ. Видно, что ересь разгорается, и что христіане крѣпче единятся съ своими властями.—Намъ не не-

¹⁾ Clem. Rom. I. Ep. ad Cor., въ изданїи Patres Apostolici, Dressel, XLII.

²⁾ Тамъ же XLVII, XLIV.

известно, что критическая школа набросила опалу на Послания Игнатія,—оставивши изъ подлиннаго текста нѣсколь- ко скудныхъ, безсвязныхъ отрывковъ въ родѣ перечней, помѣщаемыхъ въ заглавіи какой нибудь книги, или главы. Доводы ея не убѣдили насъ; мы стоимъ за достовѣрность семи Посланий—хотя бы въ сокращенной редакціи. Ученая Германія принимаетъ ихъ вообще, да и школа критическая отказывается отъ своего прежняго къ нимъ неуваженія ¹⁾. Дѣйствительно, трудно пренебрегать подобными памятниками, засвидѣтельствованными и приводимыми уже со II вѣка, време- ни появления ихъ—Поликарпомъ Смирнскимъ, Ирнеемъ Лион- скимъ, скептикомъ язычникомъ Лукіаномъ Самосатскимъ ²⁾. Между тѣмъ сіи Послания на каждой страницѣ заявляютъ же- ланіе или заботу о сохраненіи добрыхъ отношеній, довѣренно- сти и подчиненности стадѣ къ своимъ духовнымъ вождямъ. Тре-

¹⁾ Самъ F. C. Baug, отрицающій подлинность сихъ Посланий въ ихъ четверичной формѣ, принимаетъ ихъ какъ важный памятникъ для исторіи поста- новленій Церкви христіанской въ срединѣ II вѣка.—Kirchengeschichte der drei ersten Jahrh., pag. 276 въ примѣчаніи. Мы принимаемъ подлинность семи Посланий въ сокращенномъ греческомъ изданіи (см. Uhlhorn, Ignatius Bischof Antiochien въ Herzogs Real—Encycl. Ioa. Delitzsch въ упомянут. соч. pag. 62 въ примѣчаніи).—Доводы, приводимые противъ подлинности ихъ, суть или дѣло впечатлѣнія, или доказательства a priori, извлеченныя изъ христологическихъ доктринъ автора, изъ ихъ намековъ на ересь и изъ положенія, въ которомъ епи- скопство въ нихъ представлено. Сравни Lipsius, Zeitschrift für hist. Theologie. 1851, Heft I, pag. 62 и друг. и Vaucher, Recherches critique sur les lettres d'Ignace d'Antioche, Geneve, 1856.—Вынесенныя нами впечатлѣнія отличны отъ усвоенныхъ выше поименованнымъ писателемъ; мы убѣждены что Церковь всегда исповѣдывала вѣру въ божество Иисуса Христа, что ереси начались уже со второй половины I вѣка, и что епископство, описанное Игнатіемъ, восходитъ къ Апостольскому времени; поэтому доводы, сглаживающіе подлинность, нисколько насъ не касаются. Споръ этотъ или пререканія изложены въ сочиненіи Курца (Kürtz, Kirchengeschichte, § 122, 4.

²⁾ Polycarpi Ep. ad Phil. XIII.—Irenaei Adv. Haer. V, 28, § 4.—Luciani Dialogus de morte Peregrini.—Baug, стѣсняемый свидѣтельствомъ Поликарпа, естественно уже объявляетъ письмо этого Отца недостовѣрнымъ.

бование повиновенія еще болѣе внушается, чѣмъ у Климента Римскаго. Игнатій требуетъ отъ христіанъ повиновенія и подчиненія вѣрѣ епископовъ и ихъ совѣщателей. И въ самомъ дѣлѣ, когда постъ епископа былъ болѣе опаснымъ, чѣмъ почетнымъ, когда епископы служили буквально образцами для стадъ своихъ, когда они первые исповѣдывали Иисуса Христа предъ царями, предъ правителями провинцій и предъ народными толпами черни, собиравшейся въ циркахъ смотрѣть, какъ дикіе звѣри терзали ихъ и пожирали, какъ это было съ Игнатіемъ,—то они имѣли право на внушительное слово, на требованіе подчиненія если не себѣ, то своей вѣрѣ и ученію І. Христа. Вѣрить епископамъ, и вѣрить съ епископами, съ пресвитерами и со старѣйшинами значило то же, что вѣрить во Христа и въ Его Апостоловъ. Обстоятельства созидаютъ положеніе. Если мы перенесемъ мысленно въ эти древнія времена, если припомнимъ подозрѣнія, которымъ подвергались христіане со стороны правителей и народа языческаго, если подумаемъ о доносахъ и о клеветахъ, разсѣваемыхъ тогда на счетъ учениковъ Христовыхъ, если примемъ во вниманіе, что не одинъ пастырь Церкви былъ сподвижникомъ или ученикомъ Апостоловъ—Петра, Павла, Іоанна, что въ свою очередь онъ образовывалъ преданныхъ учениковъ—то мы не должны удивляться, слыша, что епископы—были ли они поставлены по выбору, или безъ выбора народа—во имя своего сана принимали начальственный тонъ, и съ челомъ, увѣнчаннымъ вѣнцемъ мучениковъ, продолжаютъ такъ же говорить, какъ въ Посланіяхъ своихъ говорили святые Апостолы Павелъ, Іоаннъ—на канувъ своей мученической смерти.

Конечно, они были люди, подверженные слабостямъ человѣческимъ, но они унаслѣдовали санъ своихъ предшественниковъ, а преданіе объ ученіи и дѣлахъ Иисуса Христа—устами ихъ нисходило до нижайшихъ степеней вѣрующихъ неоспариваемымъ. Всѣ знали, всѣ чувствовали, что

они говорили не отъ себя,—они были какъ бы трубы преданія¹⁾. „Истинвая наука, говоритъ Иринея, есть учение Апостоловъ; это есть древняя система, распространенная Церковію по всему свѣту; это отпечатокъ лика Спасителя, переданный посредствомъ преемственныхъ епископовъ, которымъ Апостолы ввѣрили заботу о мѣстныхъ Церквахъ. Сія наука дошла до насъ подъ доброю охраною, безъ примѣси лжеписаній, во всей полнотѣ своего содержанія, не подвергаясь ни вставкамъ, ни урѣзкамъ. Чтеніе текстовъ хранилось безъ измѣненія, и ихъ законное непрерывное объясненіе, не смотря на опасности и поруганія²⁾ не ослабѣвало“.

Этимъ выразительнымъ и прямымъ свидѣтельствомъ Иринея можно бы заключить нашъ трудъ, и мы присоединимъ къ нему лишь нѣсколько общихъ замѣчаній.

Послѣ всего сказаннаго мы ставимъ вопросъ: вѣроятно ли, чтобы христіанская вселенская Церковь, начиная со 180 года, была вовлечена въ необъятное заблужденіе, и чтобы только чрезъ сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ совершившихся событій она приняла легенду за исторію, и на свидѣтельство мечтателей, на бреду нѣсколькихъ женщинъ воздвигла столь величественное и такъ правильно организованное во всѣхъ частяхъ зданіе, внушающее удивленіе, по ученію, правамъ, богослуженію и благоустройству? Не надобно забывать, что древнія Церкви чрезъ посредство своихъ епископовъ были между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ. Отъ одного до другаго предѣла христіанства извѣстна была борьба, которую выдерживали братія по вѣрѣ; одни другихъ поддерживали во время голода сборами, молитвами во время

¹⁾ Bickell, въ упомян. соч. II, 136—146.

²⁾ Adv. Haer, IV, 8.

гоненій, братскими наставленіями или увѣщаніями во время еретическихъ движеній. Антіохійская и Смирнская Церкви хвалились тѣмъ, что записали послѣдніе дни жизни своихъ водителей Игнатія и Поликарпа, и пересылали другимъ христіанскимъ общинамъ эти мученическіе акты. Церкви галльскія, вьенская и ліонская, сообщали азіатскимъ Церквамъ повѣствованія о геройски вынесенныхъ ими гоненіяхъ. Въ то время, когда еракійскія Церкви сносятся съ Антіохійскимъ епископомъ Серапіономъ, Діонисій Коринѳскій, подъ конецъ II вѣка, отправляетъ Посланія въ Критъ, въ Римъ и въ Никомидію ¹⁾. Постоянно переписывались епископъ съ епископомъ, Церковь съ Церковію, епископъ съ Церковію, или Церковь съ епископомъ. Вѣсти передавались изъ Рима въ Ефесъ, изъ Александріи въ Коринѳъ, изъ Іерусалима въ Филиппы, изъ Смирны въ Ліонъ. Обмѣнивались между собою даже подлинными Посланіями одной Церкви къ другой ²⁾. Чтобы убѣдиться въ такихъ живыхъ сношеніяхъ, достаточно взглянуть въ церковную исторію Евсевія, и сосчитать подлинныя документы, официальные донесенія и словесныя ссылки современныхъ писателей. Но сверхъ сего представители Церквей собирались вмѣстѣ по мѣрѣ надобности. Преданіе упоминаетъ о помѣстномъ Римскомъ соборѣ при Телесфорѣ (142—154 г.). Потомъ при Аникитѣ состоялся одинъ соборъ въ Римѣ (167—175 г.), въ которомъ приняла участіе Поликарпъ и десять другихъ епископовъ, а другой между 194 и 203 годами при Викторѣ, на которомъ присутствовало четырнадцать епископовъ ³⁾. Въ Галліи на первомъ соборѣ, называемомъ Галльскимъ, председательствовалъ Ириней, потомъ на второмъ и третьемъ соборѣ въ Ліонѣ въ 198 году присутствовало двѣнадцать и тринадцать епископовъ ⁴⁾. Въ этомъ же II вѣкѣ состоялись со-

¹⁾ Eus. Hist. eccles., IV, 23.—Сравн. Томъ III изданія Heineichen, pag. 218.

²⁾ Тамъ же, V, 25.

³⁾ Wiltsch, Kirchl. Geogr. I, pag. 37.

⁴⁾ Тамъ же pag. 41, 42.

боры въ Анхіалѣ во Фракіи съ двѣнадцатью епископами, въ Коринѣ съ восемнадцатью епископами ¹⁾, два помѣстные собора въ Понтѣ, изъ которыхъ на одномъ присутствовало четырнадцать епископовъ, два въ Ефесѣ въ 198 году подъ предсѣдательствомъ епископа Поликрата, одинъ въ царствованіе Коммода (180—193 г.) въ Осроэнѣ, состоявшемъ изъ восемнадцати епископовъ и другой въ Месопотаміи ²⁾; еще одинъ въ царствованіе императора Севера (193—211 г.) въ Кесаріи палестинской въ 198 году и второй подъ предсѣдательствомъ епископа Теофила съ двѣнадцатью епископами ³⁾. Въ Смирнѣ, въ Антіохіи, въ Александріи, въ Аѳинахъ и въ Коринѣ были уже въ этомъ вѣкѣ школы катихизаторовъ, въ которыхъ преподавались настоящіе курсы христіанскаго богословія ⁴⁾. И это только отрывочныя данныя, а что сказать, если бы значительнѣйшая часть памятниковъ этой эпохи дошла до нашего времени!

И можно ли повѣрить, чтобы столько Церквей, разсѣянныхъ на всемъ обширномъ пространствѣ Римской имперіи и считавшихъ въ нѣдрахъ своихъ философовъ, врачей, людей военнаго знанія, заслуженныхъ адвокатовъ, допустили себя такъ бессмысленно опутать ложнымъ преданіемъ! Если не всѣ Церкви придавали равное значеніе нѣкоторымъ памятникамъ первобытнаго преданія, то слѣдуетъ ли считать эти памятники равномѣрно подозрительными, и подозрительными во всѣхъ отношеніяхъ! Если въ нѣдрѣ Церквей возникали нѣкоторыя разногласія относительно второстепенныхъ пунктовъ, то слѣдуетъ ли вѣрить, что онѣ совершенно и радикально были раздѣлены между сторонниками Петра и сторонниками Павла, и что внутреннія несогласія раздирали

¹⁾ Wiltsch, Kirchl. Geogr. I, pag. 44.

²⁾ Тамъ же, pag. 46, 48.

³⁾ Тамъ же pag. 50.

⁴⁾ Тамъ же pag. 43, 45, 48, 55.

ихъ до половины II вѣка! Если затеряно много древнихъ памятниковъ, если древнѣйшія вѣрованія и преданія не представляютъ монотоніи какого нибудь официальнаго памятника, то слѣдуетъ ли думать, что единомысліе Церквей относительно божественности Иисуса Христа ничего не доказываетъ ¹⁾),—что Церкви надѣльный покой субботы перенесли на воскресенье, и спорили между собою о днѣ Пасхи на основаніи какой то неопредѣленной молвы о воскресеніи Иисуса Христа,—что ихъ мученики проливали кровь свою въ честь какого-то призрака, а не въ честь Воскресшаго, и ихъ епископы и ученики защищали противъ современныхъ рціоналистовъ какое-то воздушное преданіе! Вѣдь тогда

1) „Если въ свидѣтельствамъ благочестиваго энтузіазма присоединимъ не меньше восторженныя практическія свидѣтельства, воздавныя христіанской вѣрѣ въ первые два вѣка,—если взвѣсимъ, что на мученичество смотрѣли какъ на высшій подвигъ служенія Богу, какъ на истинное крещеніе кровію, тогда какъ отрицаніе и отступленіе считались измѣною не челоуѣку или священной памяти, но преступленіемъ, лишавшимъ вѣчнаго спасенія и общенія съ Богомъ, смертнымъ грѣхомъ, которому не было прощенія, когда мы взвѣсимъ все это, то должны согласиться, что періодъ, кростирающійся до половины II вѣка, заслуживаетъ названіе не только періода Церкви свидѣтельствующей, но именно свидѣтельствующей объ истинномъ божествѣ и истинномъ челоуѣчествѣ Иисуса Христа. Все служитъ въ доказательству этого: современныя писанія, основное содержаніе богослуженія, принципъ его организаціи, происхожденіе христіанскаго искусства и нравственности собственно христіанской. Восточная и Западная Церкви единоклюны между собою. Самое разнообразное, смотря по мѣстностямъ, устройство первобытной Церкви выражаетъ единство нашей вѣры съ Апостольскою. Единое вдохновеніе одушевляетъ эти Церкви—вдохновеніе Духа Христова. Это свободное согласіе въ самыхъ отдаленныхъ между собою краяхъ можетъ быть разсматриваемо какъ самое неоспоримое доказательство единства, предшествовавшаго общему изложенію христіанской вѣры и присутствія въ христіанской общинѣ новаго зиждущаго начала—вѣры въ Сына Божія. Современная намъ Церковь не только приняла и сохранила, но еще съ лихвою развила сокровище, доставшееся ей отъ Апостоловъ и отъ непосредственныхъ ихъ учениковъ—сокровище, которое не преставало въ ея рукахъ обновляться черезъ посредство древняго обычая—чтенія Апостольскихъ Посланій, и въ особенности Евангелій“.

Dozner, въ упомяа., соч. I, стр. 294, 295.

должно думать, что Цельсы, Лукіаны, цѣлая стая невѣрующихъ язычниковъ и еретиковъ лучше понимали Іисуса Христа и христіанство, нежели очевидные свидѣтели, сподвижники и Апостолы Іисуса Христа!

Признаюсь, мое критическое и историческое образованіе не позволяетъ мнѣ выводить подобныя заключенія. Въ виду изученныхъ нами событій, послѣ выводовъ, нами изъ нихъ извлеченныхъ, невольно приходится заключить, что Церковь знаетъ, въ Кого она вѣровала, и что Апостольское преданіе надежнѣе и болѣе достойно вѣры, нежели преданіе раціоналистическое. Или нѣтъ совсѣмъ христіанства, или есть христіанство — Апостоловъ. Остается — или религія разума — эта куча системъ, проповѣдующихъ разнообразнѣйшія доктрины отъ деизма. съ жесткою моралью Конфуція или Канта до приводящаго въ отчаяніе нигилизма Будды, — или религія Христа и Апостоловъ! другаго нѣтъ выбора!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе автора	1
Введеніе	3

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первая генерація свидѣтелей отъ 30 до 90 года по Рождествѣ Христовомъ	42
--	----

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вторая генерація свидѣтелей отъ 90 г. до 160 года по Р. Хр.	116
--	-----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Третья генерація свидѣтелей отъ 160 до 220 г. по Р. Хр.	149
---	-----

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Апостольское преданіе въ концѣ втораго вѣка.	166
§ 1. <i>Тексты преданія.</i>	168
§ 2. <i>Памятники преданія—</i>	
а) Ученіе или вѣра церкви во II вѣкѣ	173
б) Церковное Богослуженіе во II вѣкѣ	286
§ 3. <i>Хранители преданія</i>	309

LIBRARY

45345